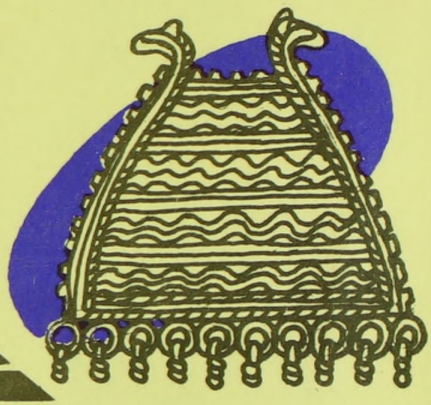
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1. 1995

Финно-угроведение, 1995 г., № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н.САНУКОВ (главный редактор),
Ю.В.Андуганов (зам. главного редактора),
В.А.Балашов, В.Е.Владыкин,
Ю.А.Зеленеев (отв. секретарь),
А.Г.Иванов, М.Г.Иванова, В.К.Кельмаков, Т.М.Керт,
Н.Д.Конаков, В.Г.Кудрявцев, Т.Л.Молотова, В.В.Напольских,
А.Н.Ракин, В.В.Седов, В.С.Соловьев, Д.В.Цыганкин.

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

©НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ I ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ФИННО-УГРОВЕДОВ

Т.Никитина. Первая Всероссийская научная конференция финно-угроведов 3

Решение Первой Всероссийской научной конференции финно-угроведов 9

Ю.Андуганов. Современное состояние и перспективы финно-угорского языкознания в России 13

Р.Голдина. Финно-пермские племена и их соседи: основные этапы взаимодействия 23

Г.Архипов. Этногенез финно-угорских народов Поволжья: современное состояние, проблемы и задачи изучения 30

К.Сануков. Проблемы изучения этнической истории финно-угров России 42

С.Лаллукка. Наследие академика Шёгрена и некоторые задачи изучения финно-угорских народов 55

И.Васильев, А.Колмаков, С.Алексеев. О Государственной программе национального возрождения и развития финно-угорских народов России 62

Н.Мокшин. Этноконфессиональная ситуация у мордвы на современном этапе 74

Л.Айтуганова. Песенные формы стиха финно-угорских народов Поволжья и Урала 87

В.Кудрявцев. Марийская тема в творчестве финского художника Агатона Рейнхольма 96

А.Леонтьев. О времени появления мери на берегах озер Неро и Плещеево 105

Е.Рябинин. Некоторые итоги изучения финно-угорских племен Северо-Западной Руси (летописные водь и ижора) 112

Л.Васикова. Марийская лексикография: современное состояние и перспективы развития 124

Г.Тужаров. К проблеме грамматических категорий имени существительного в марийском языке 132

Н.Исанбаев. Тюркские лексические кальки в марийском языке 139

А.Кюннап. Академик Пауль Аристэ (к 90-летию со дня рождения) 149

Список научных трудов К.Н.Санукова по финно-угроведению (к 60-летию со дня рождения) 153

ХРОНИКА

Финно-угорская хроника за 1994 г. Составил *И.Садовин* 158

Сведения об авторах 161

МАТЕРИАЛЫ I ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ФИННО-УГРОВЕДОВ

Татьяна Никитина
Йошкар-Ола

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИННО-УГРОВЕДОВ

15-17 ноября 1994 года в г.Йошкар-Оле проходила I Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Узловые проблемы современного финно-угроведения».

Традиция проведения один раз в пять лет научных конференций по финно-угорской тематике, обобщающих результаты исследований в области исторических и филологических наук, возникла в советское время. Последняя Всесоюзная конференция состоялась в г. Ижевске в 1987 году. В связи с политическими изменениями, произошедшими в стране, вновь ученым удалось собраться, теперь уже на российскую конференцию, лишь через семь лет.

Проведение такого мероприятия стало возможным только благодаря инициативе Правительства Республики Марий Эл, выполнившего основную организационную работу, и поддержке государственных структур Российской Федерации: Министерства науки и технической политики, Министерства по делам национальностей и региональной политике, Министерства культуры, Министерства образования.

Главная цель конференции — подвести итоги научных исследований в области финно-угроведения за истекшие семь лет накануне очередного Международного научного конгресса, выявить актуальные проблемы

и наметить перспективные направления исследований, обсудить наиболее спорные вопросы специалистами различных наук.

В работе конференции приняли участие 369 научных работников из 24 городов России от Санкт-Петербурга и Петрозаводска до Ханты-Мансийска и Томска, а также из Финляндии, Эстонии, США. Участники конференции представляли подразделения Российской Академии Наук (институты археологии и этнологии, УрО РАН, Карельское отделение и т.д.), национальные академии (Чувашская, Татарская, Башкирская), институты истории, языка, литературы при правительствах финно-угорских республик (МарНИИ им. В.М.Васильева, МордНИИЯЛИЭ), вузы (МордГУ, МарГУ, УдГУ, Сыктывкарский ГУ, Уральский ГУ, Томский ГУ), музеи (Российский музей этнологии, Пензенский объединенный музей, Кировский музей-заповедник и т.д.) и другие учреждения научного профиля. Наибольшую активность проявили научные центры Ижевска, Сыктывкара, Саранска, Йошкар-Олы.

Работа конференции проходила по трем основным направлениям: а) исследования в области филологии,б) исследования в области исторических наук, в) использование научных знаний в практической деятельности.

Филологическое направление представлено двумя секциями по языкознанию: 1) лексикология и ономастика; 2) фонетика, грамматика, диалектология, и одной секцией по вопросам фольклора и литературоведения.

В работе секции «Лексикология и ономастика» приняло участие 60 человек, прослушано и обсуждено 23 доклада. Богато представлен материал по топонимике Карелии (Г.М.Керт — Петрозаводск), Волго-Уральского региона (Н.В.Казаева — Саранск, Л.Ш.Арсланов — Елабуга, А.Н.Куклин — Йошкар-Ола). Наибольшую дискуссию вызвали доклады, в которых языковой материал проанализирован в историческом аспекте (Ф.И.Гордеев, И.С.Галкин — Йошкар-Ола, С.К.Белых — Ижевск).

На второй секции рассмотрены вопросы фонетики, грамматики, диалектологии, отраженные в 21 докладе ученых Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Томска, Екатеринбурга и т.д.

Участники секции «Фольклористика и литературоведение» в своих докладах и сообщениях рассмотрели актуальные на сегодняшний день проблемы историко-культурных взаимодействий фольклора как внутри финно-угорской группы (Г.И.Кубанцев — Саранск), так и с тюркскими народами. Обстоятельное освещение получили вопросы о месте фольклора в изучении истории финно-угорских народов, о взаимодействии фольклора и литературы. Доклады и сообщения по конкретным фольклорным и литературным жанрам (Р.А.Кудрявцева

— Йошкар-Ола, Г.К. Лисовская — Сыктывкар) органично вписывались в тематику работы секции.

Исторические науки были представлены докладами археологов, этнографов, историков. Благодаря широкому кругу специалистов стало возможным обсудить проблемы этнического развития финно-угорских народов с периода формирования до настоящего времени.

Истоки формирования финно-угорской общности рассматривались на секции «Ранняя этническая история финно-угорских народов». 24 доклада, заслушанные на заседаниях этой секции, охватывали значительный хронологический период от эпохи мезолита до периода сложения исторических народов. Особый интерес вызвали проблемы заселения бассейнов Камы и Вятки в эпоху развитого неолита (Т.М.Гусенцова — Санкт-Петербург), генезиса финно-угорской общности в связи с открытием протоволосовских комплексов (В.В. Никитин — Йошкар-Ола), культурогенеза в эпоху мезолита на Европейском Северо-Востоке (А.В.Волокитин — Сыктывкар, Л.А.Косинская — Екатеринбург), носившие теоретический характер. Участниками отмечено, что решение этнических вопросов невозможно без четко разработанной хронологии конкретных культурных образований. Эти задачи решались в докладах А.Н.Королева (Самара), Р.С. Габяшева (Казань) и др.

Проблемы хронологии и периодизации были в центре внимания и на секции «Финно-угры в эпоху средневековья». Всего на этой секции было прочитано и обсуждено 20 докладов. Основные усилия были сосредоточены на обсуждении вопросов этнической истории, поставленных еще на пленарном заседании (Г.А.Архипов — Йошкар-Ола, Р.Д.Голдина — Ижевск, Е.А.Рябинин — Санкт-Петербург, Э.А.Савельева — Сыктывкар, К.А.Смирнов — Москва, В.С.Патрушев — Йошкар-Ола), культурных, торговых, политических, этнических контактов финно-угров как между собой, так и с соседними тюркскими и славянскими народами. Участники секции отметили, что при решении этих вопросов политические симпатии исследователя не должны вести к искажению исторических фактов.

На секции была представлена серия докладов, разработанных на стыке гуманитарных наук с естественными и математическими, открывающими новые перспективы для исследователей (С.Е.Перевощиков, И.В.Журбин — Ижевск, А.И.Шадрин — Йошкар-Ола). Замечательно, что этими направлениями занимается молодое поколение ученых. Отмечено, что создание лабораторий по восстановлению и реставрации археологических материалов является в настоящее время первоочередной необходимостью и задачей, на которую нужно направить не только энергию ученых, но и значительные средства.

Новым явлением стало открытие секции «История финно-угорских народов». На предыдущих конференциях обсуждались, в основном на археологическом материале, ранние этапы этнической истории. Прежде не всегда учитывался тот факт, что политические события, экономические процессы, происходящие в России в целом и в регионах, населенных финно-уграми в частности, существенно влияют на развитие этноса до настоящего времени. Конференция показала, что историческая тематика нашла свое место в финно-угроведении. Правда, некоторые доклады касались политической, экономической, социальной истории без выявления влияния исследуемых процессов на этническое развитие, ряд ученых не видят пока разницы между историей народа и историей территориальной группы, называемой его именем, отчего в этих докладах речь шла не об истории мари, коми, удмуртов в тот или иной период, а об истории Марий Эл, Коми края, Удмуртии и т.д.

В целом работа секции проходила продуктивно и представленные в докладах материалы имеют огромный интерес для российских и зарубежных ученых.

Особенно насыщенными по количеству докладов и разнообразию рассмотренной тематики явились секции, связанные с этнографическими исследованиями.

На секции «Материальная культура, быт и хозяйство» заслушан и обсужден 31 доклад, в которых отражены различные стороны производственной и бытовой культуры финно-угорских народов. Следует отметить, что конкретные формы и явления материальной культуры: костюм, традиции, обряды — рассматривались в эволюционном развитии вплоть до современности и в связи с этническим самосознанием финно-угорских народов (Т.Л.Молотова — Йошкар-Ола, А.В.Черных — Пермь и т.д.). Изучение межэтнических и культурно-бытовых взаимодействий (Г.Р.Столярова — Казань) также способствует выявлению особенностей формирования этнического самосознания. К сожалению, на секции были доклады, охватившие по существу лишь восточных финно-угров: коми, марийцев, мордву, удмуртов, манси, хантов. Западно-финские народы практически оказались вне пределов обсуждения. Финансовые затруднения не позволили ученым Санкт-Петербурга, Карелии и других регионов, несмотря на предварительные заявки, принять участие в работе конференции.

Особенно хотелось бы остановиться на секции «Духовная культура финно-угорских народов». Она была самая многочисленная по количеству представленных работ: 40 докладчиков из 10 городов Российской Федерации. Эту секцию трудно отнести к разряду исторических или филологических наук. Сложные вопросы, поставленные здесь, потребовали знаний специалистов различных отраслей. Этнологи,

культурологи, историки, археологи, фольклористы, лингвисты обсуждали исторические корни национального самосознания финно-угров, выясняли особенности их этнической психологии, наметили основные тенденции в развитии духовности в настоящее время.

В результате работы всех секций выяснилось, что в последнее десятилетие интерес к финно-угорской тематике усилился; в регионах, населенных финно-уграми, особенно в финно-угорских республиках, возрос потенциал ученых, занимающихся этими проблемами. Ряды исследователей пополняются молодыми кадрами. Конференция показала, что финно-угорские ученые собрали огромный источниковый материал, не получивший пока освещения в литературе, в регионах и в центре сложились школы со своими традициями и подходами. Для успешной работы различных научных центров и эффективного использования массовых источников необходимы единые принципы в обработке материала. Такое мнение высказал Г.М.Керт (Петрозаводск) и предложил программу по сбору, обработке и созданию единой базы топонимического и антропонимического материала. На секции «Средневековая археология финно-угров» программа по обработке археологических источников была представлена коллегами из Ижевска (И.В.Журбин). Подобная программа предложена для обработки каменного инвентаря для комплексов древнейших периодов (А.В.Волокитин — Сыктывкар и Л.В.Косинская — Екатеринбург). Использовать методы математического моделирования было предложено и в фольклористике (Н.Н.Глухова — Йошкар-Ола). Создание программы для компьютерной обработки источников, как в области филологии, так и в истории позволит создать единый банк данных и без сомнения является перспективным направлением. Таким образом решаются две проблемы: сохранение источников для последующих поколений, использование массового материала поможет выйти на новый уровень теоретического обобщения.

Требования времени не позволяют, чтобы данные фундаментальных исследований оставались лишь достоянием научных архивов и узкого круга специалистов. В них нуждаются работники культуры, средних и высших образовательных учреждений, работники управления. Разработка дисциплин и факультативов по родной истории и культуре в школах финно-угорских республик, спецкурсов по финно-угорской тематике в вузах требует новых учебников и научной литературы по истории и языкознанию. Оргкомитет I Всероссийской научной конференции предложил ввести секцию, посвященную проблемам использования знаний в области финно-угроведения в национальных школах. Конференция подтвердила целесообразность этого нововведения. Выявлен целый ряд актуальных и перспективных

научных направлений в образовании, которые требуют первоочередного изучения: 1) разработка новых технологий обучения финно-угорским языкам; 2) обучение иностранным языкам финно-угорских детей как в школе, так и в вузе с опорой на языковой опыт своих народов; 3) методологическая, концептуальная перестройка школьного литературного образования; необходимость изучения фольклора в школе; 4) необходимость разработки курса «культура финно-угорских народов».

Заслуживает внимания предложение декана факультета искусств Удмуртского университета В.Б.Кошаева об организации в финно-угорских республиках выставок народной художественной культуры, послевузовской стажировки преподавателей народной культуры на базе Удмуртского университета.

В ходе работы конференции, кроме чисто научных проблем, обсуждались вопросы координации научных исследований по финно-угроведению. Прежде координация достаточно плодотворно осуществлялась Советским комитетом по финно-угроведению, который и являлся организатором Всесоюзных научных конференций финно-угроведов. После распада Союза формально преемником этого органа стал Российский комитет по финно-угроведению, но, к сожалению, последний, как признала конференция, фактически не выполняет этой роли. Все ученые единогласно высказались за возрождение деятельности Комитета по финно-угроведению. В плане координации научных исследований по финно-угорской тематике в Волго-Уральском регионе была положительно оценена деятельность недавно созданного в г.Йошкар-Оле Научного центра финно-угроведения, явившегося головным исполнителем программы «Финно-угры Поволжья и Приуралья».

Tatyana Nikitina

THE 1ST ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE OF FINNO-UGRISTS

On November 15-17, 1994, the 1st All-Russian Conference of Finno-Ugrists, called "The main problems of modern Finno-Ugristics", was held in Yoshkar-Ola.

The conference was arranged just on the eve of the forthcoming international scientific congress of Finno-Ugrists to sum up the achievements of the scientific research into Finno-Ugric studies during the last seven years, to pose some acute problems of today, to make a plan for future research, to involve experts on different sciences into the discussion and solution of disputable questions.

369 scientists and researchers from 24 cities of Russia, Finland, Estonia and the USA took part in the conference.

The work of the conference had 3 major divisions. The studies in Philology were given careful consideration to at the meetings of the following sections: "Lexicology and Onomastics", "Phonetics, Grammar and Dialectology", "Folkloristics and Literary Criticism". Such sections as "The Early Ethnic History of Finno-Ugric Nations", "The Finno-Ugrians in the Middle Ages", "The History of Finno-Ugric Peoples", "The Spiritual Culture of the Finno-Ugrians", "The Material Culture, Mode of Living and Housekeeping" dealth with the research into History. The third division talked over how to use the scientific achievements of Finno-Ugristics in teaching at national schools.

The materials of the conference will undoubtedly evoke great interest among both the Russian and foreign scientists.

РЕШЕНИЕ
ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ФИННО-УГРОВЕДОВ

В г.Йошкар-Оле по инициативе Научного центра финно-угроведения при МарНИИ им. В.М.Васильева, поддержанной Правительством Республики Марий Эл и государственными структурами Российской Федерации (Министерство науки и технической политики Российской Федерации, Министерство по делам национальностей и региональной политике Российской Федерации, Министерство образования Российской Федерации, Государственный комитет Российской Федерации по высшей школе), 15-17 ноября 1994 года состоялась I Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Узловые проблемы современного финно-угроведения» .

В работе конференции приняли участие 369 человек, представляющих 21 субъект Российской Федерации, в числе которых 226 научных работников, а также представители Эстонии, Финляндии и США.

Работало 10 секций:

1. Ранняя этническая история финно-угорских народов.
2. Финно-угры в эпоху средневековья.
3. История финно-угорских народов.
4. Духовная культура финно-угорских народов.
5. Материальная культура, быт и хозяйство.
6. Лексикология и ономастика.
7. Фонетика, грамматика, диалектология, взаимодействие языков и диалектов.
8. Фольклор и литературоведение.
9. Использование данных гуманитарных наук для преподавания в национальной школе.
10. Секция работников национальных библиотек.

В рамках конференции состоялось совещание представителей администраций и правительств финно-угорских регионов Российской Федерации по вопросам сотрудничества, управленческой деятельности

в сфере науки, образования, культуры, организации детского и молодежного движения.

Конференция показала, что в последние годы научный потенциал в области финно-угорской тематики возрос преимущественно в регионах, что нашло выражение в создании факультетов и кафедр финно-угроведения, разработке спецкурсов, проблемных научно-исследовательских лабораторий, музеев, специальных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций в отдельных республиках.Участники конференции отмечают целесообразность, перспективность работы в этом направлении во всех финно-угорских регионах.

В ходе конференции обозначились новые подходы в решении наиболее актуальных проблем современного финно-угроведения. Разработка и обсуждение новых методов и методик научного познания в области языкознания, этнической истории, национальной культуры будут способствовать плодотворному решению важных и наиболее спорных вопросов.

Кроме научных проблем, обсуждались вопросы практического использования научных разработок в учебном процессе в средней и высшей школе.

Комплексное обсуждение поставленных задач специалистами различных отраслей гуманитарных наук способствует не только развитию науки, но позволяет наметить перспективы в развитии языков, пути возрождения и сохранения культур финно-угорских народов, формирования национального самосознания. Конференция считает необходимой и своевременной разработку федеральной программы возрождения финно-угорских народов и подчеркивает необходимость участия ученых в разработке ее научной части.

В качестве первоочередных направлений научных исследований конференция отмечает:

1. Генезис культурных образований и отдельных народов.
2. Проблемы этнической истории финно-угорских народов.
3. Хронология финно-угорских древностей и периодизация исторических процессов.
4. Верования и обрядность финно-угров.
5. Шире использовать электронные средства для формирования банка данных по финно-угроведению.
6. Больше уделять внимания использованию научных знаний для преподавания в национальных школах.
7. В перерывах между Всероссийскими конференциями проводить тематические семинары, совещания и полевые симпозиумы по

конкретным проблемам, требующим первоочередного изучения.

8. Установить более тесные контакты между финно-уграми и историческими соседями.

Конференция отмечает стремление научной общественности финно-угорских регионов к сотрудничеству и объединению во имя возрождения и развития родственных народов, их языков и культур.

Участники конференции с удовлетворением отмечают учреждение и начало деятельности Научного центра финно-угроведения при Марийском НИИ им. Васильева в г. Йошкар-Оле и обращаются к Правительству Российской Федерации, Правительствам финно-угорских республик, входящих в состав Российской Федерации, администрациям автономных округов с предложением о создании на его базе Российского научного центра финно-угроведения. Центр должен стать координирующим органом по выполнению научных исследований по финно-угорской тематике. Просить правительства финно-угорских республик на долевых началах финансировать исследования, планируемые и координируемые центром.

Участники конференции считают важным событием в жизни финно-угорского сообщества начало издания научного журнала «Финно-угроведение» и считают необходимой его поддержку со стороны органов власти и управления Российской Федерации, республик и автономных округов в ее составе.

Конференция считает целесообразным изучить и обобщить опыт деятельности Государственных комитетов и министерств по делам национальностей в ряде финно-угорских республик в составе Российской Федерации и рекомендует создать подобные органы управления в других республиках.

Считать необходимым возродить деятельность Российского комитета по финно-угроведению.

Выразить благодарность Правительству Республики Марий Эл, МарНИИ им. В.М.Васильева, Научному центру финно-угроведения за высокий научно-организационный уровень проведения конференции.

Рекомендовать Научному центру финно-угроведения опубликовать материалы конференции.

Вторую Всероссийскую научную конференцию финно-угроведов провести в 1999 г. в г. Саранске (Республика Мордовия).

Просить Оргкомитет Международного конгресса финно-угроведов в 2000 году провести конгресс в г.Йошкар-Оле.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Юрий Андуганов
Йошкар-Ола

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИННО-УГОРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РОССИИ

На протяжении всей многовековой истории финно-угроведения языкознание в нем занимало и продолжает занимать по настоящее время ведущее место. Это и понятно, так как финно-угров прежде всего объединяет не что иное, как родство языков. Поэтому совершенно неслучайно именно с попыток обоснования родства языков научным методом зародилось само финно-угроведение, что датируется концом XVII столетия.

Весьма примечательно, что исследователями финно-угорских языков сделаны к сегодняшнему дню внушительные успехи по установлению как территории прародины уральцев, так и степени родства, а также диахронному и синхронному изучению фонетики, лексики, деривации, морфонологии и морфологии генетически родственных языков, о чем достаточно хорошо свидетельствует, например, выпуск в 1974-1976 гг. сводного трехтомного труда — «Основ финно-угорского языкознания», который по существу подытожил научные поиски, проведенные учеными-лингвистами мира разных поколений в течение нескольких веков.

Надо воздать должное зарубежным финно-угроведам, в первую очередь венгерским и финским, за их неоценимую научную деятельность в период зарождения и дальнейшего развития финно-угорского языкознания. Ими выполнена колоссальная работа по выяснению основных вопросов воссоздания генеалогического древа финно-угорских языков и изучению их в сравнительно-историческом аспекте.

В России до 20-х годов текущего столетия финно-угорское языкознание развивалось в двух центрах — в Петербурге и Казани.

В период развития классического сравнительного языкознания большой вклад в исследование финно-угорских языков на территории России внесли академики Петербургской академии наук А.Шёгрен и Ф.Видеман. Своими бессмертными трудами по самодийским,

прибалтийско-финским и марийскому языкам оставил неизгладимый след в финно-угроведении, работавший также под эгидой Петербургской академии наук, М.Кастрен.

Казанский университет — второй центр финно-угорского языкознания в России — был известен именами М.Веске и Н.Андерсена.

Как справедливо отмечает Я.Гуя, финно-угорское языкознание в России (в СССР) по существу возникло после Октябрьской революции — в 1925 г., когда в Ленинградском университете по инициативе члена-корреспондента АН СССР Д.В.Бубриха была организована кафедра финно-угорской филологии. Д.В.Бубрих по праву считается основоположником советского финно-угорского языкознания. Результаты его многогранной научно-исследовательской и организаторской деятельности составили целую веху в истории изучения родственных финно-угорских языков.

Советскому финно-угроведнию в первые 25 лет его существования пришлось преодолеть огромные трудности. Большое напряжение потребовалось от ученых при создании письменности, формировании литературных языков, подготовке учебных пособий для учащихся школ на родном языке. Одновременно проводилась большая работа по сбору материала для новых исследований.

Однако господство так называемого «нового учения о языке» Н.Я.Марра значительно замедлило развитие сравнительно-исторического финно-угорского языкознания, поскольку это учение было направлено прежде всего против сравнительно-исторического метода. Кроме того, положение усугублялось вследствие изолированности, в которой оказалось советское финно-угроведение. И все же в течение второй четверти XX в. в СССР работа по сбору материала не прекращалась, составлялись и издавались словари, описательные грамматики (1, с. 94).

Регламент работы конференции, к сожалению, не позволяет остановиться на деятельности каждого видного финно-угроведа советского периода. Но все же мы не можем не подчеркнуть, что ценою больших усилий выдающихся исследователей финно-угорских (уральских) языков эстонского академика П.Аристэ, академика АН СССР Б.А.Серебренникова, профессоров В.И.Лыткина, К.Е.Майтинской, А.П.Дульзона и др., а также их учеников финно-угорские регионы и национальные государственные образования накопили у себя солидный научный потенциал. Благодаря им теперь можно говорить о школах Н.Т.Пенгитова, И.С.Галкина, Л.П.Грузова в Йошкар-Оле, Г.М.Керта — в Петрозаводске, И.В.Тараканова — в Ижевске, Д.В.Цыганкина, М.В.Мосина, Д.Т.Надькина — в Саранске, З.И.Дубровиной — в Санкт-Петербурге, Е.А.Игушева — в Сыктывкаре,

А.П.Дульзона — в Сибири, Е.А.Хелимского, А.И.Кузнецовой — в Москве. К сожалению, пока не приходится говорить о школе чьей-либо по обско-угорским языкам. Это нас несколько огорчает.

Много делается по изучению финно-угорских языков в России. В последние годы местными научными центрами, изучающими финно-угорские языки, издан ряд монографий, выполненных на высоком уровне, выпущены сборники статей, словари, учебники для вузов, защищены докторские диссертации марийцами Д.Е.Казанцевым, Н.И.Исанбаевым, Г.И.Лаврентьевым, докладчиком, коми Е.А.Игушевым, удмуртом В.К.Кельмаковым, не говоря уже о многих кандидатских диссертациях.

Интенсивная работа продолжается и теперь. Для примера остановимся на деятельности двух центров: кафедры марийской и финно-угорской филологии Марийского государственного университета и отдела языка Коми научного центра Уральского отделения РАН. Один из них, как видно, представляет собой вузовское подразделение, другой — подразделение академического учреждения.

Кафедра марийской и финно-угорской филологии Маргосуниверситета укомплектована пятью профессорами и докторами наук и семью доцентами, кандидатами наук. Тема исследования языковедов кафедры «Развитие и структура марийского языка на современном этапе» составляет часть общероссийского научного направления «Развитие языков и литератур народов России во взаимодействии с русским языком и литературой». Исследованием фонетики, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса современного марийского языка заняты профессора И.С.Галкин, И.Г.Иванов, З.В.Учаев, докладчик, доцент Л.И.Барцева, истории марийского литературного языка — профессор И.Г.Иванов, стилистики грамматических категорий частей речи — доцент О.А.Сергеев. Работа носит прикладной характер, она ориентирована на написание учебников и методических пособий для преподавателей и студентов вузов с учетом последних научных достижений в области лингвистики.

С 1991 г. при кафедре функционирует научно-исследовательская лаборатория «Йылме», которая разрабатывает тему «Компьютерное исследование и программированное обучение марийскому языку в вузе и школе». Лаборатория госбюджетная, в своей деятельности преследует цель разработать методику компьютерного изучения языка, составить программы для программированного обучения марийскому языку в вузе и школе, подготовить банк данных для фронтального описания и изучения марийского языка с его диалектами с применением компьютера.

К настоящему времени написаны на марийском языке и отредакти-

рованы учебники для вузов по фонетике (проф. И.Г.Иванов) и словообразованию современного марийского литературного языка (доц. Л.И.Барцева, доц. О.А.Сергеев и проф. З.В.Учаев), составлены словари политических, флористических, зоологических, географических терминов, подготовлены к изданию монографии доцентов Л.И.Барцевой и О.А.Сергеева. К сожалению, выход их в свет задерживается.

Кафедра сотрудничает с кафедрой финно-угорских языков Туркуского университета. В результате сотрудничества издан марийско-русский словарь (Турку, 1993; Йошкар-Ола, 1994). В настоящее время ведется работа по составлению финско-марийского словаря. Составителями являются: со стороны марийской лаборатории «Йылме» — доц. В.Н.Васильев и проф. И.С.Галкин, с финской стороны — кандидат философии А.Мойсио.

Кафедра подключилась к научно-исследовательской программе «Финно-угры Поволжья и Приуралья». Задача этой программы — разработать основные научные направления по финно-угроведению в области гуманитарных наук, сделать доступными научные знания для широкого круга населения на основе конкретных концепций. В программе участвуют: доц. Л.И.Барцева, доц. Н.Н.Глухова, проф. И.Г.Иванов, доц. М.Л.Николаев и докладчик.

В 1990 г. при кафедре открыта аспирантура по специальности 10.02.07 — «Финно-угорские и самодийские языки». По данной специальности при университете работает Специализированный совет по защите докторских диссертаций, на заседаниях которого защищены 3 докторские и 4 кандидатские диссертации по марийскому, мордовским и коми языкам. В 1993 г. при кафедре открыты аспирантуры по двум специальностям: по литературе народов России и фольклористике.

Связь кафедры марийской и финно-угорской филологии с соответствующими кафедрами отдельных зарубежных вузов стала постоянной. В сентябре 1992 г. заключен договор о сотрудничестве с кафедрой финно-угорских языков Туркуского университета Финляндии. С этой же кафедрой в 1993 г. заключен новый договор о совместном компьютерном исследовании марийского языка. В соответствии с договором ведется плановая работа по исследованию марийского языка с применением ЭВМ. В 1993 г. подписан протокол намерений о сотрудничестве с кафедрой финно-угроведения Будапештского университета, проводится обмен специалистами кафедры и кафедры финно-угорских языков Упсальского университета (Швеция).

В 1993 г. члены кафедры вместе с профессорско-преподавательским составом и сотрудниками соответствующих кафедр и отделов Мордовского госуниверситета, Марийского и Мордовского пединститутов, Марийского и Мордовского НИИ принимали участие

на научном симпозиуме по теме «Изменения в волжско-финских языках», организованном кафедрой финно-угорских языков Туркуского университета. От кафедры марийской и финно-угорской филологии на нем выступили с докладами профессора И.С.Галкин, И.Г.Иванов, Ю.В.Андуганов и доц. Л.И.Барцева.

Профессорско-преподавательский состав кафедры активно сотрудничает с Институтом образования РМЭ, Министерством образования и воспитания и Правительством Республики Марий Эл, вносит посильный вклад в дело сохранения и развития языка и культуры марийского народа.

Исследованием коми языка в Республике Коми занимаются в трех центрах: в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкарском государственном университете и Коми государственном педагогическом институте.

Академическое коми языкознание сосредоточено в отделе языка КНЦ УрО РАН, в котором на май 1994 г. работало 11 научных сотрудников, из них 7 старших научных сотрудников, кандидатов филологических наук.

Научно-исследовательская работа в 1990-1993 гг. велась в основном в рамках долгосрочных плановых госбюджетных тем, завершение которых намечено на 1995 г. Среди них важнейшие:

1. «Словарь коми языка». Результатом выполнения темы должен стать новый, более полный коми-русский словарь.

2. «Грамматика коми литературного языка: Морфология». В рамках этой темы коллектив авторов готовит к изданию новую научную грамматику коми языков, в которую должны войти новые интерпретации, концепции, факты о морфологической структуре коми языка.

3. В 1991 г. начата плановая тема «Антропонимическая лексика в пермских языках», которая в 1995 г. может быть представлена в качестве докторской диссертации (с.н.с. А.Н.Ракин).

Отдел участвовал также в работе над коллективными темами — «Лингвистическим атласом Европы» и «Уральской диалектологией».

В последние несколько лет наметилась новая тенденция в развитии коми академического языкознания — разработка наряду с фундаментальными прикладных проблем, что вызвано новыми условиями развития языков малочисленных народов России. В помощь в изучении коми языка населением республики издан самоучитель коми языка (с.н.с. Е.А.Цыпанов). По заказу Министерства народного образования подготовлен и издан ряд словарей школьного типа (словари антонимов, омонимов, эпитетов коми языка). С целью создания более благоприятных условий для усвоения коми литературного языка учащимися-носителями ижемского диалекта издан школьный

сравнительный словарь литературного коми языка и ижемского диалекта (с.н.с. З.И.Ануфриева). В целях систематизации отраслевой лексики коми языка изданы ботанический, анатомический, зоонимический словари коми языка (с.н.с. А.Н.Ракин).

В настоящее время по заказу Министерства народного образования республики в отделе завершается работа над популярной школьной энциклопедией «Коми язык», ведется работа над школьным этимологическим словарем.

Сотрудники отдела активно участвуют в работе по расширению социальных функций коми языка. Еще в 1989 г. по их инициативе был проведена конференция «Проблемы функционирования коми языка в современных условиях», собравшая заинтересованных лиц из национальной интеллигенции и получившая широкий общественный резонанс. В 1991 г. был принят закон «О государственных языках Республики Коми», в разработке проекта которого, а также проекта государственной программы «Сохранение и развитие коми языка в качестве государственного», принятой Верховным Советом Республики Коми в 1994 г., активное участие приняли ученые языковеды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.*

Аналогичная картина наблюдается и в других центрах исследования и преподавания финно-угорских языков в России лишь с той только разницей, что в одних из них дело обстоит немного лучше, а в других — похуже.

В советский период самым мощным центром финно-угорского языкознания была Эстония, но с распадом СССР обстановка резко изменилась. Национальные государственные образования России формально обрели суверенитет, а исследовательские центры в них, — университеты, пединституты, НИИ, находящиеся в подчинении разных министерств, — стали более самостоятельно определять направления и темы исследований. Кроме того, ушли из жизни В.И.Лыткин, К.Е.Майтинская, Б.А.Серебренников, ведущие финно-угроведы России, причем все они были сотрудниками сектора финно-угорских языков Института языкознания АН СССР. Таким образом, центр по своему научному потенциалу во многом уступил периферии. Оказавшись в такой ситуации, ученые финно-угроведы России заметили, что жизнь настоятельно требует объединения усилий для решения насущных проблем, связанных с выполнением фундаментальных исследований.

---

* Автор весьма признателен зав. отделом языка ИЯЛИ КНЦ УрО РАН Г.В.Федюневой за любезно предоставленные данные о деятельности отдела.

В результате этого по инициативе археологов в 1993 г. в Йошкар-Оле при МарНИИ им. В.М.Васильева создан региональный Научный центр финно-угроведения, от которого, кстати, мы ждем очень многого и надеемся на его процветание, что, надо думать, во многом зависит от ученых финно-угроведов, и в первую очередь, конечно, от умных решений и согласованных действий Правительств финно-угорских республик совместно с Правительством Российской Федерации. Очень просим поддержать прозвучавшие во время работы конференции предложения, направленные на улучшение состояния финно-угроведения в России и развитие духовной культуры финно-угорских народов.

Несмотря на то, что российскими исследователями достигнуты большие успехи по изучению финно-угорских языков, впереди ждут нас новые неотложные поиски в этом направлении. Необходимость в безотлагательном проведении исследований вызвана состоянием изученности финно-угорских языков и узкой сферой употребления их в общественной жизни на протяжении многих последних десятилетий, что одни из них привело к полному исчезновению, а другие — к стадии вымирания.

Ученым-языковедам предстоит выполнить большой объем работы, имеющей важное теоретическое и прикладное значение. Делом первостепенной важности нужно считать:

— фиксацию лингвистических фактов всех уровней финно-угорских языков;

— систематизацию собранных данных по всем языкам и диалектам;

— создание банка данных по всем языковым уровням;

— теоретическое осмысление многих лингвистических явлений;

— детальное описание языков и диалектов;

— проведение сравнительно-исторического изучения языков, в особенности их синтаксиса и ономастики;

— создание различных типов словарей;

— изучение истории литературных языков;

— написание учебных пособий и учебников для студентов и учащихся школ и лицеев;

— подготовка научных кадров;

— написание и издание книг для широкого круга читателей об истории конкретных народов по данным их языков.

В связи с этим изучение финно-угорских языков необходимо вести с использованием современных технических средств в следующих направлениях:

1. Описание современного состояния языков.

2. Сравнительно-историческое изучение всех уровней родственных языков с привлечением новых данных.

3. Изучение актуальных вопросов контактирования финно-угорских языков с языками других народов России.

4. Разработка проблем прикладной лингвистики.

Все вышеуказанные направления предусматривают выполнение научно-исследовательских работ с непременным использованием ЭВМ. Это включает в себя следующие этапы:

1. Составление программ для ЭВМ и сбор фактического материала.

2. Систематизация собранных фактов и подготовка их к вводу в банк данных.

3. Компьютерное исследование различных уровней языков.

4. Изложение результатов исследования и их издание.

Выполнение всего этого потребует многолетней непрерывной и кропотливой работы большого коллектива ученых и научно-вспомогательного персонала.

Особо хотелось бы остановиться на сравнительно-историческом изучении синтаксиса финно-угорских языков, так как синтаксис является в настоящее время самым слабоизученным разделом сравнительно-исторического финно-угорского языкознания. История синтаксических организаций в наиболее полной мере может быть представлена в том случае, если диахроническое рассмотрение их ведется в неразрывном единстве с судьбой их форм. Изучение того, как и в каком направлении происходило историческое изменение и движение синтаксических структур, оказывается невозможным или почти невозможным без учета их морфологических опор. Таким образом, чтобы пролить свет на историю синтаксических единиц, их необходимо рассматривать в тесной увязке с соответствующими данными исторической морфологии. Это является надежным и наиболее эффективным методом в диахронном освещении синтаксических структур, что достаточно хорошо подтверждает опыт сравнительно-исторического изучения тюркских и индоевропейских языков. В частности Н.З.Гаджиева (2), а затем она же совместно с Б.А.Серебренниковым (3, с.3-4, 16-27) на основе своеобразного понимания синтаксического архетипа как типовой модели, имеющей определенную морфологическую опору, дальше развили идею немецкого синтаксиста Б.Дельбрюка, следуя единой концепции исторического синтаксиса, заключающейся в тесной увязке последнего с исторической морфологией. Однако концепция Н.З.Гаджиевой и Б.А.Серебренникова ориентирована на изучение синтаксиса группы родственных языков, отдельные из которых имеют письменные памятники с древнейших времен. Она большей частью применима и к диахронному изучению одного конкретного языка, но далеко не полностью. Концепция сравнительно-исторического изучения синтаксического строя языков с небольшой традицией письменного

пользования, а также языков бесписьменных, создана (4, с.1-8). На наш взгляд, именно эта концепция применима в историческом исследовании синтаксиса марийского, мордовских, коми, удмуртского и других финно-угорских языков России.

Реконструкция синтаксических структур конкретного языка предполагает следующий порядок:

1. Определение семантического типа выбранной структуры.

2. Определение конкретной модели отобранного семантического типа.

3. Выявление возможности возведения модели к древнеязыковому состоянию, созданию архетипа, а также установление отношения данной модели к синтаксическому архетипу.

4. Определение степени локального распространения модели в языке и возможности ее существования в плоскостях праязыков.

При синтаксической реконструкции используются данные диалектов, письменных памятников, фольклорных текстов, учитываются круг лексического выражения структур, типологические особенности исследуемого языка, а также родственных и контактирующих с ним языков; в трудных случаях необходимо прибегнуть к совокупному использованию различных данных.

В целях создания более ясной картины в историческом толковании синтаксических единиц (особенно в спорных случаях) не следует ограничиваться только данными финно-угорских языков, а необходимо идти дальше, т.е. привлекать к диахронному анализу факты самодийских языков, языков обитателей Сибири.

Почему мы об этом говорим? Да потому, что Научный центр финно-угроведения, занимающийся координацией и обеспечением научно-исследовательских работ только в определенном регионе, не может в нужной мере удовлетворить потребности историка языка. С тем, чтобы проводить исследование группы родственных языков в сравнительно-историческом плане, необходимо к этому привлечь компетентных специалистов со всех регионов проживания финно-угорских народов, необходимо максимально использовать имеющийся в России научный потенциал, а для этого нужен координационный центр с общероссийским статусом. От того, как решится данный организационный вопрос, будет зависеть дальнейшая судьба как финно-угорского языкознания, так и вообще финно-угроведения в России. Как мы понимаем, для российского финно-угроведения наша конференция будет иметь судьбоносный характер.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуя Я.* Краткий очерк истории сравнительно-исторического финно-угорского языкознания // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы развития и происхождения финно-угорских языков. М., 1974.

2. *Гаджиева Н.З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

3. *Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. М., 1986.

4. *Андуганов Ю.В.* Микросинтаксис марийского языка в историческом освещении: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 1991.

Yuri Anduganov

THE PRESENT-DAY STATE AND PROSPECTS OF FINNO-UGRIC LINGUISTICS IN RUSSIA

This publication is the report made by the author at the plenary meeting of the 1st All-Russian Conference of Finno-Ugrists. The author makes a brief historical survey of the past of Finno-Ugric Linguistics. In the paper special reference is made to the activities of the Chair of the Mari and Finno-Ugric Philology of the Mari State University and the Linguistics Department of the Komi Scientific Centre of the Uralic branch of the Russian Academy of Sciences. It is in this way that the author shows the present-day state of Finno-Ugric Linguistics and gives its general characteristics. The author gives his view on the prospects of Finno-Ugric studies in Russia.

«Финно-угроведение», 1995 , № 1.

Римма Голдина
Ижевск

ФИННО-ПЕРМСКИЕ ПЛЕМЕНА И ИХ СОСЕДИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

К настоящему времени в Приуралье изучены сотни археологических памятников, связываемых с народами финно-пермской языковой группы (удмуртами, коми-зырянами, коми-пермяками). Разнообразие и многочисленность собранного археологического материала позволяют не только представить специфические черты культуры финно-пермских этносов в различные исторические эпохи, но и дают возможность наметить основные направления, этапы, характер взаимодействия финно-пермского мира с другими этнокультурными объединениями.

Среди множества этносов, вступивших во взаимоотношения с древними пермянами, наиболее значительный след в их материальной и духовной культуре оставили индоевропейцы как восточные — индоиранцы, так и северные — балто-славяне; народы, говорящие на угорских языках; поволжские и западные финны, а также различные тюркоязычные группы. По времени, интенсивности, характеру, особенностям взаимодействия пермян с различными народами можно предварительно обозначить в их истории несколько этапов.

Первый этап (конец III — первая половина II тыс. до н.э.) характеризовался влиянием на древних финно-угров двух массивов индоевропейцев: расселяющихся с запада фатьяново-балановцев (северных индоевропейцев — недифференцированной протобалто-славяно-германской общности или протобалтов) и с юго-запада — ямно-полтавкинцев (восточной ветви индоевропейцев — древних индоиранцев). Контактам именно с этими группами индоевропейцев древние финно-угры обязаны первым знакомством с производящими отраслями хозяйства — скотоводством, земледелием и первыми изделиями из металла.

На *втором этапе* (XVI — IX вв. до н.э.) на финно-пермский массив активно воздействовали несколько групп населения. В конце первой половины II тыс. до н.э. на юго-западной окраине финно-угорское

население Приуралья некоторое время конфронтировало с абашевским населением — потомками древних индоиранцев, сложившихся на северной периферии ямной исторической общности.

Особое значение в истории древних пермян имела миграция с востока в XVI-XV вв. до н.э. сейминско-турбинских племен (угры?, угро-иранцы?). Это объединение сложилось в лесостепных предгорьях Алтая и за короткое время его представители прошли по лесостепным и лесным пространствам на запад, достигнув Приуралья (Е.М.Черных, С.В.Кузьминых). Появление этого населения в Приуралье явилось мощным толчком для прогресса всех областей жизни местного населения. Пришельцы значительно превосходили приуральцев в оружии, средствах передвижения и военной организации. Они владели секретами получения сплавов из различных вариантов бронз, золота и чистой меди, а также многими принципиально новыми технологиями сложнейшей металлообработки, прежде всего тонкостенного литья. Спустя некоторое время достижения сейминско-турбинского населения будут усвоены многими евразийскими народами, в том числе и финно-пермянами Приуралья.

Не менее важным представляется влияние на финно-угров Приуралья степного срубно-андроновского ираноязычного мира. Под воздействием срубников у финно-угров совершенствуются отрасли производящей экономики — скотоводство и в особенности земледелие. Срубники были первыми настоящими земледельцами в приуральской лесостепи. Они культивировали не только подсечно-огневое, но и плужное земледелие с использованием тягловой силы как крупного рогатого скота, так и лошади, а также специальных приспособлений — рал. Урожай собирали с помощью бронзовых серпов, которые по своим механическим свойствам превосходили многие типы железных серпов, бытовавших в более позднее время. Возделывали — пшеницу, ячмень, просо. Земледельческие традиции срубников бесспорно повлияли на формирование навыков земледелия у финно-пермян.

Вероятно, через срубников финно-угорское население могло познакомиться с конной запряжкой и легкими колесницами, хорошо известными в европейских степях с середины II тыс. до н.э., а с XIII-XII вв. — с всадничеством — умением уверенно управлять конем с помощью удил и псалий, что оказало огромное воздействие на развитие военного дела. Через срубное население к финно-уграм Приуралья поступал металл и, прежде всего, олово.

К концу этого этапа относятся контакты древних пермян с угорским населением межовского типа, которое появилось в Приуралье на территории современной Башкирии из лесостепного и южно-таежного Зауралья.

Третий этап — ранний железный век (VIII в. до н.э. — III в. н.э.). В это время наиболее ощутимо воздействие кочевнического скифо-сарматского ираноязычного мира на южные области финно-пермян (ананьинскую, позже кара-абызскую и чегандинскую культуры). Под влиянием степного населения у финно-пермян появились новые, более совершенные кочевнические образцы оружия (бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовые мечи-аккинаки, длинные железные мечи), защитные доспехи, новые способы управления конем. В значительной мере под воздействием ираноязычных степняков сформировался у финно-пермян своеобразный звериный стиль, развивались варианты культов — огня, солнца, коня. Существенные изменения общественного строя у пермян на рубеже эпох бронзы и железа также связаны с воздействием южных ираноязычных народов, развивающихся более быстрыми темпами, чем население лесных областей.

В это же время зафиксировано проникновение в Южное Предуралье немногочисленного зауральского угорского (или смешанного угорского и индоиранского) гафурийского населения. В процессе взаимодействия с местным, финно-пермским населением кара-абызской культуры гафурийско-убаларское население было ассимилировано и растворилось в финно-пермской среде.

Четвертый этап — IV-IX вв. В это время в результате событий, связанных с возвышением и усилением роли гуннов, в степях Сибири началось движение огромной массы кочевых народов на запад. К этому времени завершился период господства в степной и лесостепной зоне Сибири и Восточной Европы восточноиранских народов. Под давлением передвигавшихся по степям масс кочевников, в Прикамье появляется население преимущественно угорской саргатской культуры, локализованной в V в. до н.э. — IV в. н.э. в лесостепной части Западной Сибири.

Следующая волна угроязычного населения, появившегося в Приуралье на рубеже VI-VII вв., — кушнаренковцы. Прародина их — лесостепная часть Зауралья и Западной Сибири, где в это время известны памятники потчевашского и молчановского типов. Причину их переселения в Приуралье В.А.Могильников видит в нестабильной обстановке, определяемой набегами воинов первого тюркского каганата. Кушнаренковцы, пройдя по Южному Уралу,поднялись по р. Белой до Нижней Камы и здесь были остановлены именьковским и финно-пермским населением.

По мнению В.А.Иванова, в середине VIII в. наблюдалось еще одно проникновение довольно значительной группы западно-сибирского угорского населения, известного под названием кара-якуповской.

Исходный их район — также зауральская лесостепь. Они прошли через Южный Урал и были вынуждены остановиться в предгорных и горнолесных районах Южного Предуралья. Во второй половине IX в. основная масса кара-якуповского населения ушла из Приуралья в степи Восточной Европы и после длительных перемещений осела в Паннонии, где дала начало современному венгерскому народу. Отдельные группы, оставшиеся в Приуралье, вошли в состав формирующегося государства Волжская Болгария.

Как и в раннем железном веке, в первом тысячелетии н.э. с севера и северо-востока на финно-пермский массив оказывали давление западно-сибирские или угро-самодийские группы, которые в середине I тыс. н.э. наиболее ярко представлены памятниками бичевницкого типа, сконцентрированными на верхней Вычегде и верхней Средней Печоре и ее притоках.

В V-VII вв. финно-пермский массив с юга и юго-запада испытал воздействие населения именьковской культуры. Оно отличалось развитым животноводством, железоделательным и бронзолитейным производством. Но особенно прогрессивным по сравнению с финно-угорским населением у именьковцев было земледелие, которое имело характер пашенного. Не случайно, что в именьковское время на финно-пермских памятниках Нижнего и Среднего Прикамья появляются массовые находки кос, серпов, мотыг.

В конце VII — середине VIII вв. в нижнем Прикамье и прилегающем Поволжье появились первые памятники тюркоязычных болгар. Очевидно, часть именьковцев была вынуждена переселиться в Поднепровье (Г.И.Матвеева), а основная масса их была ассимилирована болгарами.

Таким образом, четвертый этап отличается ослаблением, а затем и прекращением воздействия иранского мира, многократным проникновением и внедрением в финно-пермскую среду различных угорских групп, эпизодическим воздействием индоевропейцев (славян?, балтов?), началом активного проникновения с юго-запада финнов Поволжья, а с юга — тюркоязычных ранних болгар.

Пятый этап —X — первая треть XIII вв. Одной из особенностей его было мощное воздействие на финно-пермский мир образовавшегося на рубеже IX-X вв. в Среднем Поволжье тюркоязычного Болгарского государства, территория которого почти полностью совпадала с границами именьковской культуры. В состав Волжской Болгарии вошли и довольно значительные группы финно-пермского населения ломоватово-неволинско-поломского типа.

Однако во второй половине этого периода в результате неудачного соперничества с Русью болгары потеряли контроль над значительной

частью Волжского торгового пути, что вызвало их особую активность на Камском торговом направлении.

В это же время преимущественно с юго-востока началось опосредованное воздействие на финно-пермян различных вариантов кочевых тюрок-печенегов, кимаков, древних башкир, гузов, половцев-кипчаков.

Первые контакты финно-пермян с русскими относятся к X-XI вв., о чем свидетельствуют находки славянских вещей на памятниках Вятского края. Сначала в Северном Приуралье появились новгородцы, которые обложили данью Пермь, Печору и Югру и завязали с ними торговые отношения. Во второй половине XII в. русские, сначала новгородцы, а затем и ростово-суздальцы начали проникать в Южное Приуралье по Волге, где вступили в конфронтацию с волжскими болгарами. В XI-XII вв. новгородские сборщики дани появляются на европейском Северо-Востоке. С XII в. здесь появились первые русские укрепленные погосты (Пожегское городище на р.Выми) — опорные пункты для систематического сбора дани, а также ремесленные, торговые и административные центры Древней Руси. Ко второй половине XII — началу XIII вв. относится начало заселения русскими бассейна р.Вятки, где было основано не менее 10 русских поселений. На этом этапе более определенно ощущалось также проникновение на левобережные притоки р.Камы — р.Яйву, верховья р. Вишеры древнемансийского зауральского населения. Естественно, что весьма значительным было воздействие угорского или угро-самодийского населения на северных пермян-коми-зырян.

В это же время довольно четко зафиксировано воздействие на северную часть финно-пермского массива, прежде всего, коми-зырян западно-финского (карельского, вепсского) компонента.

Шестой этап (40-е гг. XIII — середина XVI вв.) начался с драматических событий — вторжения в Поволжье татаро-монгол, которые разрушили не только многочисленные русские города, но и Болгарское государство. Центральная часть Волжской Болгарии опустела, а население бежало на ее бывшие окраины и сопредельные территории. Вероятно, в это же время одна из групп южно-удмуртского населения, жившая в пределах Волжской Болгарии и испытавшая сильное и длительное воздействие болгар, а, возможно, и включавшая болгар, переселилась на р.Чепцу и сейчас известна под самоназванием «бесермяне».

Нашествие татаро-монгол, разгром Болгарского государства, позднее — экспансия золотоордынских татар, их соперничество с русскими князьями способствовали движению марийского населения из Поветлужья, Костромского Поволжья на восток. В Вятско-Ветлужском

междуречье марийцы вступают в конфликты с обитавшими здесь удмуртами. В результате юго-западная граница финно-пермского мира существенно сдвинулась на восток — сначала на Вятку, а затем и на ее левобережные притоки. К XV в. почти все правобережье Средней и Нижней Вятки было занято марийцами. Остатки некогда сплошного удмуртского массива располагаются в низовьях правобережья р.Вятки.

В XIII-XIV вв. степи и лесостепь Приуралья — от низовьев р.Камы до Южного Зауралья — были заселены тюркоязычными кыпчаками, которые, вероятно, в некоторой степени влияли на ситуацию в пределах расселения юго-восточных групп пермян — южных удмуртов.

В это время север финно-пермского мира (коми-зыряне) стал ареной соперничества Великого Новгорода и ростово-суздальских князей, завершившегося победой последних. В XIV — начале XV вв. в Верхнем Прикамье появляется оседлое русское население, которое селилось совместно с местным, коми-пермяцким населением.

Волжская Болгария была включена в состав Золотой Орды. В 1240 г. татаро-монголы провели опустошительный набег на удмуртские земли правобережья низовьев р.Камы и включили эти земли в состав Арской даруги, а население обложили тяжелым ясаком. В середине XIII в. возник г.Арск — административный центр провинции Золотой Орды.

Финно-пермское население Вятского края было втянуто в орбиту ожесточенного соперничества русских и татарских феодалов. Монголо-татарское нашествие усилило поток русских переселенцев на р.Вятку. Под угрозой татаро-монгольского вторжения в среднем течении р.Вятки в середине — второй половине XIII в. возникло независимое государство — Вятская земля, объединившее как пришлое — русское и финское, так и местное удмуртское население.

В 1489 г. Вятская земля вошла в состав Московского государства. К моменту присоединения к Москве Вятская земля была своеобразной федерацией земель с русским, удмуртским, татарским, марийским населением.

С увеличением численности русского населения, нестабильной обстановки вокруг Вятской земли начался отток удмуртского населения с Вятки на ее левобережные притоки и, прежде всего, на р.Чепцу. Удмуртские роды фратриального объединения Вятка, обитавшие по среднему и верхнему течению р.Вятки, стали переселяться в среднее и верхнее течение р.Чепцы. Эти процессы продолжались и в более позднее время (XVII в. и позже).

Южные же удмурты, жившие преимущественно на территории Арской земли, после разгрома Волжской Болгарии подчинялись Золотой Орде, а с 1438 по 1552 гг. — ее политическому преемнику — Казанскому ханству. После падения Казани южные удмурты были присоединены к

Русскому государству. В конце этапа весь финно-пермский мир был объединен в рамках Русского государства.

Итак, в истории населения Приуралья огромное значение имели разнообразные контакты с иранцами, балтами, славянами, финнами, тюрками, уграми и другими народами, благодаря которым в известной мере сформировалось оригинальное этническое образование — финно-пермские народы.

Rimma Goldina

THE FINNO-PERMIC AND NEIGHBOURING TRIBES: THE MAIN STAGES OF INTERACTION

In the Ural area there have been found hundreds of archaeological relics which are supposed to be connected with the nations of the Finno-Permic linguistic group (the Udmurts, Komi-Zyryans, Komi-Permyaks). Due to a great amount of diverse archaeological material one can easily guess the peculiarities of the Finno-Permic culture in different historical periods as well as trace the major directions, stages and characteristic features of the contacts between the Finno-Permic community and other ethnocultural groups.

Various contacts of the Uralic population with the Iranians, Balts, Slavs, Finns, Ugrians, Turkic tribes and other nations played a great role in the formation and development of such original ethnic communities as Finno-Permic peoples.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Геннадий Архипов
Йошкар-Ола

ЭТНОГЕНЕЗ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

К поволжско-финской группе финно-угорских народов принадлежат мордва (эрзя и мокша) и марийцы. В древности финно-угры занимали обширную территорию Верхнего и Среднего Поволжья. По русским летописям мы знаем о существовании в конце I— начале II тысячелетий н.э. мери (междуречье Волги и Клязьмы), муромы (бассейн нижней Оки), мещеры (северная часть среднего Поочья).

Большинство исследователей считает, что племена дьяковской и городецкой культур Верхнего и Среднего Поволжья составили основу поволжско-финской языковой общности. Возможно, что поволжские финны, образуя племенную общность, подразделялись на две диалектные группы (1, с. 67).

Формирование раннесредневековых племенных образований Верхнего и Среднего Поволжья произошло в результате этнокультурных процессов.

Поволжско-финские племена сформировались как этносы примерно в одни и те же века — с начала I тысячелетия н.э.; наиболее активно процесс формирования «этнического ядра» каждого из этносов шел в середине этого тысячелетия и в основном завершился к концу, когда в русских летописях мы встречаем перечисление этих племен. В этом отношении можно говорить о некоей историко-этнографической области (ИЭО), как правило, охватывающей группы этносов (народов). Г.С.Лебедев (2) по данным гидронимии Восточной Европы выделяет лингвистический ареал северной части лесной зоны примерно до линии Западная Двина — Ока, занятый в древности финно-угорским этнокультурным массивом, которому соответствуют археологические культуры.

ИЭО — это части ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия и взаимовлияния сформировались многие

общие особенности культуры как материальной, так, в известной степени, и духовной (3). Поэтому судьбы тех или иных ИЭО всегда связаны с этнической историей народа.

Наряду с понятием ИЭО в науке принято еще понятие хозяйственно-культурный тип (ХКТ) для определения уровня развития хозяйства и культуры, выделения их локальных особенностей и как следствие определения границ формирования и развития этносов.

В процессе этногенеза различные этносы (как носители тех или иных традиционно-бытовых культур) часто вступали друг с другом в контакты, что сопровождалось как биологической метисацией, так и культурным взаимодействием.

Проблема этногенеза поволжских финно-угорских племен не нова. Более того, можно сказать, что в основных чертах, а в некоторых случаях и более конкретно, эта проблема решена, несмотря на существующие разногласия в деталях (а иногда и в концепциях) как среди историков, так и филологов. Надо признать, что по поволжским финнам имеются монографии как по отдельным племенам (этносам), так и обобщающего характера (4, 5,6,7). Тем не менее предстоит еще большая работа как по осмыслению уже имеющегося материала, так и получения новых источников.

Одной из важных и пока недостаточно изученных является проблема контактных зон в этногенетическом процессе, прежде всего задача выделения зоны этнокультурных (этнических и историко-культурных) контактов на различных этапах исторического развития того или иного этноса.

Проблема этнических контактов ставилась давно и не только в исторической науке, но и в филологии, прежде всего топонимии, а также при изучении археологического материала (8, 9, 10 с. 3-37 и др.).

В работе для анализа поставленной проблемы в основном будут использованы материалы и исследования по археологии, сознавая, что для ее решения необходим комплексный подход. При историко-этнической интерпретации археологического материала важно четко выделить компоненты, слагающие новый этнос, выявить и проследить происхождение каждой группы предметов и установить их роль в формировании нового этноса. Этнические общности не развиваются в обособленном и «чистом» состоянии и, как правило, формирование новых этнических общностей начинается в условиях сильного смешения различных этнических групп (компонентов). Начальным этапом рождения этноса является в период разложения первобытного общества (его заключительного этапа) возникновение населения новой общности со смешанной культурой. В дальнейшем развитии этой общности определяются зоны контактов и зоны с этноформирующими процес-

сами (зона формирования ядра нового этноса и этнической общности). Сложение новых этносов в первобытную и раннесредневековую эпохи происходит на базе уже существующих процессов дифференциации, ассимиляции или аккультурации. В зоне формирования ядра преобладает процесс интеграции, в контактной зоне наблюдается процесс как дифференциации, так и интеграции. В связи с этим следует иметь в виду, что в первобытности этносы не были четко отгорожены друг от друга, этнические границы племен нередко были расплывчаты. Это предопределило фундаментальное единство основ культуры на широких территориях, что облегчало восприимчивость культур соседних родственных, иногда и неродственных, этносов к межэтническим контактам. Этим объясняются нередко встречающиеся различные этнокультурные трактовки одних и тех же памятников, иногда и археологических культур в целом.

В связи с этим уместно, очевидно, напомнить, что нет единого (однозначного) понимания соотношения археологических культур и этнических общностей и, следовательно, возникает вопрос — моноэтничны или полиэтничны археологические культуры. В советской исторической энциклопедии (т. 16, с. 639) дано следующее определение понятия «этногенеза»: «процесс сложения новой этнической общности на базе различных, ранее существовавших этнических компонентов». П.М.Долуханов писал: «... Кажется необходимым признать то обстоятельство, что археологические культуры никогда (за редким исключением) не адекватны конкретным этносам, языкам или диалектам» (11, с. 123). В.В.Седов считает, что вопрос о соотношениях культуры и этноса не может решаться прямолинейно. Можно подобрать массу примеров, говорящих как в пользу категорического отрицания, так и в пользу тождества археологических культур и этнических общностей. Проблема не должна решаться на отдельных примерах. Это комплексная проблема и ее следует изучать в каждом случае в сотрудничестве с антропологией, климатологией и другими науками, поскольку среди археологических культур есть моноэтничные, полиэтничные и неэтничные. Нельзя не согласиться с этим выводом (12, с. 237-238).

На примере этнокультурной истории Волго-Вятского междуречья можно выделить на конкретном археологическом материале территории формирования этнического ядра древних марийцев и территорию этнокультурных контактов I тысячелетия н.э.

Признав Младший Ахмыловский могильник V-VII вв. н.э. первым археологическим памятником, отражающим формирование древних марийцев (т.е. ядра марийского этноса), на базе, в основном, двух культурных компонентов — городецкого и азелинского — мы должны

выяснить территорию, где начинался процесс интеграции этих культур. Археологически это определяется Мари-Луговским, Уржумкинским и Арзебелякским могильниками IV-VI вв. в Звениговском районе на левом берегу р. Волги. Севернее, недалеко от г.Санчурска, этот же процесс отмечается по материалам Кубашевского городища также IV-VI вв. и, возможно, Худяковского могильника.

Анализ погребального инвентаря Мари-Луговского и Уржумкинского могильников позволяет говорить о смешанном городецко-азелинском характере материальной культуры населения, оставившего их (13, с. 177-179; 14, с. 27-37). В этих памятниках обнаруживается ряд типов украшений, известных в могильниках кошибеевского типа: различные бляшки и накладки, обычно с ажурным щитком, бронзовые и медные сюльгамы с завернутыми в трубочку или округлыми пластинчатыми концами, украшенными насечкой и точечным орнаментом, железные гривны с напускными медными или стеклянными бусами, крупные сюльгамы со шнуровой окантовкой и биспиральными выступами по краям.

В то же время в Мари-Луговском и Уржумкинском могильниках были захоронения с частями коня, по характеру близкие захоронениям частей коня у более южных племен, кочевников лесостепи и степи (в частности, ираноязычные сарматы).

Более представительный материал, свидетельствующий о городецко-азелинских контактах, мы обнаруживаем в Младшем Ахмыловском могильнике V-VII вв. н.э. в левобережье р.Волги напротив г. Козьмодемьянска. В 70 могильных ямах было 75 захоронений: два парные и одно — коллективное. Ингумация составляет 78,3% от общего количества погребенных. Размеры подпрямоугольных могильных ям соответствуют росту погребенного. На дне некоторых ям были остатки деревянных или лубяных подстилок. Все захоронения имели северную ориентацию с отклонениями на запад или восток, что свидетельствует о сложившемся обряде. Этот обряд сохранился у древних марийцев до XII-XIII вв. и его можно считать одним из этнических признаков.

В отличие от обряда ингумации, кремация более разнообразна и составляет 26,6%. Отмечается 5 вариантов. Могильные ямы имеют подчетырехугольную, овально-вытянутую и округлую больших и малых размеров форму. Пережженные кости и вещи располагались: по всей длине ямы; компактно в одной кучке лежали пережженные кости и вещи; двумя кучками: кости в северной части ямы, а вещи в порядке их ношения при жизни. Встречались частично обожженные костяки, чаще всего обожженные черепа. В могильных ямах с кремацией, как и при ингумации, нередко отмечены деревянные или лубяные подстилки на дне, иногда обугленные. Кремация производилась в специальной

яме. Такое разнообразие кремации объясняется еще не устоявшимся обрядом, к IX-XI вв. этот обряд становится однообразным и стабильным.

Многие черты обряда кремации Младшего Ахмыловского могильника находят полную аналогию в Иваньковском могильнике в Чувашии, где кремация составляет 35% погребенных. В правобережье Волги обряд кремации в это время встречается и в других памятниках, достигая иногда 80% от общего числа погребенных (Борковский, Кузьминский, Малышевский, Серповский и др. могильники). Обряд трупосожжения характерен и для Безводнинского могильника в Ковровском районе Нижегородской области. Ю.А.Краснов справедливо указывает, что ближайшие аналогии в деталях обряда трупосожжения можно найти лишь в финно-угорских памятниках, прежде всего Западного Поволжья (15).

Аналогии с Безводнинским могильником Младший Ахмыловский могильник имеет и в инвентаре: головной убор, гривны, привески, нагрудные бляхи и др. В то же время Младший Ахмыловский могильник отличается от Безводнинского наличием азелинского компонента.

Наличие обряда кремации отмечается и в Худяковском могильнике (Тужинский район Кировской области) в бассейне р.Пижмы (21, с. 41-63). По некоторым деталям этот обряд на Худяковском могильнике аналогичен трупосожжению в Младшем Ахмыловском могильнике. Погребальный инвентарь Худяковского могильника во многом аналогичен инвентарю средневятских азелинских памятников: эполетообразные застежки, нагрудники, бусы, обувные украшения и т.д. Однако найдены и остатки головного убора муромско-мордовского типа: венчик с бронзовыми пронизками и обоймами.

В отличие от Младшего Ахмыловского могильника, в засыпи могильных ям Худяковского могильника встречались кальцинированные и сырые кости животных (зубы; части челюсти; трубчатые кости), обломки глиняной посуды, а также прокалы и углистые пятна. Вещи при трупосожжении располагались бессистемно, на разных уровнях. Все эти особенности больше характерны для пермских этносов.

Древние марийцы, сформировавшись в Поветлужье, постепенно продвигались на восток, к р.Вятке. В Ветлужско-Вятском междуречье во второй половине I тысячелетия проживали племена, оставившие такие памятники, как Шор-Унжинский могильник в бассейне р. Илеть, городища на р.Пижма Ижевское, Бурыгинское и др. и ряд городищ в пределах Республики Марийй Эл.

В отличие от азелинского времени (IV-VI вв.) памятники типа Шор-Унжинского могильника, Пижского (Безводнинского) клада в бассейне Пижмы, Концовского могильника недалеко от г.Кирова необходимо выделить в самостоятельную группу памятников с азелинскими традициями (многие типы азелинских украшений: арочные ажурные с тремя

лошадками, нагрудные наборные прямоугольной формы и др.), и в то же время с чертами в погребальном обряде (трупосожжение) и инвентаре, не характерными для азелинцев. Ряд вещей этих памятников находит аналогии в городецко-дьяковских памятниках.

Вышеперечисленные памятники относятся в основном к VIII в. Они располагаются, во-первых, в зоне контактов, а возможно и этнического состязания, во-вторых, в зоне замедленного развития этнообразующих факторов. Для VI-VIII вв. этот регион оказался в этническом отношении еще не определившимся. Все это зависело от того, какие взаимоотношения сложатся между отмеченными этническими зонами (Ветлужской и Прикамской) формирования марийцев и удмуртов. Очевидно, VIII в н.э. явился в этом отношении решающим. И уже в IX-XI вв. Волго-Вятское междуречье оказалось в основном заселенным древними марийцами, что не исключает наличие предков удмуртов в этом регионе. Рассмотренные материалы свидетельствуют о довольно обширной территории контактов между поволжскими и пермскими финнами.

Наиболее спорным в науке уже более ста лет является вопрос о соотношении меря и мари. Многие исследователи касались этого вопроса. Близкое созвучие «меря» и «мари» немалое число исследователей склоняло к отождествлению этих раннесредневековых племен. Другие считают, что меря составили один из компонентов в сложении современных марийцев.

Имеющиеся материалы, прежде всего археологические, не позволяют ставить равенства между меря и мари (18, 4, 5, 16, 17). Основной территорией мери являлась восточная часть Волго-Окского междуречья, т.е. большая часть современных Ярославской, Владимир-ской, Костромской и Ивановской областей. Меря, очевидно, состояла из нескольких племенных групп, родственных между собой. На востоке с мерей соседствовали и, естественно, контактировали марийцы. Ближе всех к марийцам была костромская группа мери. Последние исследования (Е.А.Рябинин, В.П.Глазов) позволили выделить в Костромском Поволжье более мелкие локальные группы со своими особенностями: Западная (костромская), Центральная (колдомо-суженская) и Восточная (кинешемская). Работами на р.Унжа (Г.А.Архипов, Е.А.Рябинин, А.Е.Леонтьев) установлено наличие археологических памятников в ее бассейне, принадлежащих мерянской группировке второй половины I тысячелетия: Поповские (Ухтубужское) городище, могильник и селище, Рапоновское и Сизеневское городища.

Эти материалы имеют значение для выяснения этнокультурной ситуации середины и второй половины I тысячелетия н.э. Среднего и Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Раскопки Поповского

(Ухтубужского) городища позволили авторам (А.Е.Леонтьев, Е.А.Рябинин) сделать вывод о принадлежности этих памятников одному из финно-угорских племен Поволжья. Облик культуры жителей городища обусловлен географическим положением. Река Унжа граничит с бассейнами Сухоны и Ветлуги и на расстоянии 250-300 км от нее протекает р.Вятка. Благоприятные условия для контактов и предопределили наличие традиционных прикамских черт в материальной культуре памятников.

В научных исследованиях археологов отмечаются общие элементы в материальной и духовной культурах населения, оставившего памятники в Костромском, Марийском Поволжье и Поветлужье, относящиеся к концу I - началу II тысячелетия н.э., на основании которых мы можем говорить о тесных контактах населения Костромского Поволжья и Ветлужско-Волжского междуречья. Отмечается и прикамский элемент в материальной и духовной культуре костромских меря.

А.Е.Леонтьев очерчивает территорию своеобразной культуры VII-IX вв., охватывающей бассейн р.Унжи, левобережья Волги в Костромском течении и правобережья Ветлуги, родственной двум крупным культурным областям лесной зоны: Западному Приуралью и Верхнему Поволжью. Это отмечается и в погребальном обряде.

В погребальном обряде костромских меря среди разнообразной ориентировки погребенных встречаются захоронения, ориентированные головой на север и северо-запад. В Поветлужье и Ветлужско-Вятском междуречье преобладает северная с небольшими отклонениями ориентация. В Младшем Ахмыловском могильнике V-VII вв. из 53 трупоположений около 30,8% ориентированы головой точно на север, с отклонениями на запад — около 20,8% и на восток — около 32%. Всего же на север с небольшими отклонениями ориентированы около 83,6% погребенных. Северная ориентировка была характерна для азелинских племен. Например, в Уржумкинском могильнике IV-VI вв. на север ориентировано около 31,5% погребений, на северо-запад — около 22,85% и на северо-восток — около 45,7%.

Однако сложность этнокультурных процессов в период формирования этносов отразилась в большем разнообразии ориентировки погребенных в Мари-Луговском могильнике IV-VI вв. Северная ориентировка с небольшими отклонениями составляет 40,6%, не характерная для древних марийцев ориентировка на восток в этом могильнике составляет 31,2%. Здесь же имелись погребения с южной ориентировкой с небольшими отклонениями на запад — 25%. Восточная ориентировка господствовала в мерянском Хотимльском могильнике VI-IX вв. на р.Тезе, т.е. по ориентировке Мари-Луговской и Хотимльский могильники очень близки.

Интерес может представить сравнение могильников Ветлужско-Вятского междуречья с могильниками Волго-Окского междуречья: Сарский в Ростово-Суздальской земле и Холуйский на р.Тезе (бассейн р.Клязьмы). Ранний комплекс женских украшений мери (VI-IX вв.) имеет много общего с украшениями из поздних могильников, а также могильников муромы. Характерная для рязанско-окских могильников нагрудная бляха «с дверцей» найдена в марийском Младшем Ахмыловском могильнике. Некоторые типы украшений можно обнаружить как в Младшем Ахмыловском, так и в Холуйском могильнике: налобный венчик из двойной спирали с подвесками, большая нагрудная плетеная пряжка-застежка, сюльгама, крестовидная фибула. Часть подобных вещей встречалась и в рязанско-окских могильниках. В то же время в Ветлужско-Вятском междуречье нет типично муромских и мерянских этноопределяющих височных браслетообразных украшений с замком в виде круглого щитка и височных украшений со втулкой.

Серебряная кольцевая застежка с лопастями из Младшего Ахмыловского могильника имеет аналогии в числе находок в Дурасовском городище (Костромское Поволжье) и муромских могильниках VI-VIII вв. Плоскодонная керамика вытянутых пропорций встречается как в Марийском Поволжье, так и в Волго-Окском междуречье.

В целом, изучение немногочисленных аналогий вещей из Костромского Поволжья и Поветлужья позволяют сделать вывод, что в I тысячелетии н.э. эти регионы могли составить единую историко-культурную область (включающую, очевидно, Ярославское Поволжье и Верхневолжье), но в этническом отношении Костромское Поволжье и Поветлужье относились к разным этническим областям.

В правобережье Волги соседями древних марийцев была мордва. Городецкая основа мордовского этноса признается всеми исследователями. Начало формирования мордвы относится к первым векам н.э. Поскольку городецкая культура не была единой на огромной территории, то естественно и проявление особенностей племенных (этнографических) групп мордвы. Большинство исследователей (археологи, языковеды) считает, что мордва формировалась как единое целое племя (или как единая племенная общность). Начало формирования мордвы связывают с памятниками типа селиксенских могильников, затем могильниками армиевского типа. Археологически выделяются памятники эрзи и мокши. Эрзя занимала северную часть расселения мордвы с северной ориентацией погребенных, мокша — южную с южной ориентацией.

В погребальном обряде и инвентаре мордовских и марийских племен много близких элементов, связанных как общей (городецкой) основой,

так и происходящими этнокультурными процессами, затрагивающими Окско-Сурское междуречье, Волго-Ветлужско-Сурской бассейн.

Самостоятельную этническую группу на нижней Оке составляла мурома, известная по памятникам типа Малышевского, Подболотьевского могильников, которая к XII в. полностью обрусела. Мурома имела немало типов украшений женской одежды, сходных с украшениями древних марийцев, но резко отличалась захоронениями с конем или отдельно коней. Для марийцев это не характерно.

Ближе к марийцам на северо-востоке были племена, оставившие могильники типа Безводнинского, Кочкинского. В них тоже есть захоронения с конем и отдельно коней. Но эти могильники по материальной культуре, имея много общего с муромскими, отличаются большей близостью к Волго-Ветлужским и Волго-Вятским памятникам. Ю.А.Краснов, детально проанализировав материалы Безводнинского могильника, считает, что этот могильник нельзя полностью признать муромским. Безводнинский и Кочкинский могильники располагались в зоне контакта.

Большой интерес вызывали и вызывают рязанско-окские могильники с самобытной культурой. Значение этих памятников заключается в том, что они помогают раскрыть довольно сложную этнокультурную ситуацию в этом регионе. Как установили исследователи, эта территория была зоной контактов, взаимовлияния и взаимопроникновения по крайней мере трех культур: местной поволжско-финской (в обряде захоронения головой на север), пришлых с верхней Оки балтов (головой на восток) и позже славян (трупосожжения под курганом). В их сложении отмечается большая роль городецких племен.

Этническую принадлежность племен рязанско-окских могильников одни исследователи считают эрзянской (19), другие — финно-угорско-балтской (20).

Мещера менее известна. Территория расселения определяется междуречьем Клязьмы, Москвы и Средней Оки (Мещерская низменность). Предполагается, что язык мещеры составлял один из диалектов мордовского языка, в настоящее время совершенно неизвестный. Племена мещеры полностью славянизированы. Из-за малочисленности материала и территориальной разбросанности трудно определить точную границу проживания мещеры.

Таковы в общих чертах проблемы установления и характеристики контактных зон по археологическим материалам. Естественно, абсолютно четкую границу между «этническим ядром» и периферией этноса (последняя, как правило, являлась зоной взаимопроникновения культур разных племенных обществ), установить невозможно. При этом чаще всего отмечается процесс интеграции, а иногда ассимиляции.

В Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. наиболее интенсивный этногенетический процесс шел в середине и второй половине тысячелетия, завершившийся в основном формированием этносов.

Разумеется, в небольшой статье нет возможности изложить все стороны происходящих этнокультурных процессов в Верхнем и Среднем Поволжье, Волго-Окском и Ветлужско-Вятском междуречье. Но было бы желательным и полезным более активно заняться этой проблемой, в том числе проблемой контактных зон и их роли в этом процессе рассматриваемого региона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Седов В.В.* Поволжские финны // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

2. *Лебедев Г.С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989.

3. *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы, расы, культуры. М., 1971.

4. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., 1952.

5. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. // МИА. №94. М., 1961.

6. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966.

7. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. // Археология СССР. М., 1987.

8. *Кушнер П.И.* (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. // Труды ИЭ. Т. XV. М., 1951.

9. *Козлова К.И.* Проблемы изучения этнокультурных контактных зон Среднего Поволжья. // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976.

10. *Генинг В.Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976.

11. *Долуханов П.М.* Археология и индоевропейская проблема. // Природа, 1990. №4.

12. *Медынцева А.А., Седов В.В.* XI Международный съезд славистов. Вопросы этногенеза и археологии славян (Словакия, 1993) // РА, 1994. №4.

13. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2. Йошкар-Ола, 1962.

14. *Архипов Г.А.* К вопросу о городецко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1976. (АЭМК. Вып. 1).

15. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего среденевековья), М., 1980.

16. *Архипов Г.А.* Происхождение марийского народа по данным археологии (с I тыс. н.э.) // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии 23-25 декабря 1965 г. Йошкар-Ола, 1967.

17. *Архипов Г.А.* Марийцы IX-XI вв. Йошкар-Ола, 1973.

18. Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. Материалы работ Волго-Окской экспедиции. М., 1989.

19. *Степанов П.Д.* Древняя история мордвы-эрзи. Ч. II. // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Саранск, 1970. — (Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39).

20. *Седов В.В.* Племена культуры рязанско-окских могильников // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

21. *Голдина Р.Д.* Погребальный обряд Худяковского могильника. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.). Межвузовский сб. Йошкар-Ола, 1987.

Gennady Arkhipov

ETHNOGENY OF THE FINNO-UGRIC NATIONS OF THE VOLGA REGION: PRESENT-DAY STATE AND TASKS OF STUDYING THE PROBLEM

The Volga group of Finno-Ugric nations comprises the Mordva (Erzya and Moksha) and the Maris. In ancient times the Finno-Ugrians occupied a vast territory of the upper and middle Volga areas. The Russian annals tell us about the Merya (on the territory between the Volga and Klyazma rivers), the Muroma (in the lower Oka basin) and the Meshchera (in the northern part of the middle Oka area) living late in the I millennium and early in the II millennium A.D.

The origin of these tribes has been more or less studied. They developed into ethnic groups approximately at the same time — at the beginning of the I millennium A.D. The middle of the millennium was the period of the most intensive formation of the "ethnic core" of each ethnos. Yet, there are some questions which need special research. All the tribes mentioned lived side by side in close vicinity and had numerous contacts. They formed a historical and ethnographic area.

The analysis of the archaeological data allows to roughly map out the territory of the formation of the ethnic core of those tribes and the ethnocultural contact zones in the I millennium A.D.

On the territory between the Volga and Vyatka rivers the contact zone is supposed to be located in the Bolshaya and Malaya Kokshaga basins and the middle and lower Pizhma areas (the Volga and Permic Finns). In the area between the Volga and Vetluga rivers the contact zone could have been located in the Unzha basin in the Kostroma region (the Maris and Merya). On the territory between the Volga and Oka rivers the contact zone might have been in the lower Oka basin (the Mordva, Muroma, Meshchera).

«Финно-угроведение», 1995 , № 1.

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФИННО-УГРОВ РОССИИ

Внимание представителей различных наук привлекают прошлая и нынешняя жизнь финно-угорских народов в ее разнообразных проявлениях и аспектах, важнейшие этнические процессы, затронувшие родственные народы на различных этапах их истории.

Применительно к каждому из них в отдельности и в целом к сообществу родственных народов, конечно, интересно и злободневно рассмотреть этническую историю. При этом такая задача — не чисто историографическая, а комплексная, междисциплинарная, в решении которой должны участвовать историки, археологи, этнографы, фольклористы, лингвисты, социологи и представители других наук.

Финно-угорские народы России в течение длительного времени в российской историографии не были предметом специальных научных исследований. В XVIII веке отдельные сведения о них публиковались в общих географических и этнографических описаниях народов Восточной Европы и Сибири. Во второй половине XIX века появились отдельные историко-этнографические очерки, посвященные их прошлому, среди них важное место занимает серия книг профессора Казанского университета И.Н.Смирнова «Черемисы», «Вотяки», «Мордва», «Пермяки».

В конце XIX — начале XX века у финно-угорских народов зародилась национально-демократическая интеллигенция, стало развиваться просветительское движение. Его деятели свои усилия направляли не просто на распространение элементарной грамотности среди своих сородичей,но на пробуждение национального достоинства и самосознания. В этом они большое место отводили собиранию и публикации сведений об историческом прошлом родных народов. Из фонда народной памяти они извлекали и делали достоянием общественности исторические песни, предания, легенды, особенно о родоплеменных богатырях, боровшихся за свободу своих соплеменников. Наряду с этим

они большое внимание уделяли собиранию и обобщению сведений о современном им этническом состоянии родных народов, их духовной и материальной культуры.

Марийцы В.Васильев и П.Глезденев, удмурты И.Михеев и Г.Верещагин, коми Г.Лыткин, мордвин М.Евсевьев и другие учителя и священники стали деятелями национальных движений, провозвестниками национального пробуждения. Их обращенность к исторической мифологии была продиктована не просто интересом к прошлому, а в первую очередь нацеленностью в будущее: если есть у народа прошлая история, зафиксировавшаяся в народной памяти, значит будет у него и будущая история. Вопросы этнической истории, исторические мифы своих народов просветители использовали для исторического обоснования нации, ее места в цивилизационном потоке.

Они хорошо понимали, что только сбросив путы навязанного русификаторами комплекса национально-исторической неполноценности, народы могут воспрянуть духом, ощутить свое историческое место среди других. Национальное возрождение идет через осознание народом своей исторической значимости. Многие буржуазные этнографы-шовинисты, подтасовывая факты и наблюдения, пытались доказать «неисторичность» угро-финнов. Вот почему, чтобы доказать, что и у этих народов была достойная внимания история, просветители обратились к народной памяти. Только через познание собственной истории, через оживление в исторической этнической памяти событий, вех, фактов, имен, достойных национальной гордости, может возродиться любой народ к новому историческому творчеству.

Видный марийский просветитель В.М.Васильев отмечал, что в его публикациях в «Марла календарях» проявилось «осознание народом мари в себе прежде всего человека, человеческого достоинства, былого могущества, оставившего следы в исторической жизни» (1, с. 97).

На этом фоне в конце XIX — начале XX века много было сделано по пропаганде финно-угорского родства. Финские и венгерские ученые часто выезжали в экспедиции к своим восточным родственникам. Особенно большая роль принадлежала в этом созданному в Хельсинки в 1883 году Финно-угорскому обществу, ставшему крупным научным центром. Многие из местных интеллигентов благодаря влиянию финских ученых более углубленно и заинтересованно стали изучать историю и этнографию своих народов. Известно, что еще под воздействием А.Шёгрена занялся собирательской работой один из первых коми ученых Г.Лыткин, внесший затем большой вклад в науку. Характерно признание первого марийского историка Ф.Егорова: на это занятие подтолкнуло общение с финским исследователем Уно Холмбергом и помощь ему во время его экспедиционной работы среди марийцев по сбору сведений об их верованиях.

В 20-х годах национальная политика в СССР имела немало положительных аспектов. Значительно продвинулось и изучение этнической истории финно-угорских народов. В этом уже участвовала молодая научная поросль из среды самих восточных финно-угров.

На рубеже 20-30-х годов исследования по истории народов оказались под запретом, стали писать только историю соответствующих территорий. Более того, был наложен запрет даже на само упоминание о родстве восточных финно-угров с финнами, эстонцами, венграми.

Репрессии против национальной интеллигенции в финно-угорских автономных областях, ратовавшей за возрождение своих народов и за установление тесных связей с родственными народами, развернулись уже в начале 30-х годов. В 1931 году было сфабриковано так называемое «дело федералистов», по которому были осуждены лучшие представители марийской интеллигенции (В.М.Васильев, Л.Я.Мендияров, Ф.Е.Егоров, Т.Е.Евсеев и др.), якобы стремившиеся отделить финно-угорские территории от СССР и присоединить их к Финляндии или образовать Федерацию финно-угорских народов под протекторатом Финляндии. В 1932 году разразилось дело «Софин» (Союза освобождения финских народностей), где в основном фигурировала удмуртская интеллигенция во главе с выдающимся поэтом мирового уровня Кузебаем Гердом.

Репрессии конца 30-х годов полностью ликвидировали первое поколение национальной интеллигенции финно-угорских народов, в том числе историков, археологов, этнографов, языковедов по обвинению в «буржуазном национализме» и «панфинизме» именно за то, что они исследовали историю, язык и национальную культуру своих народов, подчеркивали их историчность, самобытность, героическое прошлое, сопротивление завоевательской и русификаторской политике, отмечали финно-угорское родство и необходимость единства родственных народов.

На смену им были выдвинуты и выращены новые «интеллигенты», в том числе и историки с колонизированным сознанием и необходимой марксистско-ленинской закалкой. История финно-угорских территорий стала писаться с классовых, партийно-коммунистических позиций. В то же время произошел новый этап развития и укрепления русоцентристских позиций. До этого, в 20-х годах, они были ослаблены, национальные историки сделали заметный шаг в сторону отказа от них и пытались писать историю своих народов не так, как это видится из Москвы, глазами русского человека, а с позиций своего народа. Теперь,с конца 30-х годов, это стало считаться большим криминалом.

Яркий пример этого — тема присоединения финно-угорских народов и территорий к Русскому государству. В 20-х — начале 30-х

годов эти события рассматривались и оценивались как завоевание со всеми тяжкими отрицательными последствиями для коренных народов покоренных земель. В середине 30-х годов Сталин предложил считать их «наименьшим злом». А историки стали показывать их как абсолютное добро, стремились доказывать во всех случаях добровольный характер присоединения к России и акцентировать внимание исключительно на прогрессивном его значении.

Русоцентризм в написании истории финно-угорских народов продолжает господствовать и сейчас.

Хрущевская «оттепель» на развитие исторической науки в СССР оказала большое влияние, но практически внесла мало изменений в написание этнических историй финно-угорских народов, о чем свидетельствуют «Очерки истории» автономных республик, изданные в конце 50-х—60-х годах. Значительное продвижение было осуществлено в изучении этногенеза и ранней этнической истории ряда народов (научные сессии о происхождении мордовского и марийского народов). Большое значение в накоплении материалов для этого имели широкие археологические работы в финно-угорских регионах, исследования по топонимике. Непосредственно по этнической истории были осуществлены крупные индивидуальные монографические исследования: В.В.Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. Л., 1965; Л.П.Лашук. Формирование народности коми. М.1972; Н.Ф.Мокшин. Этническая история мордвы. Саранск, 1977; К.И.Козлова.Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978 и др.

В 80-х годах были изданы «Истории» автономных республик, на основе переработки соответствующих «Очерков истории». В плане показа этнической истории коренных народов этих республик они ничего нового не дали, скорее наоборот — в некоторых отношениях в этих книгах, вышедших в свет на излете «застойных» лет, сделан шаг назад в сравнении с «Очерками», которые при всех своих недостатках все же были детищами «оттепели». Были написаны и изданы коллективные монографии о некоторых народах: «Мордва» (1982), «Карелы Карельской АССР» (1983).

В конце 80-х — начале 90-х годов начался важный этап в истории финно-угорских народов — этап национального пробуждения; стали создаваться национально-демократические движения и организации («Коми котыр», «Марий Ушем», «Масторава», «Спасение Югры» и др.). Это естественно привело к оживлению внимания к истории народов. Тревога за будущность побудила обратить более пристальный исследовательский взор в прошлое, на исторический путь этносов от их рождения до сегодняшнего состояния. Начался этап нового прочтения и написания национальных историй финно-угорских народов на основе

освобождения от марксистско-ленинских догм, классового подхода, от фальсификаций русоцентризма. Изданы сборники статей, монографии, брошюры: «Удмурты» (1993); К.Н.Сануков. Марийцы: прошлое, настоящее и будущее (1992); К.И.Куликов. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг. (1993); «Карелы. Финны. Проблемы этнической истории» (1992), «Libiesi» (1994) и др. В этом ряду особо следует отметить состоявшееся в 1988 году межрегиональное совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры» и издание книги с соответствующим названием. Серьезным общественным событием стала международная конференция «Пути выживания народов ханты и манси» (апрель 1992 г.)

В 1991 году в Сыктывкаре проведена научная конференция «Развитие советских финно-угорских народов: история и современность», в Йошкар-Оле — по проблемам этнопедагогики и культуры родственных народов, в 1992 году в г. Сомбатхее — «Пути уральских народов к политической, языковой, культурной автономии», в Тарту — «Финно-угорские меньшинства в меняющемся мире». Большое место вопросы этнической истории заняли на первом международном конгрессе «История Финно-угрия» (Оулу, июнь 1993).

В мае 1992 года в Ижевске состоялся первый Всероссийский съезд финно-угорских народов. В докладах и выступлениях так или иначе присутствовал исторический материал. 1-3 декабря 1992 года в Сыктывкаре прошел первый Всемирный конгресс финно-угорских народов. А накануне, 30 ноября, там был проведен «круглый стол» ученых на тему: «Этнополитическая ситуация в финно-угорских регионах».

Большую заинтересованность в обращении к этнической истории и современному состоянию финно-угорских народов России проявил Институт Яана Тыниссона: в сентябре 1992 года он провел в Таллинне конференцию «Финно-угорские народы и Россия», в октябре 1993 года — конференцию «Финно-угорские меньшинства в меняющемся мире». На их основе издана книга «Финно-угорские народы и Россия. Сборник материалов международных конференций 1992-1993 гг.» (Таллинн, 1994).

В 1994 году в Мурманске состоялась научная конференция по проблемам истории и современной жизни саамов,а в местечке Мазирбе (Латвия) была проведена международная научная конференция «Ливы и их культура: теория и практика сохранения языка и культуры малых этнических групп».

Наряду с активизацией научных исследований характерной чертой последних лет стало широкое распространение любительских публикаций на исторические темы, о прошлом финно-угорских народов. В них на новом историческом витке возрождается мифологизированная история. Это тоже можно считать неизбежным проявлением, спутником

национального возрождения: нация для своего утверждения (прежде всего в собственных глазах) должна воссоздать (или создать, придумать) свою героическую и трагическую версию собственной истории.

В этих условиях особенно необходимо именно научное исследование этнической истории угро-финских народов.

Не ставя перед собой нескромную и непосильную одному человеку задачу подведения итогов и определения перспектив исторических исследований в отношении финно-угорских народов, все же следует попытаться высказать некоторые соображения по ряду вопросов, которые представляются важными или во всяком случае необходимыми и созревшими для их ближайшего рассмотрения.

В первую очередь надо подчеркнуть, что на современные этнические процессы, на этнополитическую и морально-психологическую ситуацию в финно-угорских регионах большое влияние оказывает историческое прошлое. Финно-угры (за исключением венгров), не успев создать своей государственности, еще на заре своей истории, на стадии выхода из первобытно-общинного состояния и завершения своего этногенеза оказались в орбите геополитических интересов более сильных соседей: германцев, славян, тюрков. В ходе славяно-русской военно-торгово-колонизационной экспансии на север и северо-восток исчезли меря, мурома, мещера, чудь заволочская, сохранились только осколки води, ижоры, вепсов, были покорены коми, коми-пермяки, карелы, частично мордва, удмурты, мари, саами, «югра» (ханты и манси). А с юго-востока на угро-финнов наступал воинственный тюркский мир (но все же здесь даже под так называемым «татаро-монгольским игом» финно-угорские этносы сохранились). Ранее занимавшие значительную территорию и многочисленные, они сокращались численно и сжимались территориально под натиском русских с запада и тюрков с востока.

Во второй половине XVI века полностью в состав Московской Руси были включены находившиеся до этого под гнетом татарских ханств удмурты, мари, мордва, ханты, манси. Завоевание сопровождалось жестокостями, равными синхронным «подвигам» испанцев в Америке, португальцев в Африке. Сопротивление завоевателям жестоко подавлялось карательными экспедициями. Вот довольно характерное восторженное высказывание летописца: «И быша убиения человеческая велика, и кровми полияся варварская земля; блата и дебри, езера и реки намостишася черемисскими костми» (2, с.127). Значительная часть коренного населения в захваченных регионах была уничтожена карателями.

В начале XVIII века в результате победы над Швецией Россия присоединила земли эстов, ливов, ижоры, води, карел.

Насилие в сочетании с более утонченными формами порабощения сопровождало и утверждение на финно-угорских землях нового административного управления, и политику христианизации. В Российской Империи финно-угры в полной мере испытали на себе проявления неприкрытых русификаторских устремлений, издевательств и гонений на национальной почве.

Все это осталось в исторической памяти народов, в их легендах и преданиях незаживающей раной и высвечивается на фоне оживления национального самосознания, придавая определенную политическую и морально-психологическую окраску историческому сознанию.

Не меньшее воздействие на менталитет финно-угорских народов России оказывает и 75-летний период советской истории. Особенно трагические последствия имела насильственная коллективизация, ибо российские финно-угры — в основном сельские жители. Массовые репрессии конца 30-х годов подорвали у этих народов их генофонд, уничтожили у недостаточно в этническом отношении окрепших наций их цвет — молодую национальную интеллигенцию. Ижорцам и ингерманландским финнам выпала трагическая участь репрессированных народов. А земли карел, коми, коми-пермяков,саамов, хантов, манси непосредственно входили в систему ГУЛага.

Тоталитарный режим своей индустриализаторской, военно-промышленной, миграционной политикой привел к тому, что финно-угорские территории превратились в регионы, где коренные народы оказались национальными меньшинствами.

Проблемы истории развития и современного состояния наций и национальных взаимоотношений в последнее время выдвинулись на одно из первых мест в науке и политике. Исключительно актуальной стала необходимость научного осмысления этого феномена и применительно к финно-угорским народам России. Они, как и десятки других проживающих в этой стране малых народов и этнических групп, в течение вот уже нескольких столетий интегрированы в общую социальную, экономическую, политическую, культурную жизнь при полном господстве во всех этих сферах одной крупной нации — русской. Особенно возросла роль этого фактора в нынешнем, XX веке.

Интенсивные процессы «интернационализации», особенно в последние десятилетия, означали для наших народов нивелирование образа жизни, инфляцию этнокультурных ценностей и создали реальную угрозу аккультурации и ассимиляции. Наряду с тем, что это является общей тенденцией в мире, для малочисленных народов Советской страны эти процессы были обострены и целенаправленной политикой, призванной сформировать «единую советскую нацию».

Проблема эта требует углубленного объективного конкретно-

исторического изучения в сравнении с аналогичными процессами в других странах. Между тем она чрезвычайно искажена в советской историографии.

Десятилетиями в обществоведческой науке и пропаганде в финно-угорских регионах насаждались представления о торжестве ленинской национальной политики, о полном и окончательном решении национального вопроса и расцвете наших народов в условиях Советской власти. А чтобы эти достижения выглядели более внушительно, фальсифицировались сведения об уровне этнокультурного и социального развития народов в дореволюционный период. Теперь иногда стала проявляться новая тенденция — отрицать все, что было сделано в послереволюционный период.

С позиции нового исторического мышления предстоит объективно осмыслить этапы этнической истории финно-угорских народов. Особо важная задача — изучить и обобщить на их примере итоги и уроки (как позитивные, так и негативные) 75-летнего проведения в жизнь советской национальной политики в отношении малых народов и этнических меньшинств.

Здесь принципиально важное значение имеют методологические позиции исследователей. В нашем обществознании начат критический пересмотр отношения к марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений, которая была изначально внутренне противоречива. В качестве удавшегося исследовательского опыта в этом отношении можно назвать монографию (и соответственно докторскую диссертацию) К.И.Куликова «Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг.» Задача заключается в продолжении поиска в этом направлении, чтобы объективно выявить положительные и отрицательные моменты теоретических основ советской национальной политики, выявить потенциально заложенные в них противоречия, повлиявшие на этническую историю финно-угорских народов за последние три четверти века.

В последнее время не только в публицистических, но и в научных выступлениях часто встречается суждение, что главной причиной наших сегодняшних бед во взаимоотношениях между народами является то, что Советская власть в свое время, на заре своей истории, осуществила отход от «Единой и неделимой России»: признала независимость Финляндии, Эстонии, а в отношении карел, мари, удмуртов, коми, мордвы, коми-пермяков, хантов, манси признала право на самоопределение на принципе национально-территориальной автономии. От нас, изучающих историю родных народов, общественность ждет ответа на вопрос: что дала автономия для этнического, политического, социально-экономического, культурного развития наших народов?

Важно объективно исследовать положительные аспекты национальной политики в СССР в 20 — начале 30-х годов в отношении финно-угорских народов, особенно связанные с сочетанием территориальной и культурно-национальной автономии. Вместе с тем необходимо рассмотреть уже проявлявшиеся тогда противоречивые тенденции, в первую очередь связанные с тем, что в противовес Ленину, считавшему главной опасностью в межнациональных отношениях великорусский шовинизм, Сталин на первый план выдвинул необходимость борьбы с местным «буржуазным» национализмом, под которым стало пониматься любое стремление к национальному развитию. Это оказало решающее воздействие на этнические процессы.

Формирование командно-административной системы, казарменного социализма сопровождалось параллельным процессом всеохватывающей централизации всей жизни страны, фактической ликвидацией даже урезанной, куцей автономии, отказом от широко разрекламированной политики «коренизации» и «реализации языков». А репрессии 30-х годов обернулись в финно-угорских регионах практически поголовным уничтожением национальной интеллигенции, культурных сил, генофонда еще недостаточно в этническом отношении окрепших наций и народностей. Кровоточащей раной в исторической памяти остаются репрессии в отношении ижоры и ингерманландских финнов, массовые депортации эстонцев, «статистическое уничтожение» вепсов, разрушение экологической среды обитания хантов, манси, саамов, ненцев, коми-ижемцев, селькупов в ходе «покорения» Севера.

Эти исторические сюжеты пока не подверглись обстоятельному исследованию, по ним имеются только разрозненные, небольшие публикации, по которым трудно представить весь погром, учиненный правившим коммунистическим режимом в отношении народов нашей страны за последние полвека.

Между тем эти, казалось бы, далекие от современности и сравнительно близкие к сегодняшним дням события, явления, факты имеют прямой выход в состояние нынешних этнических процессов, определяют этнополитическое, морально-психологическое состояние, национально-историческое сознание народов.

Также глубокий, но еще по-настоящему не осознанный нами след в этнических процессах последнего времени и на современном этапе оставили многие события и направления национальной политики эпохи «развитого социализма», проводившиеся в жизнь на основе теоретических установок о «едином советском народе», о расцвете, сближении и слиянии наций: преднамеренная миграционная политика и строительство в национальных, в том числе финно-угорских, регионах крупных индустриальных объектов, что призвано было изменить соотношение

коренного населения и мигрантов в пользу последних; перевод по указанию ЦК КПСС обучения в школе, начиная с первого класса, на русский язык преподавания, что в конечном итоге привело к ликвидации национальной школы у всех финно-угорских народов России.

Для этнического развития народов эти события нанесли не меньший урон, чем репрессии 30-х годов.

Глубокого осмысления, анализа и подробного объективного изложения требуют кризис национальной политики в условиях «перестройки» и «демократизации», рождение и деятельность национально-демократических движений и организаций по этническому возрождению своих народов, последствия «суверенизации» для коренных народов, кризисное состояние национального самосознания у российских угро-финнов.

Эти этнические процессы, относящиеся как к историческому прошлому, так и к современности, имеют прямые или отдаленные аналогии в истории и современном состоянии австралийских аборигенов, американских индейцев, эскимосов в Гренландии и Канаде, саамов в скандинавских странах и т.д. В связи с этим необходимо историко-сравнительное изучение сходных процессов культурно-языкового выживания, сохранения и развития малых этносов и национальных меньшинств в различных странах. В таком сравнительном плане на широком международном фоне проблема финно-угорских (да и других малочисленных) народов России еще не исследована. И часто описания истории и современного этнического состояния наших народов отличаются глубоким провинциализмом. Это во многом определяется господствующей концепцией об уникальности и международной значимости советского опыта решения национального вопроса.

Мощный рывок вперед в обобщении этого опыта и его последствий для этнической истории сделали эстонские ученые, создавшие «Красную книгу народов Российской империи» (3), куда вошли многие финно-угорские этносы России: кольские саамы, карелы, финны-ижеры, ижора, вепсы, водь, ханты, манси и живущие в основном в Латвии ливы, а также все самодийские народы (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы).

Когда речь идет об этнической истории, может сложиться впечатление, что надо обращаться только к пройденным этапам. Между тем обращение к истории может быть продиктовано нацеленностью в будущее. Говоря об истории наших родных народов, ее сложных перипетиях в далеком и недавнем прошлом, мы думаем и о будущем: будут ли финно-угорские народы России полноправными, полнокровными участниками общественного процесса, или им уготована судьбой участь влачить остатки своего существования на обочине истории и затем вообще сойти с ее арены? Характерно в связи с этим полемическое

название статьи-эссе французского финно-угриста Жан-Люк Моро — «Молодой финно-угр XXI века: миф или реальность?» (4).

Чтобы развитие пошло по первому, а не по второму варианту, нужно не только внимательно изучить исторический опыт и сложившиеся тенденции, но и выработать реальную концепцию и программу этнического возрождения финно-угорских народов России, сохранения и развития их языков и культур. В «Обращении к парламентам и правительствам Российской Федерации и финно-угорских республик, входящих в ее состав», подписанном — «представители делегаций финно-угорских народов, проживающих на территории Российской Федерации, участники Всемирного конгресса финно-угорских народов» (Сыктывкар, 3 декабря 1992 года), сказано: «принять государственные программы развития и функционирования культур и языков финно-угорских народов».

Отрадно отметить, что Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике внимательно отнеслось к такому предложению и поддержало разработку «Концепции Государственной программы национального возрождения и развития финно-угорских народов России». Этот документ разработан коллективом авторов при Центре анализа и прогноза социально-экономических процессов Правительства Республики Марий Эл. Как и в любом документе подобного масштаба, в нем не все равноценно, здесь можно найти и уязвимые места. Но главные направления намечены правильно и обеспечивают возможность разработки и осуществления комплексной программы возрождения.

Но кроме государственной политики поддержки родных языков, народной культуры, этнических традиций, чрезвычайно важна для этнического возрождения финно-угорских народов деятельность общественных движений и организаций, научной общественности по подъему национального самосознания. Финно-угорские народы России отличаются низкими его показателями. Коммунистический режим успешно выполнил за 75 лет то, чего не мог добиться царизм в полной мере за четыре столетия: и физическим, и морально-психологическим террором внедрил в массовое сознание рабскую, колониальную психологию, комплекс национальной неполноценности, собственной второсортности.

Помочь народам освободиться от такого навязанного извне психологического состояния, вдохнуть в них сознание собственного достоинства — трудная, но благородная задача. В ее выполнении велика роль исторической науки. Она формирует историческое самосознание народов. Реальна социальная потребность в историческом осознании себя. Это — одно из первейших, необходимейших условий этнического

возрождения, этнокультурного, социально-политического самоопределения. Познавая свою историю, мы проникаемся уверенностью в будущем, верой в то, что наши народы не были и не будут в стороне от исторического прогресса, вне истории.

Мы начали писать правдивую историю своих народов, освобождаясь от марксистско-ленинских догм, от фальсификаций русоцентризма.

Примерно через столетие новое поколение национально мыслящей интеллигенции по существу оказалось перед той же проблемой, которая стояла в конце прошлого — начале нынешнего века перед первыми просветителями: для возрождения народов надо в первую очередь вытравить из массовой психологии чувство собственной второсортности, осознать себя равными с другими. Но выполнять эту задачу приходится в несравнимо более трудных исторических условиях, чем первому поколению национальной интеллигенции.

Примером «Этнического Ренессанса» для восточных угро-финнов служит пример эстонского народа, героическими усилиями сумевшего обеспечить себе право свободного развития. Немалая заслуга в этом и историков, углубленно изучавших и пропагандировавших историю и этнокультурные традиции родного народа, способствуя этим укреплению самосознания нации.

Движение финно-угорской солидарности имеет исторические корни и традиции, оно исходит из надежды, что для национального возрождения народов еще не все упущено, что еще возможно их возродить к полнокровной жизни, спасти от ассимиляции, сохранить их языки и культуру.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев В.М.* Материалы по поэтике на марийском языке. Казань, 1930.

2. Казанская история. М.-Л., 1954.

3. Margus Kolga, Igor Tõnurist, Lembit Vaba, Jüri Viikberg.Vene impeeriumi rahvaste Punane raamat. — Tallinn, 1993.

4. Кугарня, 1994, 11 ноября.

Ksenofont Sanukov

THE PROBLEMS OF STUDYING THE ETHNIC HISTORY OF THE FINNO-UGRIANS OF RUSSIA

The pre-revolutionary Russian historiographers did not consider the ethnic history of Finno-Ugric nations to be a problem worthy of independent research. The only appreciable scientific works of that period were the monographs by I.N. Smirnov about the eastern Finno-Ugrians (" The Cheremisi", "The Votyaks", "The Mordva", "The Permyaks"). At the close of the 19th and early in the 20th centuries the young just born national intelligentsia got engaged in collecting and publishing historical legends and myths relating to the past of their nations which were meant to be used for fostering national self-conciousness.

In the twenties the history of Finno-Ugric peoples was paid a great deal of attention to, the historians supplemented it with new writings. In the thirties, however, those authors were subject to repression and their works were suppressed. The new scientists well grounded in Marxism-Leninism and having a class Russo-centrist view came to take those "nationalists' " place.

During the so-called Khrushchev's "thaw" years some progress was made in studying the history of Finno-Ugric nations, several sessions on ethnogeny of some peoples were held. But scholars mostly employed an administrative and territorial approach to writing the history, so there appeared the books on the history of the Mari, Udmurt and other autonomous republics but not on that of the nations. The seventies witnessed some considerable publications, the examples may be as follows: the monograph by N.I. Kozlova on the ethnic history of the Maris and that by N.F. Mokshin on the ethnic history of the Mordva, etc.)

The late eighties and early nineties were marked by the appearance of national movements and organizations as well as by new publications doing away with the "blank spots" in the history of Finno-Ugric nations and giving a true picture of the present-day ethnic condition of the Finno-Ugrians of Russia.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Сеппо Лаллукка
Хельсинки

НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА ШЁГРЕНА И НЕКОТОРЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Весной 1994 года исполнилось 200 лет со дня рождения академика Андерса Иогана Шёгрена, или, как его называли в России, Андрея Михайловича Шёгрена, основоположника финно-угорских исследований в Санкт-Петербургской академии наук. Можно сразу констатировать, что он повлиял в большей степени, чем какой-либо другой ученый, на то, что финны стали и продолжают искать свои корни на востоке и что они делают это не только для удовлетворения исторического любопытства, но и ради определения своей культурной идентификации.

Шёгрен родился в Финляндии, в волости Иитти, в семье сапожника. Пастор местного прихода обратил внимание на талант мальчика и стал учить его шведскому языку, знание которого в те времена было необходимо для всякого социального продвижения. С помощью пастора юноше потом удалось вступить на путь учебы.

В школьные годы Шёгрена, в результате русско-шведской войны 1808-09 годов, Финляндия оказалась в составе Российской Империи как автономное Великое княжество. Для честолюбивых молодых людей с высшим образованием это открыло возможности делать себе карьеру в рамках всей империи. Поэтому не случайно, что во время учебы Шёгрена в городе Турку многие выпускники университета выехали из Финляндии с тем, чтобы строить свое будущее в России.

По своим собственным словам, молодой Шёгрен мечтал посвятить себя изучению родного финского языка, его особенностей и связей с другими языками, с целью выяснения не только его происхождения, но также происхождения родственных с финнами народов и племен (1). При этом Шёгрен разделял бытовавшее в то время среди некоторых ведущих ученых мнение, что для надлежащего выяснения языкового родства необходимо посетить территории проживания этих народов. Если к этому еще добавим тот факт, что архивные и библиотечные

фонды для изучения данных вопросов были намного богаче в Санкт-Петербурге, чем в Финляндии, нельзя считать странным то, что Россия притягивала Шёгрена.

А что касается личных качеств Шёгрена, можно здесь упомянуть и такую черту, что в отличие от многих своих сверстников,особой неприязни к русским он не испытывал. В этом плане показательно, что когда русские войска вступили в город школьного детства 14-летнего Шёгрена, он сразу же пошел искать себе русскую грамматику. Кому-то подобное поведение может показаться предательством или двурушничеством. Однако, в данном случае, это наверное можно называть и использованием открывающейся исторической возможности.

Одним из результатов экспедиционной деятельности Российской академии в XVIII веке явилось то, что ее члены были поставлены в известность о наличии на севере России народов, имеющих языковое родство с финнами. Так как предполагалось, что эти наречия являются диалектами финского языка, в академии сложилось мнение, что финские ученые могут наиболее удачно справиться с задачей изучения регионов проживания этих групп. А среди некоторых образованных кругов Финляндии в то же время стала актуальной задача выискивать свои этнические корни и, следовательно, выяснить историю народов, говорящих на финно-угорских языках.

Таким образом, можно утверждать, что в течение первой половины XIX века финские и русские научные интересы во многом совпадали: русские желали получать дополнительные сведения о людских и природных ресурсах, а также о культурных и других аспектах северных территорий своей страны; для финнов, в свою очередь, присоединение к России открыло новые возможности познавать себя посредством таких исторических, лингвистических, фольклорных и других исследований, которые являются важными составляющими факторами процесса становления этнического самосознания и развития национального чувства. К этому следует добавить еще тот немаловажный факт, что в те времена в Финляндии просто не было таких организаций, которые могли бы взять на себя необходимую для этого экспедиционную работу. На довольно благосклонное отношение русских властей к финским стремлениям влиял, очевидно, и чисто политический расчет: в целях ослабления шведского влияния на вновь завоеванной земле российские власти были готовы пойти на некоторые уступки перед национально-культурными чаяниями финнов.

Когда Шёгрен в 1819 году завершил учебу в университете города Турку, там было известно, что санкт-петербургский граф Николай Румянцев ищет финского ученого, чтобы в последующем направить его в экспедицию на Российский Север. Итак, в 1820 году Шёгрен

отправляется в Санкт-Петербург с надеждой, что именно он будет назначен исполнителем этой уже давно намечаемой экспедиции. Довольно скоро Шёгрену удалось вступить в контакт с Румянцевым и даже стать его личным библиотекарем. Эта позиция открыла Шёгрену доступ к всевозможным источникам по финно-угорским народам. Одновременно он также повысил свою квалификацию путем углубленного изучения русского языка и истории русской культуры.

В начале 1823 года стало известно, что тот научно-финансовый план экспедиции, который был составлен Шёгреном по инициативе Румянцева, нашел поддержку в императорской академии. Начало поездки назначили на весну 1824 года.

В общей сложности поездка Шёгрена продолжалась почти пять лет, с маршрутом около 12 тыс. километров. За это время он побывал у разных групп карелов, финнов, вепсов, саамов, коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов и марийцев. Его исследования и научные интересы касались в первую очередь этнографии, лингвистики и фольклористики, а также статистики, географии, археологии и топографии. Больше всего, пожалуй, Шёгрен использовал время для ознакомления с историческими документами в местных духовных, светских и личных архивах и их копирования.

Как утверждает ведущий ученый-исследователь жизни и деятельности Шёгрена, Майкл Бранч (2,3), междисциплинарный подход, применяемый Шёгреном, соответствовал как финским, так и русским потребностям. Кроме разработок по прежним теориям истории Скандинавии и Российского Севера, Шёгрен весьма многообразно описывал весь северный регион. Например, основополагающее исследование о коми-зырянах содержит достойный похвал анализ их языка. Но кроме этого — и это согласно традициям Российской академии — там имеется и богатый материал по истории, а также по метеорологии, сельскому хозяйству и народному образованию.

Таким образом, научные отчеты Шёгрена удовлетворяли запросы русских заказчиков, которые получили больше достоверной информации по регионам своей державы. В то же время они также соответствовали финским национальным стремлениям, так как они предоставляли исторический фон и глубину для националистически настроенных произведений более поэтического и художественного содержания у других авторов. В качестве примера мы можем указать на Элиаса Лённрота. Его предисловия к изданиям национального эпоса «Калевала» говорят о глубоком следе, который Шёгрен оставил в мышлении Лённрота.

Более конкретно можно сказать, что подобному влиянию способствовала, в частности, представленная Шёгреном история Европейского Севера, в которой значительное место занимает хроника о том, как

народы, говорящие на финно-угорских языках, были постепенно вытеснены со своих прежних мест проживания, а потом истреблены или растворены славянскими пришельцами. В связи с вопросами о так называемых биармийцах и чуди Шёгрен развивал мысль о могучем и богатом финно-угорском народе где-то на берегах Северной Двины, который в конце концов был побежден славянами. Подобные мысли способствовали возникновению типичных для ранних национальных движений мифических представлений о древнем, но затем потерянном периоде национального расцвета. Такие идеи, связанные с действительным или воображаемым «золотым временем» финно-угров, оказали сильное влияние на националистически настроенных финских деятелей, ученых и писателей.

Научные заслуги Шёгрена велики. В небольшой статье их невозможно перечислить. Приведем только несколько примеров. Он был первым ученым, который сумел выделить вепсов как определенную народность. Как пример из числа основных трудов Шёгрена можно взять его работу Die Syriänen (т.е. Зыряне). В ней он многогранно описывает коми народ, его образ жизни и регион проживания. Наиболее удачна та часть работы, в которой весьма подробно описывается коми язык. Согласно своему методу, он и здесь сравнивает объект своего исследования с финским языком. Вообще Шёгрен широко применял историко-сравнительный метод. Кроме этого, междисциплинарный подход был вообще характерным для его трудов.

После большой северной экспедиции, вначале как внештатный, а с 1844 года как действительный академик, Шёгрен выступил также в качестве организатора науки. Кстати, пост академика, который был создан для Шёгрена, — это первая в мире должность, посвященная финно-угорскому языкознанию (4). Под влиянием Шёгрена положение финно-угорских исследований было укреплено в Санкт-Петербургской академии. Связь с родиной повлияла и здесь. Например, Шёгрен влиял на то, что в 40-е годы его молодого соотечественника, Матиаса Александра Кастрена избрали исполнителем экспедиции академии к самодийским народам и обским уграм.

Хотя Шёгрен активно поддерживал связь с Финляндией и даже мечтал о возвращении на родину, он все-таки остался в Финляндии как-то незамеченным, несмотря на все свои заслуги перед национальными науками. Частично это можно объяснить политическими причинами, так как в некоторых кругах финского национального движения переезд Шёгрена в Санкт-Петербург считали предательством или непатриотическим поступком. Сам же Шёгрен не хотел выступить как открытый фенноман, так как в своих собственных стремлениях он всегда должен был в большей или меньшей степени учитывать тот дух русского

национализма, который царил в Санкт-Петербургской академии. Незамеченность объясняется, видимо, и личными качествами Шёгрена. Его образ просто не содержал такие героические элементы, которые обычно требуются, чтобы выйти в ранг выдающихся национальных деятелей. До сих пор образ бездомного зачинателя национальных наук как-то продолжает отбрасывать свою тень на Шёгрена в истории финской науки.

Шёгрен был не только деятельным собирателем документов, он также бережно сохранял всякие записки, переписку и другие материалы. А его дневник, который он вел практически непрерывно в течение 50 лет, составляет около 8 тыс. страниц. Это огромное наследие находится в трех местах: в Российской академии наук в Санкт-Петербурге, в библиотеке Хельсинкского университета и в Обществе финской литературы. Это наследие далеко не исчерпано и ждет своей систематизации и каталогизации. В организованном виде оно могло бы дать еще очень многое для финно-угорских исследований как в России, так и в Финляндии.

Шёгрен, как и многие его современники, широко применял междисциплинарный подход. Довольно сильная традиция междисциплинарности сохранилась в финно-угорских исследованиях и после Шёгрена, можно сказать, вплоть до российской революции. Например, многие из финских языковедов, путешествовавших среди восточных финно-угорских народов в конце XIX — начале XX века, не ограничивались в своих занятиях одной лингвистикой (4).

Потом, по известным причинам, многие темы, особенно такие, которые касались вопросов вне лингвистики, стали закрытыми для исследователей. А теперь же, в связи с переменами в бывшем СССР, стало опять возможным по-настоящему развертывать многодисциплинарный характер финно-угорских исследований. Хотелось бы верить, что те начинания, которые приняты в этом направлении, получили бы дальнейшее развитие. Это, можно сказать, работа в духе Шёгрена.

Одно из направлений, которое должно извлечь пользу из междисциплинаризации исследований, это история финно-угорских народов России. Тут действительно остро требуются принципиально новые разработки по национальным историям. Вместе с тем национальные истории не должны быть замкнутыми. Труды по истории обычно представляют больший интерес и более прочную научную ценность, если в них применяют сравнительный подход, который позволяет видеть результаты в широком контексте. При изучении национальных меньшинств России плодотворными объектами сравнения могут также служить меньшинства других многонациональных империй, например таких, как Габсбургская или Оттоманская империи.

В научном исследовании Шёгрена довольно значительное место занимают также вопросы народонаселения. А что касается XX века, нам вообще приходилось довольствоваться очень скудной демографической статистикой о финно-угорских народах России. Сейчас, когда секретность наконец снята, настало время для демографических исследований. Нужны, в частности, демографические карты по отдельным народам с максимально подробным изложением современного их расселения. До революции и в 20-е годы были составлены некоторые такие карты, а потом следует большой пробел. А за это время, из-за миграции, обрусения и других причин, произошли большие изменения в расселении народов.

Работа по этнической демографии представляет интерес не только для одного научного направления. Наоборот, ее результаты могут быть полезными представителям разных дисциплин: языковедам, этнографам, социологам, историкам и т.д. Демографические обследования имеют также практическое значение. Ведь очень трудно вести разумно конкретную работу по возрождению национальной культуры любого народа, если не имеется достаточных знаний о его демографическом положении.

Наконец, наследие Шёгрена имеет более общую научную ценность, которая выходит за пределы финно-угорских исследований. Дело в том, что материалы Шёгрена позволяют продвинуться вперед в выяснении вопроса о том, как возникли национальная идея и национализм. Тщательное и бесстрастное изучение этих материалов помогает нам освободиться от эмоционального отношения к национализму. На такой основе, можно надеяться, будет легче выделить как добрые, так и плохие качества национализма, а также понять, каким образом национализм действует в современном мире.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Sjögren A.J.* Tutkijan tieni. Helsinki, 1955.

2. *Branch M., Sjögren A.J.* Studies of the North. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia, 152. Helsinki, 1973.

3. *Branch M.* "Suomen ja tsaarin palvelija". Hiidenkivi, 3/1994.

4. *Korhonen M.* Finno-Ugrian language studies in Finland 1828-1918. Helsinki, 1986.

Seppo Lallukka

ACADEMICIAN SJÖGREN'S HERITAGE AND SOME PROBLEMS OF FINNO-UGRIC STUDIES

1994 marked the 200th birth anniversary of Academician A.J. Sjögren, the founder of Finno-Ugric studies in St. Petersburg's Academy of Sciences. It is due to his research that the Finns supposed the eastern lands to be the original home of their ancestors.

The value of Sjögren's scientific heritage goes far beyond Finno-Ugric studies. His works help us elucidate the question of how national and nationalist ideas first appeared. One should study his materials carefully and unprejudicely in order to avoid emotions in making an appraisal of the idea of nationalism. It being provided, one can point out both positive and negative features of nationalism as well as realize what effects it takes and in what ways it manifests itself all over the world.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Иван Васильев, *Йошкар-Ола*
Александр Колмаков, *Москва*
Сергей Алексеев *Москва*

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ

Процесс обновления России сегодня охватывает практически все стороны жизни общества. Происходят серьезные изменения в экономике, социальной, политической и духовной сферах. Все более активизируется процесс возрождения и развития народов, проживающих в России. При этом нельзя не отметить, что формирование национального самосознания, восстановление исстари присущих россиянам духовно-нравственных ценностей, гуманизация и демократизация межнациональных отношений играют не меньшую роль в преобразованиях в России, чем экономические и политические изменения.

Возрождение России предполагает консолидацию каждого народа на основе общности культурно-исторического прошлого, национальных ценностей и интересов, углубление и расширение взаимосвязей между народами, имеющими общие языковые и культурные корни. Примером или уникальным по своей сути опытом межнационального сближения является формирующееся сообщество финно-угорских народов России. Можно много спорить по содержательной части этого сообщества, степени сформированности, другим вопросам. Но все же необходимо признать, что этот процесс идет и набирает темпы.

Учитывая важность финно-угорской проблематики в возрождении и развитии народов России, Правительство Российской Федерации приняло решение о разработке специальной государственной программы, ориентированной на решение вопросов возрождения и развития финно-угорских народов России и поручило эту работу Министерству РФ по делам национальностей и региональной политике. Программа представляет собой систему взаимосвязанных мер, направленных на обновление и развитие национальной жизни финно-угорских народов

России независимо от их численности и вклада в экономику, культуру страны, а также установление демократических равноправных отношений между ними, другими народами, проживающими в России.

По своему статусу программа является федеральной и опирается на федеральную государственную политику в отношении финно-угорских народов. В то же время это система региональных общих и целевых программ, каждая из которых отражает интересы отдельных народов, проживающих в разных регионах и имеющих различный уровень социально-экономического развития. Другими словами, программа направлена на решение как общих, так и специфических проблем, характерных для отдельных народов.

В основе программы будет лежать целостный, комплексный анализ этнического положения финно-угорских народов России. Будет определено то этническое наследие, которое необходимо сохранить, возродить и развивать. Бесспорно, что не все, что было в прошлой жизни, следует возрождать и сохранять. История знает и немало того, что необходимо преодолеть, зафиксировав как историческую практику. В ходе исследований все это будет выявлено, подвергнуто всестороннему анализу.

Необходимо определить общее в положении финно-угорских народов и специфическое, присущее конкретному народу, уровень этнокультурного развития.

В то же время следует отметить, что эта программа — инструмент государственного управления. Поэтому она по содержанию несколько непривычна для восприятия учеными, занимающимися фундаментальными исследованиями. Опираясь на результаты фундаментальных наук, она все же имеет несколько иную логику, ибо исходит из общей теории управления этническими процессами и предназначена для практического использования в системе государственного управления. Те проблемы, которые являются делом жизни многих ученых, в программе могут быть только обозначены или же вообще не найдут отражения, ибо с точки зрения управления этническими процессами могут быть второстепенными. Или же, наоборот, некоторые вопросы, на которые ученые не обращают внимания, в программе могут быть представлены целыми разделами. Например, механизмы реализации и инфраструктура разработки и реализации проблем развития финно-угорских народов.

Главная цель программы — создание необходимых политико-правовых, экономических, организационных и других условий для национального возрождения и развития финно-угорских народов России. В качестве основного принципа при этом определено сочетание традиций и прогресса. Речь здесь идет прежде всего об использовании национальных ценностей, в том числе накопленного этнического опыта и современной жизни родственных народов, об адаптации не потерявших своей

значимости традиций, элементов этнической культуры в сегодняшней повседневной практике, использование восстановленных элементов технологии социально-экономической жизни в конструировании новых моделей деятельности финно-угорских народов. Это и различные традиционные формы местного самоуправления, норм общинного (народного) права, традиции обучения подрастающего поколения, практика этнодемографического поведения и многое другое.

Органическое сочетание достижений общемирового прогресса с сохранившимися среди финно-угорских народов традициями может дать неповторимые варианты их развития, формирования новых, более совершенных форм жизнедеятельности.

В качестве подцелей программы, обеспечивающих достижение ее главной цели, выделяются:

— восстановление в массовом сознании финно-угорских народов этнокультурных норм, ценностей, традиций, способствующих их развитию;

— создание политико-правовых, экономических, идеологических, информационных и других условий, обеспечивающих самоопределение и самореализацию финно-угорских народов;

— формирование условий для углубления взаимодействия и укрепления контактов между финно-угорскими и другими народами России.

Для достижения всего вышесказанного необходимо провести серьезные научно-исследовательские работы и работы практического плана. Главное внимание в исследовательской работе предполагается уделить проблемам сегодняшнего дня. Причем в основе анализа должен быть полевой материал, полученный непосредственно при обследовании различных групп населения, в том числе и живущих в иноэтническом окружении. Широко должны быть использованы материалы исследований по вопросам истории, археологии, этнологии, лингвистики, другим проблемам.

На базе этих материалов предстоит определить этнокультурный потенциал финно-угорских народов, а в дальнейшем сделать прогноз тенденций и вероятных изменений их положения в перспективе. Такой подход позволит более точно составить каталог проблем, требующих программного решения.

Прикладная часть программы включает в себя каталог проблем и разработку конкретных мероприятий, обеспечивающих достижение подцелей и главной цели программы. Мероприятия должны быть увязаны друг с другом, определены сроки их исполнения, источники и порядок финансирования, указаны их исполнители.

Коротко об объекте и предмете программы. Объектом программы являются финно-угорские народы России. При этом нельзя не

подчеркнуть, что каждый этнос, входящий в эту группу, имеет свои специфические особенности развития. Поэтому программа не может быть единообразной для всех народов. Обобщение их проблем в рамках единой программы предполагается осуществить на основе их типологии. Причем, как нам представляется, типологизацию лучше проводить на базе различных принципов: наличие той или иной формы национальной автономии, компактного или дисперсного характера расселения, уровня образования и урбанизированности, характера социально-профессиональной занятости, степени сохранения этничности, связанных с ними масштабов маргинализации, масштабов потенциального и реального двуязычия и т.д.

Предметом программы являются проблемы, выявленные в ходе изучения положения финно-угорских народов и требующие решения.

В качестве одной из основных выделяется проблема национальной консолидации. Она проявляется во внутреннем сплочении этноса на основе общности интересов, ценностей исторического прошлого. Процесс консолидации находит, в той или иной мере, свое субъективное выражение в национальном самосознании, обладающем относительной самостоятельностью и являющемся важным элементом возрождения.

Носителями этнического самосознания являются конкретные люди, этническое сообщество. Поэтому деятельность субъектов программы по формированию этнического самосознания должна быть направлена на те институты, где происходит формирование человека как носителя этнокультурных отношений: семью, учебно-воспитательные учреждения, трудовые коллективы. В связи с этим в программе выделяются социальные разделы, содержащие меры по формированию и развитию этнического самосознания в детских дошкольных учреждениях, школах, профессиональных учебных заведениях, трудовых коллективах, учреждениях культуры.

Ядром возрождения народов и одним из основных предметов программы являются социально-культурные проблемы. Однако социально-культурное развитие обеспечивается только тогда, когда будут соблюдены такие основополагающие принципы государственной политики в сфере культуры, как:

свобода творческой деятельности людей;

свобода выбора каждым народом своего пути в общецивилизованном процессе;

уникальность многовекового культурного наследия народов;

сохранение и оздоровление социокультурной и экологической среды жизни человека;

защита культуры как самоценности, как важнейшего проявления общественного прогресса;

взаимность духовного обогащения народов, исключающая культурный изоляционизм и национальный нигилизм, ориентация культуры не только на национальное, но и на общечеловеческие ценности, гуманистические нормы нравственности и уважение культуры других народов.

Эти принципы должны быть реализованы через системы образования, такие социокультурные институты, как музеи, библиотеки, клубы и другие.

Должно получить развитие плюралистическое информационно-культурное пространство. Языки финно-угорских народов должны звучать в средствах массовой информации соответствующих субъектов Федерации, на них должна выходить печатная продукция, идти правительственная информация.

К социально-культурным проблемам прямое отношение имеют социально-экономические, социально-психологические, государственно-правовые и другие аспекты национального возрождения.

Особого акцента в программе требуют вопросы развития финно-угорских народов, проживающих за пределами своих национально-территориальных образований. Они нуждаются в серьезной государственной поддержке. Это необходимо и для национальных меньшинств, проживающих на своей исконной этнической территории, но не имеющих национально-территориальных образований. Должен быть разработан комплекс мер по формированию национально-культурной автономии этих народов.

Проблемы возрождения и развития финно-угров России неразрывно связаны со всем комплексом проблем национального возрождения и развития других народов России. Должно произойти комплексное обновление системы экономических (рынок), политических (демократия), социальных (свобода объединений), культурных, языковых, конфессиональных компонентов и структур.

Процесс обновления может иметь место на:

а) государственном и гражданском,

б) материальном и духовном,

в) национальном и межнациональном,

г) локальном и региональном уровнях.

Важной задачей возрождения России является и самоутверждение ее народов как субъектов национального и общественно-экономического развития. Причем этот процесс должен происходить на двух непременно сбалансированных между собой основах:

1) на разумно мобилизованном этницизме, ведущем к укреплению внутринациональной консолидации;

2) на научно и политически культивируемом межэтническом

согласии, формирующем идеологию и практику межнациональной солидарности на региональной и общегосударственной основах.

Исходя из этого, национальная политика, в том числе реализуемая в виде конкретных программ по финно-угорским народам, должна прежде всего исходить из согласования интересов разных народов во имя достижения общенациональных, понимаемых как общероссийских, интересов. Демократическая стратегия самоутверждения финно-угорских народов должна состоять из совокупности разноплановых задач по взаимной увязке интересов представителей совместно проживающих народов, интересов городских и сельских жителей. Но такая стратегия требует учета единства экономических, политических, экологических интересов разноязычного населения на основе использования исторического опыта освоенной и заселенной ими территории.

Исходя из конечных целей возрождения России и самоутверждения образующих ее народов, государственные структуры должны:

1) не вмешиваться в конфессиональность (религиозность);

2) не препятствовать свободному выбору каждым человеком своей этнической принадлежности;

3) содействовать (по мере созревания для этого необходимых предпосылок) возрождению институтов этнической социализации;

4) противодействовать пропаганде национальной и этнической исключительности;

5) внимательно следить за предупреждением межличностных и групповых конфликтов на этнической почве, предотвращать и пресекать межэтнические конфликты;

6) выявлять, разоблачать и предавать общественной огласке устремления национал-экстремистов по разыгрыванию «этнической карты», поскольку последняя ведет к национальному изоляционизму, сепаратизму и межнациональным столкновениям.

Таким образом, в качестве предмета программы выступает весь комплекс проблем, затрагивающих вопросы национального возрождения и развития финно-угорских народов России.

Программа состоит из большого аналитического блока и восьми программ:

1. Возрождение и развитие культур финно-угорских народов.

1.1. Возрождение и развитие национальных языков.

1.2. Национальное образование и система воспитания.

1.3. Возрождение и сохранение национальных обрядов, обычаев, традиций.

1.4. Национальные промыслы и ремесла, материальные предметы быта и образа жизни.

2. Формирование и развитие национального самосознания финно-угорских народов.

3. Демографическое развитие финно-угорских народов.
4. Социально-экономическое развитие финно-угорских народов.
5. Сохранение национального достояния.
6. Восстановление народной медицины.
7. Укрепление межгосударственных финно-угорских связей.
8. Научные исследования проблем возрождения и развития финно-угорских народов России.

Для реализации программы предполагается сформировать специальную обеспечивающую систему, включающую организационно-структурный, кадровый, научно-информационный, финансово-экономический, политико-правовой, идеологический элементы.

По мнению авторов программы, для ее реализации необходимо создать постоянно действующую группу специалистов высокого уровня. Этой структурой могли бы стать или же Совет по управлению программой, действующий под эгидой Миннаца и состоящий из представителей общественных организаций финно-угорских народов, или же Фонд развития культур финно-угорских народов.

Разработаны также модели кадрового, научно-информационного, нормативно-правового, финансового обеспечения программы.

Но в сложившейся социально-экономической ситуации в России, ее регионах одновременная реализация всего того, что задумано, вряд ли возможна. Поэтому в качестве первого шага Миннац принял решение о разработке и реализации программы возрождения и развития культур финно-угорских народов России.

Почему решено начать именно с культуры?

Россия сильна прежде всего ценностями духовного характера. Возрождение России, как одной из великих держав, должно начинаться с духовного возрождения, с развития культуры населяющих ее народов.

Программа культурного возрождения финно-угорских народов состоит из 18 разделов (см. приложение).

Но эта обширная программа может быть реализована с полезными результатами только тогда, когда в ее разработке, обсуждении и реализации будут участвовать ученые и государственные деятели, представители финно-угорских народов и регионов их проживания.

Исторически сложилось так, что Россия формировалась как суперэтническая евразийская цивилизация солидарности народов и культур. Тесные экономические, культурные, духовные связи народов были основой их существования и развития. События последнего времени показывают, к каким негативным последствиям для развития этносов может привести разрыв многовековых связей. Поэтому одним из основных требований программы должна быть не только консолидация финно-угорских народов, но и всех народов России, расширение сфер

и областей связей как между финно-угорскими, так и другими народами России, других стран. В центре внимания программы должны быть интеграционные процессы, усиление межнациональной солидарности в России.

Приложение

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУР ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ

Введение

Раздел 1. Основные проблемы возрождения и развития культур финно-угорских народов России.

1.1. Роль и место культуры финно-угорских народов России в национальном возрождении и развитии этих народов.

1.2. Состояние и проблемы культуры финно-угорских народов.

1.3. Оценка перспектив развития культур финно-угорских народов.

1.4. Особенности государственной программы возрождения и развития культур финно-угорских народов России.

1.5. Цели, задачи и этапы реализации программы.

Раздел 2. Сохранение культурного наследия финно-угорских народов России.

2.1. Состояние проблемы сохранения культурного наследия финно-угорских народов России.

2.2 Проблемы сохранения и использования архивных и музейных фондов.

2.3. Сохранение и использование уникальных памятников истории и культуры финно-угорских народов России.

2.4. Реставрация и обеспечение использования наиболее ценных объектов культуры.

2.5. Основные мероприятия по сохранению культурного наследия финно-угорских народов России и их финансирование.

Раздел 3. Возрождение и развитие традиционной культуры финно-угорских народов России.

3.1. Состояние традиционной культуры финно-угорских народов России, проблемы ее возрождения и развития.

3.2. Поддержка традиционных промыслов и ремесел.

3.3. Развитие традиционной художественной культуры.

3.3.1. Самодеятельное художественное творчество.

3.3.2. Культурно-досуговая деятельность.

3.4. Национальные игры.

3.5. Фольклорно-этнографические праздники.

3.6. Основные мероприятия по возрождению и развитию традиционной культуры финно-угорских народов России и их финансирование.

Раздел 4. Развитие профессионального искусства.

4.1. Состояние и проблемы развития профессионального искусства.

4.2. Театральное искусство.

4.3. Музыкальная культура.

4.4. Изобразительное искусство.

4.5. Основные мероприятия по развитию профессионального искусства и их финансирование.

Раздел 5. Формирование и развитие информационной культуры.

5.1. Состояние и проблемы развития информационной культуры финно-угорских народов России.

5.2. Библиотечное дело.

5.3. Средства массовой информации.

5.3.1. Газеты и журналы.

5.3.2. Радиовещание.

5.3.3. Телевидение.

5.4. Издательская деятельность.

5.5. Основные мероприятия по формированию и развитию информационной культуры и их финансирование.

Раздел 6. Развитие образования финно-угорских народов России.

6.1. Национальная школа.

6.2. Профессиональное образование.

6.3. Образование по интересам.

6.4. Восстановление и создание письменности финно-угорских народов, не имеющих ее.

6.5. Подготовка специалистов по языкам финно-угорских народов, восстановивших и создавших письменность.

6.6. Основные мероприятия по развитию образования финно-угорских народов России и их финансирование.

Раздел 7. Национальные кадры.

7.1. Состояние и проблемы подготовки национальных кадров финно-угорских народов России.

7.2. Поддержка молодых дарований.

7.3. Пути решения вопросов подготовки национальных кадров.

7.4. Основные мероприятия по подготовке национальных кадров.

Раздел 8. Культурные контакты финно-угорских народов.

8.1. Состояние и проблемы развития культурных связей и обменов между финно-угорскими народами.

8.2. Развитие контактов между финно-угорскими народами России.

8.3. Развитие контактов между финно-угорскими народами России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Раздел 9. Проблемы возрождения и развития культур отдельных финно-угорских народов и пути их решения.

9.1. Карелы.

9.2. Коми.

9.3. Коми-пермяки.

9.4. .....

9.n. Эстонцы.

Раздел 10. Проблемы возрождения и развития культур финно-угорских народов по основным регионам их проживания и пути их решения.

10.1. Республика Башкортостан.

10.2. Республика Карелия.

10.3. Республика Марий Эл.

10.4. .....

10. n. Ханты-Мансийский автономный округ.

Раздел 11. Программа национально-культурного возрождения российских финнов.

Раздел 12. Программа возрождения и развития языков и культуры карелов, вепсов и финнов Республики Карелия.

Раздел 13. Другие целевые региональные программы по возрождению и развитию культур финно-угорских народов.

Раздел 14. Правовое обеспечение возрождения и развития культур финно-угорских народов России.

14.1. Состояние и проблемы правового обеспечения возрождения и развития культур финно-угорских народов.

14.2. Возрождение и использование традиционного народного (общинного) права.

14.3. Законодательные и нормативные акты, обеспечивающие возрождение и развитие культур финно-угорских народов (перечень для разработки).

14.4. Основные мероприятия по правовому обеспечению возрождения и развития культур финно-угорских народов России.

Раздел 15. Организационное обеспечение программы.

15.1. Состояние и проблемы организационного обеспечения развития культур в финно-угорских регионах.

15.2. Совершенствование структуры и деятельности органов государственного управления культурой.

15.3. Характеристика процесса самоорганизации культуры и его роль в развитии культуры финно-угорских народов.

15.4. Основные мероприятия по формированию организационного обеспечения программы.

Раздел 16. Материально-техническая база Государственной программы возрождения и развития культур финно-угорских народов России.

16.1. Состояние материально-технической базы культур.

16.2. Основные мероприятия по внедрению новой техники и технологии в сфере культуры и их финансирование.

16.3. Основные мероприятия по развитию базы учреждений культуры и их финансирование.

16.4. Основные мероприятия по созданию материально-технической базы для реализации программы и их финансирование.

Раздел 17. Научно-информационное обеспечение программы.

17.1. Состояние научно-информационной базы проблем развития культур финно-угорских народов России.

17.2. Основные мероприятия по научно-информационному обеспечению программы возрождения и развития культур финно-угорских народов России.

Раздел 18. Свод мероприятий Государственной программы возрождения и развития

культур финно-угорских народов России и их финансирование.

18.1. По проблемам возрождения и развития культуры.
18.2. По проблемам возрождения и развития языка.
18.3. По проблемам образования.
18.4. По проблемам сохранения культурного наследия.
18.5. По проблемам возрождения и развития традиционной культуры.
18.6. По проблемам развития профессионального искусства.
18.7. По проблемам формирования и развития информационной культуры.
18.8. По проблемам подготовки национальных кадров.
18.9. По проблемам развития контактов финно-угорских народов.
18.10. По вопросам правового обеспечения возрождения и развития финно-угорских народов.
18.11. По вопросам развития материально-технической базы Государственной программы возрождения и развития культур финно-угорских народов России.
18.12. По вопросам организационного обеспечения программы.
18.13. По вопросам научно-информационного обеспечения программы.
18.14. По целевым программам.

Приложения

Приложение 1. Свод мероприятий по отдельным финно-угорским народам России.

1.1. Карелы.
1.2. Коми.
1.3. .....
1. n. Эстонцы.

Приложение 2. Свод мероприятий по субъектам федерации в регионах проживания финно-угорских народов.

2.1. Республика Карелия.
2.2. Республика Коми.
2.3. .....
2. n. Псковская область.

Приложение 3. Свод мероприятий по источникам финансирования.

3.1. Мероприятия, финансируемые из федерального бюджета.
3.2. Мероприятия, финансируемые из местного (регионального) бюджета.
3.3. Мероприятия, финансируемые на основе долевого участия регионов.
3.4. Мероприятия, финансируемые за счет банковских кредитов.
3.5. Мероприятия, финансируемые за счет выпуска ценных бумаг, займов, акций, облигаций.
3.6. Мероприятия, финансируемые за счет иностранных инвестиций.
3.7. Мероприятия, финансируемые за счет взносов предприятий, общественных организаций.
3.8. Мероприятия, финансируемые за счет прочих источников финансирования.

Ivan Vasilyev, Alexander Kolmakov, Sergey Alekseyev

ON THE STATE PROGRAMME OF THE NATIONAL REVIVAL AND DEVELOPMENT OF THE FINNO-UGRIC NATIONS OF RUSSIA

The article comments on the main clauses of the State Programme of the National Revival and Development of the Finno-Ugric Peoples of Russia.

The author stresses that in the course of renovation of Russia the process of the revival and development of its nations gathers momentum. That is why the expansion of contacts between the nations is so important nowadays. It particularly applies to the nations with cognate languages and common culture, the example may be the Finno-Ugric nations of Russia.

The main goal set in the programme is to stipulate favourable political and legal, economic, practical and other conditions for the national revival and development of the Finno-Ugrians of Russia.

The key-note of the programme is the unity of progress and traditions.

The article elucidates the content of the subaims, the object and the subject of the programme. It is said that the object includes the Finno-Ugric peoples of Russia, the subject implies the urgent problems made known in the course of studing the current condition of the Finno-Ugrians. Those are the problems of national consolidation, ethnic self-conciousness, social and cultural problems, etc.

It is mentioned that with regard for the present-day situation in Russia and its regions the Ministry on the Problems of Nationalities and Regional Policy took a decision on working out the programme of the revival and development of the Finno-Ugric cultures which says that the realization of this programme should be considered as a primary task. The article also offers the structure of the programme.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Николай Мокшин
Саранск

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ У МОРДВЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В сфере этноконфессиональной жизнедеятельности мордовского народа, как и других народов Российской Федерации, на современном этапе происходят значительные перемены, обусловленные воздействием комплекса экономических, социально-политических и этнических факторов. Одним из существенных показателей этих перемен является процесс, который можно назвать легализацией религиозности, когда значительные группы людей, прежде в силу тех или иных причин скрывавших свою религиозность, ныне стали вести себя более раскованно, непринужденно, не пряча от окружающих, а особенно властных структур, свою веру, свою причастность к исполнению религиозных обрядов.

В канун Октябрьской революции основная масса мордовского народа была верующей, соблюдала православие. Только на территории дореволюционной Мордовии, где проживала лишь треть всей мордвы Российской империи, было 740 храмов и молитвенных домов, 14 монастырей (1, с. 55; 2, с. 235). Судя по выборочным конкретно социологическим исследованиям, проведенным нами в 1960-1970-х годах в Мордовии, под влиянием религии в той или иной степени находилось около трети мордвы (3, с. 84). Менее трех десятков православных церквей, официально функционировавших в те годы в республике, явно не могли удовлетворить религиозные запросы населения. Но и их численность продолжала неуклонно сокращаться. Свертывание сети церквей, осуществлявшееся тогдашними властями, не было адекватным снижению религиозности, оно искусственно форсировалось. Возрастание числа церковных приходов в Мордовии с 19 в 1988 году до 166 в 1994 году, вступление в ряды действующих ныне трех монастырей (Санаксарского, Чуфаровского, Пайгармского) — убедительное тому подтверждение (4, с.2; 5, с.4; 6, с. 2; 7, с. 2; 8, с. 2; 9, с. 4).

Многие деятели русской православной церкви еще в XVIII-XIX

веках отмечали, что из народов Средней Волги мордовский народ наиболее христианизирован. Так, характеризуя этноконфессиональную ситуацию в поволжском регионе в 1844 году, ректор Казанской духовной семинарии архимандрит Климент констатировал, что здесь «из числа обращенных в христианство народов более всего утвержден и наставлен в православие народ мордовский» (10, л. 48).

Однако, значительно большая продвинутость мордвы в отношении восприятия религии Христа в сравнении с другими поволжскими народами не означала ее окончательного и полного отхода от былого язычества. Крещение мордвы во многом носило формальный характер, что подтверждается дошедшими до нас документами и этнографическими материалами, собранными исследователями XVIII-XX веков И.Лепехиным, П.Палласом, К.Мильковичем, П.Мельниковым, В.Ауновским, В.Майновым, М.Маркеловым и другими. В трудах этих ученых содержатся самые разнообразные сведения о дохристианских религиозных верованиях и обычаях мордвы, почерпнутые ими из непосредственных полевых наблюдений. Этнографические материалы, собранные в процессе поездок по мордовским селам мною, также подтверждают данную мысль (11).

В условиях нарастающего сближения с русскими религиозные верования и обряды мордвы трансформировались, смешивались с русским православием. Например, христианский бог получил имя дохристианского верховного бога мордвы (Шкай, Нишке). Многочисленные православные святые вкупе с дохристианскими божествами мордвы составили единый пантеон. Миссионеры право-славной церкви в целях быстрейшей христианизации не ограничивались искоренением язычества насильственными методами. Видя, что принудительная христианизация вызывает упорное сопротивление мордовского народа, они стали действовать другим путем. Этот путь выразился в стремлении приспособить христианское вероучение и обряды к мордовским религиозным верованиям и обрядам, к производственно-бытовым условиям мордовского крестьянства.

Так, архиепископ Казанский и Симбирский Филарет писал в 1829 году: «Я поручил священникам так действовать, чтобы вместо их (народов Поволжья — *И.М.*) суеверных жертвоприношений стараться всевозможно приучать их к святым и освящающим и наставляющим церкви нашея обрядам — и даже так, чтоб не изменять, где можно, ни времени, ни места для священнослужителей — например: они при начале сеяния приносят жертвы, почему ж и священнику не отслужить молебна со святыми иконами на открытом поле? — и тому подобное. Такой образ действования мне представляется единственным средством к применению их суеверных обычаев на святые обычаи веры» (12, с. 183).

Итогом всего этого явилось формирование своеобразного комплекса верований и обрядов, включающего элементы дохристианского и христианского вероисповеданий, составляющего их синтез. Например, в народной песне «Раздача счастья» говорится о том, как православный Никола «делит счастье» мордве, сидя на ветвях дуба в компании с Нишке-пазом и Норов-пазом (13, с. 19). В свадебных причитаниях некоторые дохристианские божества мордвы изображаются в поповской одежде, исполняют поповские функции. Вот так, к примеру, невеста стала обращаться к божеству двора (Кардаз-сярко — *Н.М.*) свахи:

Держатель двора тетушки Анны,
Кардаз-сярко тетушки Анны!
... Надень ризы свои на себя,
Набрось крест на свою шею,
Возьми в руки кадило свое,
Ризой своей покрой нас,
Кадилом своим окури.
(14, с. 70).

В мордовских избах появились иконы, постепенно ставшие обязательной принадлежностью целого ряда обрядов, — новоселья, свадьбы, различных праздников и пр. «Мордовские праздники, большие моляны, — писал В.О.Ключевский, — приурочивались к русским народным или церковным празднествам, семику, троицыну дню, рождеству, новому году» (15, с. 305). На место многих традиционных праздников пришли православные. Но они не были восприняты в чистом виде, а подвергались значительной адаптации. Возникал местный, мордовский вариант православия, отличительной чертой которого является синтез мордовского язычества с русским православием. Изменился вид мордовских кладбищ. На место прежних могильных срубов пришли кресты. Дохристианские представления о загробном мире смешались с христианскими представлениями о рае и аде. Такое религиозное мировосприятие характерно для верующей части мордовского народа вплоть до сегодняшнего дня.

Как известно, мордовские крестьяне различными путями (вплоть до переселения в другие места или даже восстаний, самосожжения) уклонялись от принятия христианской религии, справедливо видя в ней новое средство их притеснения со стороны светских и духовных властей. Именно поэтому, отмечал К.Д.Ушинский, «христианская религия входит в финские племена медленно и трудно» (16, с. 79). Наиболее ранние письменные свидетельства о крещении мордвы сохранились лишь с начала XVI в. Так, в одном из документов Русского

государства, датированном сентябрем 1508 г., сказано о новокрещенемордвине Федоре, которому в качестве толмача (переводчика — *Н.М.*) было поручено сопровождать «от Коломны до Украины» (т.е. до границы — *Н.М.*) ногайских послов (17, с. 79).

С XVI в. на территории мордвы стали воздвигаться монастыри и церкви. Царское правительство наделяло их пахотными, лесными и водными угодьями и приписывало к ним целые мордовские поселения. Крупнейшими монастырями были Саввина Сторожевский (основан в XVI в.), Пурдышевский (XVI в.),Санаксарский (1659 г.), Саровский (1705 г.) — в Темниковском уезде, Никольский Чернеев (1573 г.) — в Шацком уезде, Новоспасский (60-е годы XVII в.) — в Арзамасском уезде и др. Одной из главнейших задач, поставленных перед монастырями, было утверждение мордвы в христианской вере.

Массовое крещение мордвы было завершено в середине XVIII в. С этого времени она стала считаться народом православным, христианским. Правда, в начале XIX в., а именно в 1808-1810 гг., в Терюшевской волости Нижегородского уезда Нижегородской губернии возникло религиозно-реформаторское движение за возврат к старой мордовской вере, но оно было жестоко подавлено. Руководитель движения — крестьянин деревни Большое Сескино, принадлежавшей графине Сен-Приест, Кузьма Алексеев (иронически прозванный местными властями «Кузькой — мордовским богом») — вместе с семью наиболее близкими сообщниками был арестован и предан суду, приговорившему его к сечению плетьми, вырезанию ноздрей, наложению клейма на лбу и щеках и к ссылке на поселение в Иркутскую губернию. Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Вениамин лично объезжал волость, совместно с помещиками и полицией назначал к каждой десятидворке новокрещен смотрителей, получивших приказание «наблюдать, дабы живущие в оных препорученных им дворах новокрещены не исправляли никакого моления по мордовским обрядам, а молились бы по-христиански» (18, с. 39-44, 55-56).

Несмотря на то, что мордва уже несколько веков является народом православным, в последнее время со стороны некоторых претендующих на лидерство в национальном движении лиц стали раздаваться призывы к народу отказаться от православия, христианства («Христос — не наш бог») и обратиться заново к языческому верховному богу Нишке, к божествам Масторава, Норовава, Вирява, Ведява и др. (19, с. 3; 20, с. 2). По их инициативе в некоторых мордовских селах Мордовии, Ульяновской, Оренбургской областей состоялись традиционные озксы (моления) с жертвоприношениями мордовским божествам (21, с. 2; 22 с. 5; 23, с. 1; 24, с. 2). Автору даных строк довелось быть при открытии в городе Лукоянове (Нижегородская область) в одном из помещений

районного дворца культуры музея мордовской культуры (1992 год), когда представительница культурно-просветительского общества «Масторава» Р.С.Кемайкина, прибывшая из Саранска, обратилась к языческому божеству дома Кудаве с просьбой-молитвой благословить указанный музей и его создателей на плодотворную деятельность по возрождению родного народа.

Неоязыческие тенденции отразились и в попытках через национальные средства массовой информации рекомендовать народу молитвенный именник, в котором предлагается поминать в ходе религиозных озксов деятелей мордвы, начиная от жившего в XII- начале XIII вв. древнемордовского князя Пургаса, вплоть до недавно умершего председателя эрзя-мокшанского культурно-просветительного общества «Масторава» профессора Д.Т.Надькина (25, с. 4).

Знаменательным событием в современной этноконфессиональной жизни мордвы было открытие в 1991 году Саранской и Мордовской епархии Русской православной церкви. До этого православные приходы Мордовии и Пензенской области составляли единую Пензенскую и Саранскую епархию. В этом же году в Саранске состоялось официальное открытие общины Мокшэрзянской протестантской (лютеранской) церкви, ведущей богослужение на мордовских языках. При этом следует отметить, что взаимоотношения православной и лютеранской церквей в Мордовии пока носят весьма напряженный характер.

Как русская православная, так и Мокшэрзянская лютеранская церковь подвергаются критике со стороны различных кругов общественности. Так, председатель Фонда спасения эрзянского языка им. А.П.Рябова Е.В.Четвергов, заявляя, что «руководители Русской православной церкви, как и КПСС, готовы взять за горло каждого, кто против них или делает хотя бы немного иначе, чем они», считает самым большим грехом Русской православной церкви богослужение на русском языке в храмах, где большинство молящихся эрзяне. «Ныне у эрзян, — пишет он, — я думаю, нет ни одной церкви, где бы звучал эрзянский язык, где божьи слова доносились на языке слушающих... Уворовать язык. Разве есть на земле больший грех?» (20, с. 2).

Хотя в словах Е.В.Четвергова содержится немалая доля правды, они не совсем объективны, ибо нельзя упускать из виду, что Русская православная церковь немало сделала для становления письменности у мордвы, традиций литературного языка, да и богослужения на родном языке. Видя формальный характер процесса христианизации, поверхностное восприятие религии Христа, иерархи Русской православной церкви все более склонялись к необходимости использования в миссионерских целях родного языка.

Одним из видных сторонников этой идеи был епископ Иоанн

Дамаскин, занимавший нижегородскую епархиальную кафедру с 1783 по 1794 год. В его бытность Нижегородская духовная семинария славилась диспутами с чтением од и речей на русском, латинском, греческом, немецком, французском, татарском, мордовском и чувашском языках. Под присмотром Дамаскина по «высочайшему повелению» императрицы Екатерины II в 1785 г. здесь был составлен знающими местные языки священниками и семинаристами рукописный «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих: именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис». В подзаголовке к нему, написанном рукой Дамаскина, говорилось о том, что слова в нем «российскими письменами писаны», «поелику ни чуваша, ни мордва, ни черемисы своих букв или литер не имеют, а татаре пишут арабскими буквами» (26, с. 24). Как показывают исследования, мордва до присоединения к Российскому государству не обладала собственным фонетическим письмом. Та семиотическая система, которой она пользовалась (**сермат, тешкет**), не выходила за рамки пиктографии и имела весьма ограниченный характер.

Таким образом, письменность у мордвы стала развиваться на основе русского алфавита, подходящего для выражения звукового состава мордовских (эрзя и мокша) языков без каких-либо дополнительных диакритических знаков. Орфографические принципы в мордовском письме также вырабатывались с учетом таковых в русской орфографии, что облегчало мордве освоение как родного, так и русского языков. Один из первых авторов мордовской грамматики профессор Тамбовской духовной семинарии П.Орнатов писал в 1838 году: «Для выражения мордовских слов я употребил литеры русского с тем намерением, чтобы и самим мордвам дать возможность за один раз научиться и своему, и вместе языку русскому». Разумеется, делалось это все во имя «прочнейшего укоренения в сердце сего народа учения христианского» (27,с. 128).

На запрос от 30 сентября 1842 г. правления Казанской духовной академии о том, какие местные языки преподаются в духовных семинариях Казанского духовно-учебного округа, исполняющий должность ректора Тамбовской духовной семинарии иеромонах Макарий сообщал: «... в Тамбовской семинарии преподаются местные языки — мордовский и татарский... Знание сих языков имеет быть доведено по крайней мере в некоторых учениках до такой степени, чтобы они могли свободно говорить на сих языках с природными татарами и мордвою» (28, л. 34). Правда, указанная семинария была единственным учебным заведением в Российской империи, где в то время преподавался мордовский язык. Из других семинарий (Казанской, Нижегородской, Оренбургской) поступили ответы, что хотя мордва проживает на территории их епархий, но мордовский язык у них не преподается (28, л. 35, 43-50).

Целесообразность знания священнослужителями инородческих языков как средства усиления миссионерской проповеди, важного орудия христианизации нашла окончательное выражение в так называемой «системе Ильминского», утвержденной Советом министра народного просвещения 26 марта 1870 г. циркуляром «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Николай Иванович Ильминский (1822-1891) — сын протоиерея Николаевской церкви города Пензы, выпускник Пензенской духовной семинарии, затем Казанской духовной академии, профессор этой академии и Казанского университета, действительный статский советник, член-корреспондент Российской академии наук. Монархист по идейным убеждениям, он верой и правдой служил царизму и Русской православной церкви, но в отличие от многих своих предшественников и современников отвергал насильственные методы христианизации, резонно полагая, что посредством оных можно добиться лишь обратных результатов.

При миссионерском обществе «Братство святителя Гурия», открывшемся в Казани в 1867 году (названо по имени первого в Среднем Поволжье миссионера епископа Гурия, XVI в.), была создана в 1876 г. переводческая комиссия под председательством Ильминского, которая занялась организацией работы по переводу на языки народов Поволжья миссионерской литературы и публикацией ее. В 1872 году в Казани же открылась русско-инородческая учительская семинария, призванная готовить учительские кадры для школ с нерусским контингентом учащихся. Первым учеником этой семинарии из мордвы был Авксентий Филиппович Юртов (1854-1916) — выпускник Казанской крещено-татарской школы, которая, как и русско-инородческая семинария, была открыта по инициативе Ильминского. По окончании семинарии Юртов становится преподавателем мордовского училища при ней.

Стремясь выявить и накопить необходимые материалы для издания образцов живого народного языка как основы для учебной и вероучительной литературы, Юртов часто посещал мордовские деревни и села, собирал произведения фольклора, вел миссионерскую деятельность на родном языке. Юртовым переведены на эрзянское наречие мордовского языка церковные книги «Священная история Ветхого и Нового завета» (Казань, 1880, 1883), «Покш праздникт» (Казань, 1881), «Евангелие от Матфея» (Казань, 1882), «Чин исповедания и како причащати больного» (Казань, 1884). Он является автором «Букваря для мордвы-эрзи с присоединением молитвы и русской азбуки» (Казань, 1884) — первого букваря, специально созданного для обучения грамоте мордвы-эрзи. Ряд переводов канонических книг на эрзянское наречие мордовского языка в 1880-90-х годах выполнен также учеником А.Ф.Юртова, впоследствии известным мордовским ученым-просветителем М.Е.Евсевьевым (1864-1931).

Обращение к использованию родного языка в школьном преподавании, а также в церковном богослужении, переводы церковной литературы на языки народов Российской империи, в том числе мордовские, способствовали изучению и развитию этих языков,подготовке национальных кадров интеллигенции, священнослужителей, поднимали национальное самосознание мордвы.

Поэтому даже система Ильминского внедрялась крайне непоследовательно. Преподавание на инородческих языках консервативным кругам российского общества казалось занятием опасным. В «Журнале Министерства народного просвещения» при обсуждении вопроса об образовании инородцев было высказано такое суждение: «Самые попытки... дать письменность и некоторое литературное развитие наречиям, которым все это было до сих пор чуждо и возвести эти наречия на степень языков школ и церкви — не будет ли иметь непреложным своим последствием развитие инстинктов, ... способных отдалить их от русского народа?». И далее: «... язык — это народ: утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила,введите его в школу и в церковь, и вы тем самым утвердите соответствующую народность, и доселе безразличную в отношении к языку массу инородцев, с явным даже влечением к усвоению русского языка, вы обратите в племя, которое будет дорожить своими особенностями и будет настаивать на своем обособлении» (29, с. 91-92). А это не входило в планы как светских, так и церковных властей, считавших государственной задачей русской школы обрусение инородцев.

Эту задачу школьного образования царской России особенно четко сформулировал граф Д.А.Толстой, вступивший на пост министра народного просвещения в 1866 году и занимавший его в течение 15 лет. «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, — указывал он, — бесспорно, должно быть обрусение...» (30, с. 59). Эту же идею выразил представитель Синода В.Скворцов, выступая в 1910 г. в Казани на съезде миссионеров: «Если инородцы настолько сближаются с русскими, что забывают даже о своей национальности, то в этом деле с православно-русской точки зрения, не может быть ничего худого. Напротив, в этом именно и заключается государственная задача русской школы» (31, с. 552).

Как явствует из циркуляра, направленного 23 мая 1870 года министром народного просвещения Д.А.Толстым управляющему Казанским учебным округом М.Соколову, инородческие языки могли быть употребляемы в школах лишь «... по необходимости, как орудие при первоначальном обучении и развитии инородцев». В свою очередь, разъясняя это положение, М.Соколов писал Н.И.Ильминскому 9 июня

1870 г., что оно не дает повода полагать, будто «...в инородческих школах будут учить инородческим языкам, которые не имеют ни грамматики, ни письменности, и изучение которых, в смысле изучения языка, немыслимо» (32, л. 31).

Миссионерская деятельность Ильминского и его последователей среди инородцев нашла поддержку инородческого духовенства и на 1-ом общем собрании народностей Поволжья, состоявшемся 15-22 мая 1917 года в Казани. В работе этого собрания принимало участие свыше пятисот человек из чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов, калмыков, крещеных татар, коми-зырян и коми-пермяков, в большинстве учителя. Рассмотрев вопрос о местном самоуправлении, оно рекомендовало будущему Учредительному собранию установить в России демократическую республику с предоставлением всем ее народностям культурной автономии.

Церковнослужитель-мордвин Ф.К.Садков в своем выступлении раскрыл основные положения программы инородческого духовенства. Он превозносил миссионерскую деятельность Ильминского среди «инородцев всей северо-восточной Руси и отдаленной Сибири», считая важнейшей задачей выдвижение «народных епископов», способных нести «слово истины на родном для своей паствы языке». И тогда, говорил он, «чуваши не станут отатариваться, черемисы и вотяки уходить обратно в язычество, мордва коснеть в своем религиозном невежестве, ибо пастырь — начальник их будет глашать каждого по имени, и они, услышавши родной и знакомый голос, побегут на зов его, и тогда никакие магометы, ни керемети, ни колдуны не отвлекут их от ограды Христовой» (33, с. 44).

Стремясь укрепить влияние Русского православия на нерусские народы, националисты-церковники объявляли его движущей силой национального возрождения. «Религия, — возглашал с трибуны указанного собрания дьякон Федор Садков, — ведет к национальному возрождению. Мы, как националисты, во имя сохранения своих народностей, должны стараться, чтобы религия укреплялась в среде наших народностей» (33, с. 48).

Итак, говорить о том, что Русская православная церковь, разворачивая свою миссионерскую деятельность среди мордвы, начисто игнорировала ее язык, по меньшей мере не объективно. Другое дело, что в разные исторические периоды внимание к мордовским языкам со стороны иерархов православия было различным. В послеоктябрьский период, когда сеть православных церквей в стране была крайне сужена, церковное богослужение на родном языке отсутствовало.

Новая ситуация в этой сфере жизнедеятельности мордвы, как и других народов нашего Отечества, стала складываться в последние годы,

когда отношения между государством и церковью стали освобождаться от административного диктата, неуважительности представителей власти к церкви и ее пастве, заменяться доброжелательностью, стремлением к сотрудничеству, уважением к убеждениям, вере, традициям, когда церковь после более чем семидесятилетнего притеснения получила полную свободу деятельности, а граждане страны — право выбора исповедовать ту или иную религию или придерживаться атеистических взглядов.

Легализация религиозности способствовала быстрому росту количества церковных приходов, число которых, как полагает епископ Саранский и Мордовский Варсонофий, в ближайшие годы достигнет двухсот, а монастырей — до восьми. «Мордовский народ, — считает он, — народ гостеприимный, дружелюбный, по-настоящему глубоко набожный. И еще удивительное, трогательное качество мордвы — какая-то застенчивость, стеснительность. Видишь, например: хороший, честный, благочестивый человек, предлагаешь ему рукоположиться в священники или стать церковным старостой, вообще как-то выделиться из общей среды прихожан, стесняется, отнекивается. Сколько времени потратишь на его уговоры! И это сегодня, когда в других народах все наперебой рвутся к власти... Такое качество в человеке не может не трогать. Душа мордовского народа по натуре — христианка. Добрая душа» (34, с. 12).

Этнопсихологическую и этноконфессиональную характеристику мордвы, данную Варсонофием, разделяет и побывавшая недавно в Мордовии сербская монахиня Ангелина. «Действительно, как я уже сказала, — отмечает она, мордовский народ здоровый, набожный, скромный, мне нравится он» (35, с. 7).

Остро встал вопрос о подготовке национальных кадров священнослужителей, которых мало не только в епархии Саранской и Мордовской, но и в других, где проживает мордовское население, например, в Симбирской. «В связи с этим, — говорит Варсонофий, — владыка Прокл (епископ Симбирский — *Н.М.*) просил по возможности направлять к ним священников-эрзян. Хотя мы и сами испытываем с этим большую нужду» (36, с. 2).

Нехватка кадров священников из мордвы затрудняет и расширение богослужения на родном языке, хотя в настоящее время некоторые попытки в этом отношении имеют место. Как заявляет епископ Саранский и Мордовский Варсонофий, большим энтузиастом перевода богослужения на мордовский язык является священнослужитель из села Кученяево Ардатовского района Республики Мордовия отец Михаил. «У себя в Кученяеве он пытается понемногу переводить службу: на мордовском поется часть стихир, например. Но дело пока идет медленно

и трудно... А что касается проповеди, исповеди — так ведь в деревнях с мордовским населением они так всегда и шли на мордовском языке!» (34, с. 12).

Возобновились попытки новых переводов церковной литературы на мордовские языки и ее публикации. Этим занимается Институт перевода Библии на другие языки (Финляндия), опубликовавший в 1990 г. на мордовском-эрзя языке «Иоаннонь пельде Евангелия» («Евангелие от Иоанна»), в 1991 — «Иисусонь эрямозо» («Жизнь Иисуса»), в 1993 — «Библиянь ловномат» («Библейские чтения») в переводах с русского языка Н.С.Адушкиной, В.С.Щемеровой, Д.Т.Надькина. Работа над новыми переводами канонических книг на мордовские языки будет продолжена.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Киселев А.Л.* Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959.
2. Под звездой Октября (Мордовская АССР за 50 лет Советской власти). Саранск, 1967.
3. *Мокшин Н.Ф.* Некоторые итоги конкретносоциологического исследования уровня религиозности сельского населения Мордовской АССР // Развитие атеизма в Мордовии. Саранск, 1972.
4. *Замотаев Н., Макеев А.* Жизнь наставила Темникову рога // Советская Мордовия, 1993, 9 июля.
5. *Они же.* Уйду в монастырь // Советская Мордовия, 1993, 9 июля.
6. *Бахмустов С.* Пайгармский монастырь // Вечерний Саранск, 1994, 11 февраля.
7. *Инчин В.* Мон кочкия эрямонь ким // Эрзянь правда,1994,21 мая.
8. *Сергушкин И.* Низкий поклон и многия благия лета // Известия Мордовии, 1994, 1 сентября.
9. *Инчин В.* Ломанес — ломанентень // Эрзянь правда,1994,17 ноября.
10. ЦГА Республики Татарстан. Фонд 10 (Казанская духовная академия), опись 1, д. 2933.
11. *Мокшин Н.Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968.
12. *Можаровский А.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г. М., 1880.
13. Мордовские народные песни. М., 1957.
14. *Евсевьев М.Е.* Мордовская свадьба. Саранск, 1959.
15. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Соч. в восьми томах. Т.1. М.; Л., 1956.
16. *Ушинский К.Д.* Лекции в Ярославском лицее. Соч. в десяти томах. Т.1. М.; Л., 1931.

17. *Гераклитов А.А.* Материалы по истории мордвы. М; Л., 1931.
18. *Зевакин М.И.* Кузьма Алексеев. Саранск, 1936.
19. *Четвергов Е.* Возрождение // Советская Мордовия, 1991, 13 мая.
20. *Четвергов Е.* Христоскак аволь минек пазось! // Эрзянь правда, 1992, 15 августа.
21. *Ивашкин Н.* Эрзянская ось Оськина // Советская Мордовия, 1993, 18 июня.
22. Велявтано покштянь-бабань койтнень // Бугурусланская правда, 1994, 5 февраля.
23. *Мишин Н.* С корабля на «Озкс» // Известия Мордовии. 1994, 30 июня.
24. *Щанкина Р.* Седейс вальсь певтеме вийть // Эрзянь правда, 1994, 16 июля.
25. Эрзянь озксонь ютавтомань лувось // Эрзянь правда, 1993, 6 марта.
26. *Феоктистов А.П.* Русско-мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии. М., 1971.
27. *Феоктистов А.П.* Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период). М., 1976.
28. ЦГА Республики Татарстан. Фонд 10 (Казанская духовная академия), оп. 1, д. 2933.
29. Журнал Министерства народного просвещения, 1867, № 4-6.
30. *Куманев В.А.* Революция и просвещение масс. М., 1973.
31. Миссионерский съезд в гор. Казани 13-26 июня 1910 г. Казань, 1910.
32. ЦГА Республики Татарстан. Фонд 968 (Н.И.Ильминский), оп. 1, д.2.
33. Протоколы 1-го общего собрания представителей мелких народностей Поволжья. Казань, 1917.
34. *Варсонофий,* епископ Саранский и Мордовский. Отечеству нужны чистые люди // Мордовия, 1994, 18 февраля.
35. *Ангелина,* сербская монахиня. В Мордовии есть настоящие люди // Мордовия, 17 ноября.
36. *Варсонофий,* епископ. Верой наполнить свою жизнь // Саранские вести, 1993, 12 февраля.

Nikolay Mokshin

CURRENT ETHNOCONFESSIONAL SITUATION IN MORDOVIA

At present the Mordvinians like other peoples of the Russian Federation witness considerable changes in the confessional sphere, the cause of which lying in the economic, social, political and ethnic factors. These changes can be seen in the process of the so-called legalization of religiosity meaning the condition when a great many of people now have become quite free and easy while performing religious ceremonies. They no longer dissemble their beliefs from their associates and especially from the authorities, though formerly they used to conceal their religiousness.

Some new attempts are being made to translate religious books into the Mordvinian languages and to publish them. This work is being done by the Institute of language versions of the Bible (Finland). In 1990 "The Evangel of St. John" was published, "The Life of Jesus Christ" appeared in 1991, in 1993 they published "The Biblical Readings".

The translation from Russian into Mordvinian-Erzya was done by N.S. Adushkina, V.S. Shchemerova, D.T. Nadkin.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Людмила Айтуганова
Ижевск

ПЕСЕННЫЕ ФОРМЫ СТИХА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Устная поэзия финно-угорских народов Поволжья и Урала разнообразна и богата. Она включает в себя эпические песни и лирику, обрядовую поэзию и дидактику, развлекательные формы, частушки. Каждый жанр имеет свою неповторимую систему художественных средств выразительности и систему стиховой организации.

В последнее время появились монографии, посвященные целенаправленному изучению национальных стихосложений (1, 2, 3). Фольклорный стих представлен в этих работах как долитературный, закономерный этап в развитии национального стихосложения.

В большинстве работ фольклорное стихосложение рассматривается как единая система, обслуживающая все жанры устной поэзии. Но «любой фольклорный текст (равным образом жанр) основан на определенном коде, то есть системе традиционных привычных, органических для данной среды норм, правил, ограничений, семантических принципов» (4, с. 12), т.е. любое устно-поэтическое произведение (как и жанр) имеет свои возможности и пределы в организации стиха. Значит, при рассмотрении, например, песенного фольклора нужно выделить в отдельные области особенности стиха частушек, четырехстрочных песен, свадебных, календарно-обрядовых, лирических, плясовых и др. песен. Кроме того, внутри жанров также имеются свои особые области, требующие отдельного рассмотрения. Возьмем свадебные песни. Структуры песен поезжан со стороны жениха и невесты будут неодинаковы, также они будут отличаться от структуры песен-причитаний невесты или же структуры песен, исполняемых во время угощения. Поэтому «в связи с исследованием песенных структур, возможно, уместно было бы поставить вопрос о взаимосвязи указанных структур не только и не столько с метрическим строением мелодии, а об организующем начале определенного жанра для данных структур, то есть о взаимосвязи указанных видов структур с конкретными жанрами или кругом жанров» (5, с. 117).

Предлагаемая статья является попыткой описать формы стиха с учетом особенностей жанровых образований. Она не претендует на полный охват исследуемого материала и не ставит своей целью осветить многообразие всех жанров и форм.

В фольклористике и стиховедении стих поэтических текстов принято делить на три вида. Это — напевно-речевой, речитативный и речевой. Такое деление основывается на неодинаковом характере взаимосвязи слова с напевом. Напевно-речевым называют способ организации стиха в поющихся жанрах, где ритм мелодии и ритм слова соподчиняются, приспосабливаются друг к другу. В речитативном способе ритм слова и ритм напева сосуществуют параллельно, при этом напев играет вспомогательную, сопутствующую роль. В речевом стихе, характерном для непоющих жанров, слово с мелодией никак не связано.

Самый большой пласт поэтического фольклора составляют песни. Песенные формы стиха разнообразны, так как «взаимоотношение элементов стиха и музыки в народных песнях не есть нечто постоянное, неизменное и равнозначное для всех песен. Не существует универсального, общего для всех песен типа взаимоотношений указанных элементов: характер их взаимоотношений обусловлен спецификой того или иного жанра» (6, с. 9).

В удмуртской народной песне ученые выделяют два типа стихосложения. Первый из них характеризуется отсутствием рифмы, строфического деления, строгой метрической формы. В основе лежит перечисление. Второй тип характеризуется четкостью как в организации внутри строки, так и в организации строк (7, с. 40). Назовем их условно неметрическими и метрическими типами, так как ритмическая организация первого из них не поддается описанию с точки зрения метрических форм, а второго — поддается. Нужно сказать, что вышеназванные типы характерны и для песенных форм других финно-угорских народов Поволжья и Урала.

Внутри неметрического типа (также и метрического) можно увидеть, в свою очередь, многообразие форм. Есть песни, где «лишь некоторая часть слов имеет самостоятельный смысл, другую составляют частицы, междометия, служебные слова, употребляющиеся нередко вне синтаксических связей. Аналогичным образом используются слова, имеющие конкретное содержание» (8, с. 219). Эти песни обычно называют «песнями без слов». Рядом с такими существуют песни большого объема с развитым сюжетом. Следовательно, два основных типа стиховой организации распадаются еще на несколько подтипов. Также условно разделим их на группы. В неметрическом типе выделим напевно-ритмические формы и эпические, в метрическом — силлабические, частушечные и формы четырехстрочных песен.

Напевно-ритмические формы присущи песням, где важную роль в ритмической организации играет простой повтор слов или сочетаний слов. Исполняемые во время календарных и семейно-бытовых обрядов, эти песни, видимо, являлись тем древним синкретическим видом фольклорного искусства, где обрядово-поэтическую роль и эмоционально-эстетическую функции выполняла мелодия, текст же здесь никакой определенной роли не играл. Стиховая основа, тем более метрическая, трудно улавливается, так как тексты не оформились еще как смысловое явление. «Повторы — древнейшая черта фольклора, — пишет Е.М.Мелетинский, — связанная в генезисе и с наличием ритма, и с верой в магическую веру слова» (9, с.2). Повторы слов и словосочетаний не прикреплены к какой-либо определенной части текста, они встречаются в самых неожиданных местах или же идут друг за другом непредсказуемое количество раз. Поэтому они не могут послужить основой для ритмической организации. Сюда же можно отнести песни, описывающие «в производственно-детализированных образах последовательность действий охотника» (10, с. 70) или любого, занимающегося каким-нибудь промыслом. Они представляют собой ритмизованный напевом прозаический рассказ:

Сьӧд ошмес шур сьӧры
Пото но, ялан, дыр
Утчась ай пуные
Ланг-ланг ай карит но,
Отчы ай, уроме,
Гондырез забыл.

За реку Черный Ключ
Вышел я и, постоянно, наверное,
Ищущий мой пес
Ланг-ланг залаял и
Там я, товарищ мой,
Медведя свалил.

(11, с. 39).

К напевно-ритмическим формам отнесем и организацию стиха шуточных песен, лишенных каких-либо метрических условностей:

Ӧнись гӧтiр — сводничa,
Домна — матiча,
Пекла — пӧслукман,
Гриша гӧтiр — кӧримтшик...

Жена Онисима — сводница,
Домна — матица,
Фекла — послушная,
Жена Гриши — кормщица...

(12, с. 12).

Такая примитивная форма поэзии известна и другим финно-угорским народам. У мордвы они прикреплялись обычно к календарным датам.

Эпические формы стиха характеризуются более или менее выраженной словесной урегулированностью. Это проявляется, во-первых, в том,

что строки начинают приобретать относительную несвободу в количестве слогов и ритмических групп, т.е. неравносложные слогочислительные рамки. В мордовских песнях, скажем, десять плюс-минус один или два слога; в коми и удмуртских — от десяти до двадцати слогов. Во-вторых, в этих песнях явно выражена системность в использовании повторов в виде анафорическо-эпифорических рядов, которые начинают играть роль организатора в ритмическом оформлении стиха. И, в-третьих, синтаксические конструкции в двух или более близлежащих строках в эпических формах стиха в большинстве своем имеют вариативную особенность. Вариационный параллелизм вызывает урегулированность словесную и тоническую в корреспондирующих рядах.

Приведем пример:

...Сюлэмез попытэк кырʹаны уг лу!	11	Не вложив сердца,спеть нельзя!
Визез попытэк вераны уг лу!	10	Не вложив ума, говорить нельзя!
Ма сярысь бон мон тӥледны верайом?	11	О чем же мне спеть вам?
Ма сярысь бон мон тӥледны кырʹайом?	11	О чем же мне рассказать вам?
Вачкала дыръёсыз тӥледны верайо,	12	О давно прошедших временах спою я вам,
Вачкала дыръёсыз тӥледны кырʹайо...	12	О давно прошедших временах расскажу я вам...

(13, с. 39-40).

Перед нами отрывок песни с эпической формой организации стиха. Эпичность проявляется в построении. В парных гнездах строки почти повторяют друг друга, варьируются лишь отдельные слова. Несомненно, основой структурного построения песни служит вариационный параллелизм.

В коми эпических песнях также основным ритмообразующим моментом является вариационный параллелизм. Длина строк не имеет строгой урегулированности: количество слогов колеблется. В мордовской эпической поэзии А.И.Маскаев тоже находит нестабильность в слоговом строе и «амебейность» — параллелизм в построении (14,с. 398).

Метрический тип отличается строгой организацией текста, относительной равносложностью и ритмической формульностью. Лирические песни, четырехстрочные песни и частушки — вот перечень жанров, где прослеживается этот тип организации стиха. Строки здесь группируются в строфы или строфу. Внутри строфы появляется симметричность в последовательности ритмических групп, рифма также начинает играть определенную роль.

По аналогии с неметрическим типом метрический тип напевно-речевого стиха разделим также на несколько групп. Стих лирических

песен определим как силлабический, стих частушек — как частушечный, а стих четырехстрочных песен — формой четырехстрочных песен.

Поражает многообразие строфических композиций и богатство ритмических форм лирических песен. Строфическая структура их представляет собой сочетание самых разнообразных по длине стихов. В популярной удмуртской народной песне «шунды но жужа но...» («Солнце всходит и заходит») в основе построения лежит параллелизм:

Шунды но жужа но,	– ⏑ –/– ⏑ –//	3+3
Шунды но пуске но,	– ⏑ –/– ⏑ –//	3+3
Нош ик со интые	⏑ –/– – – ⏑–//	2+4
Толэзь но жужа...	– ⏑ –/⏑ –//	3+2

(11, с. 221).

'И солнце восходит, / И солнце заходит, / И вновь вместо него / Луна восходит...'

Каждый стих предыдущей строфы в этой песне повторяет структуру параллельного стиха последующей строфы. Ритм организуется слогочислительным способом. В этой песне первые три строки имеют по шесть слогов, четвертая строка — короче: она состоит из пяти слогов. Слоги группируются в ритмические доли (ритмические группы). Граница ритмических групп всегда совпадает с границами словоразделов. Количество ритмических долей и длина ритмических долей в процитированной песне урегулированы, участвуя в организации ритма. В первых двух строках присутствует сочетание трехсложных долей, а в четвертой появляется вариация в сочетании двухсложной и трехсложной групп. Такое построение придает ритмической организации строгость, в то же время разрушает монотонность.

Все известные и уже описанные в науке ритмические группы, из которых состоит стих мордовских народных песен, перечислены в работе Р.О.Якобсона (15). У марийцев, удмуртов и коми они еще не изучены до конца, хотя некоторые разновидности уже выявлены. Так, в марийской песне выделяют следующие структуры: 4+3, 4+4, 5+4, 3+3 (16, с. 96-102). О структуре удмуртских песен говорится, что строка обычно содержит одну или две цезуры, редко — три (11, с. 31). То есть строка организуется из двух ритмических групп или из трех и редко — из четырех. Но все это требует еще изучения.

Если силлабические формы стиха распространены у всех финно-угорских народов Поволжья и Урала, формы четырехстрочных песен известны в большинстве у марийцев и удмуртов. Это отмечают ученые фольклористы. М.Г.Слесарева пишет, что «широкое распространение

строфичных и четырехстрочных песен в южно-удмуртских и марийских традициях можно объяснить влиянием непосредственных контактов с тюркоязычными соседями, у которых основной формой песен является четверостишие, основанное на параллелизме» (17, с. 6-7).

Остановимся подробнее на формах стиха удмуртских четырехстрочных песен. Материалом изберем сборник «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний», составленный Б.Гавриловым (18). Сюда включены 216 единиц четырехстрочных песен. Песни в основном построены по принципу двухчленного параллелизма. В первой части дается описание из мира природы, во второй — выводится параллель из жизни человека:

Тодьы но дыдык, кыр дыдык
Лобзоз но кошкоз емышлы.
Мугоре вуэм пинал пиос
Султоз но кошкоз ваньбурлы.
(18, с. 32).

Белый дикий голубь
Полетит искать корм.
Парни в возрасте
Пойдут искать богатство.

Но такой параллелизм — явление редкое, обычно в песнях присутствует формальный параллелизм:

Азвесь но зуидэс кин уз поны
Аслаз чиньыяз тупамзэ?
Туганзэ туган кин уз кары
Аслаз мылаз-кыдаз тупамзэ?
(19, с. 12).

Серебряное кольцо кто не наденет,
Если оно впору.
Родственника кто не будет привечать,
Если он ему по сердцу?

Эти структуры в основном состоят из восьмисложных и девятисложных стихов. Принято считать, что наиболее распространенными в удмуртской поэзии являются семисложные формы, но анализ исследуемых текстов дает следующий результат: песни, где одна из строк содержит семь слогов, составляют всего 27 единиц, или 12,5% от общего количества. А песни, содержащие восьмисложные и девятисложные, — 127 единиц, или 58,8%, то есть больше половины. Нужно отметить, что структуры с семисложными формами стиха не выявляют какой-либо традиции в использовании их, то есть все комбинации и сочетания, включающие в себя семисложный стих, имеют единичный характер. Лишь форма 7878 встретилась два раза.

Совсем другая картина наблюдается в использовании восьмисложных и десятисложных стихов. Здесь мы обнаруживаем некоторые традиции и тенденции. Так, например, из 127 единиц, состоящих из восьмисложных строк, около половины, а именно 60 единиц (47,2%), имеют

формы многократно повторяющихся структур. Из них форма 8888 встречается 26 раз, 9999 — 7 раз, а из урегулированных комбинаций 8898 встречается 27 раз, 9898 — 18 раз, 8989 — 6 раз. Из перечисленных форм второго ряда, как видим, самое большое количество раз встречается форма, где третья строка состоит из девяти слогов, а все остальные из восьми, где третья строка длиннее остальных:

Шунды жужалоз шунытлы,	8	Солнце взойдет, чтобы греть,
Толэзь жужалоз югытлы;	8	Луна взойдет, чтоб светить,
Милям улонлэн эркынлыкез	9	Наша вольная жизнь до поры,
Атаен анай вань дырья.	8	Когда у нас есть отец с матерью.

(19,с. 9).

Тенденция к удлинению третьей строки наблюдается во многих других сочетаниях. Вот некоторые из них: 8.8.11.10; 8.9.10.9; 9.8,10,8; 8.8.11.8; 7.7.8.7; 8.7.10.9; 8.8.12.8; 7.8.9.8; 9.8.11.9 и т.д.

Форм, включающих в себя десятисложный стих, также немало — 49 единиц (или 22,7%). Но многократно повторяющихся форм лишь несколько: 8.8.10.8, которая встретилась 8 раз, 9.8.10.8 — 7 раз, 10.9.9.9. — 3 раза, 10.8.9.8 — 2 раза и 10.8.10.8 — 2 раза. Еси допустить, что формы 10.8.10.8 и 9.8.10.8 являются вариантами формы 9.8.9.8., а 8.8.10.8. — вариантом формы 8.8.9.8, то можно сказать, что формы 8.9.8.9. и 8.8.9.8 наряду с формами 9.9.9.9 и 8.8.8.8 — это и есть формы четырехстрочных удмуртских песен. Таким образом, в основе построения четырехстрочных песен лежит восьмисложный и девятисложный стих и традиционные их сочетания, названные выше. Наличие структур, раздвигающих границы этой традиции в сторону увеличения слогов, говорит, видимо, о существовании другой традиции, на которую как бы наложилась последняя. Об этом, кстати, пишет музыковед М.Г.Кондратьев (он сравнил южноудмуртскую песню с чувашской): «жесткая слогочислительная форма как бы «наложена» на более свободные песенные типы, восходящие к другой традиции, возможно еще древнепермского происхождения» (19, с. 86).

Семисложные образования в четырехстрочных песнях, как отметили выше, встречаются в небольшом количестве. Их случайный характер здесь, видимо, объясняется тем, что они являются регулярной формой в жанрах частушек. Но эта сторона вопроса требует еще тщательного исследования.

В заключение отметим, что песенные формы стиха финно-угорских народов Поволжья и Урала многообразны по своей структуре, но в то же время легко группируются. Характерные особенности групп и подгрупп узнаются в фольклоре каждого из народов названного региона. Многообразие исходит из множественности жанровых образований, что требует дальнейшего изучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Куторов Н.И.* Марийское стихосложение. Йошкар-Ола, 1976.

2. *Малькина М.И.* Мордовское стихосложение. Саранск, 1990.

3. *Айтуганова Л.Д.* Удмуртское стихосложение: Вопросы формирования и развития. Ижевск, 1992.

4. *Путилов Б.Н.* К типологии межэтнических фольклорных связей: Природа, закономерности, механизм // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклоров народа Поволжья и Урала. Казань, 1983.

5. *Герасимов О.М.* К вопросу о структуре народных песен елабужских мари // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1977.

6. *Тополевская Т.В.* Функциональная значимость в организации стиха русских народных метрических песен: Автореферат дисс... канд. наук. М., 1985.

7. *Травина И.К.* Удмуртские народные песни // Удмуртские народные песни. Ижевск, 1964.

8. *Поздеев П.К.* Словарь архаичных слов // Удмуртские народные песни. Ижевск, 1964.

9. *Мелетинский Е.М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

10. *Гиппиус В.Е, Эвальд З.В.* К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Записки УдНИИ. Вып. 10. Ижевск, 1941.

11. Жингырты, удмурт кырзан! / Составитель и автор предисловия П.К.Поздеев. Ижевск, 1987. Изд-е 2-е.

12. Коми народные песни. Вып. первый. Сыктывкар, 1966.

13. *Герд К.П.* Вотяк в своих песнях // Вотяки. Сб. статей. Ижевск, 1926.

14. *Маскаев А.И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964.

15. *Якобсон Р.О.* Аксиомы системы стихосложения (на примере мордовской народной поэзии) // Работы по поэтике. М., 1987.

16. *Кульшетов Д.М.* Музыкально-стилистические особенности песен луговых мари // Основные тенденции развития марийского фольклора и литературы. Йошкар-Ола, 1989.

17. *Слесарева М.Т.* Сравнительная поэтика обрядовых песен восточных финно-угров // Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1986.

18. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний / Сост. Гаврилов Б. Казань, 1980.

19. *Кондратьев М.Г.* О чувашско-удмуртских этномузыкальных параллелях // Этническая культура чувашей. Чебоксары, 1990.

Ludmila Aituganova

SONG VERSES OF THE FINNO-UGRIC NATIONS OF THE VOLGA AND URAL AREAS

The folk-lore of the Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural regions of Russia is rich and diverse. It includes epic and didactic songs, entertaining forms, chastooshki (humorous folk verses sung in a lively manner). Each genre has a unique system of artistic means of expressiveness and its own system of poetic organization (rhyme, metre and rythm).

The song forms of vercification of the Finno-Ugric nations are diverse in structure but at the same time these verses can be easily grouped. The folk-lore of each nation of the regions mentioned above may be divided and subdivided into groups, each having its own peculiarities. The diversity of poetic forms can be explained by the great variety of the genres which expect further research.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Владимир Кудрявцев
Йошкар-Ола

МАРИЙСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ФИНСКОГО ХУДОЖНИКА АГАТОНА РЕЙНХОЛЬМА

Финский художник Агатон Рейнхольм был участником многих научных экспедиций. Свое творчество он посвятил отражению жизни марийского и других финно-угорских народов. Ему принадлежит активная роль в деятельности Финно-угорского научного общества в Гельсингфорсе с момента его создания в 1883 году. Он мало известен не только у нас, но и у себя на родине в Финляндии. Тем не менее значителен его вклад в историю изучения культур финно-угорских народов.

В фондах Финского национального музея в Хельсинки имеется богатый изобразительный материал, выполненный рукой мастера. Эта коллекция содержит в основном рисунки, акварели, эскизы многофигурных композиций из жизни марийцев 80-х годов XIX века (1). Значительная ее часть использовалась «для иллюстраций послеэкспедиционных монографий и статей профессора А.Хейкеля» (2). Результатом кропотливого труда художника А.Рейнхольма и ученого-этнографа А. Хейкеля явился выход в свет солидного тома исследования по народному орнаменту и одежде марийцев (3). В нем представлен обширный материал, состоящий из 180 черно-белых и цветных таблиц и рисунков, 3 полихромных акварелей. Оказывается, что до сих пор жизнь и творчество художника не изучены.

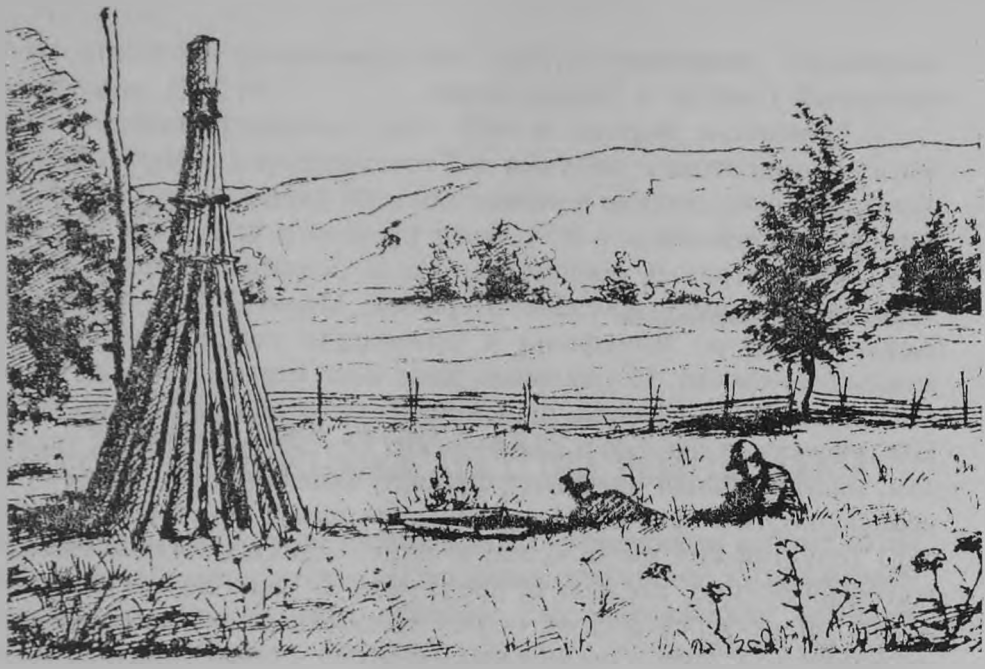
В 1989 году сотрудница Финского национального музея в Хельсинки Ильдико Лехтинен обратила внимание на экспедиционные материалы А.Хейкеля и А.Рейнхольма и выпустила буклет (4). В своей работе она вслед за Хейкелем упоминает имя финского художника и помещает иллюстративный материал его графических произведений. Год спустя Ильдико Лехтинен публикует еще несколько цветных акварелей Рейнхольма, иллюстрирующих текст о финно-угорских коллекциях Финского национального музея (5). Впервые предпринимая попытку систематизировать творческое наследие этого художника, выражаю благодарность госпоже И.Лехтинен, обратившей наше внимание на имеющуюся

коллекцию графических работ малоизвестного финского мастера и оказавшей помощь в нашей работе.

А.Рейнхольм родился в 1857 году, профессиональную художественную подготовку получил в Гельсингфорсе. Формирование его дарований происходило в период подъема национального самосознания финских художников в 80-е годы прошлого века. Как естественную для себя программу восприняли тогда реализм финские художники Альберт Эдельфельт, Хелене Шерфбек, Мария Виик, Аксели Галлен-Каллела и Ээро Ярнефельт и применяли реалистическую технику каждый по-своему. Социальные темы мало отразились в их творчестве. По словам Э.Ярнефельта, финский реализм сохранял долю «поэтической прелести поленниц и калевальских березовых пряжек», таким образом, национальный идентитет финских художников в целом определял особую поэтичность отечественного реализма (6). Умер Рейнхольм в 1887 году, прожив всего 30 лет, и остался малоизвестным мастером как у себя на родине, так и за ее пределами. За свою короткую творческую жизнь он не успел создать особо значимых больших художественных произведений, хотя и приближался к этому в своих поисках. Подтверждением тому являются многочисленные эскизы для тематических композиций о жизни марийцев-язычников. Но его неустанная работа

Село Пертнуры. Б., тушь. 1884

А.Хейкель и А.Рейнхольм в Марийском крае в 1884 году.
Б., тушь. 1884.

в научных экспедициях по изучению народов Поволжья и Приуралья в качестве художника и собранный натурный материал, впоследствии использованный в качестве иллюстраций к научным изданиям и в виде самостоятельных станковых произведений, дают основание определить его немалый вклад в становление финно-угроведения и художественных связей с родственными народами, у истоков которых он стоял.

Марийский край художник А.Рейнхольм посетил с ученым-этнографом Акселем Олай Хейкелем (1851-1924) в 1884-1885 годах. Целью их научной экспедиции было изучение этнографических групп марийского населения, деревянного зодчества (поселений, жилищ, построек), народной одежды и вышивки. Стационарные полевые исследования среди мордвы, чувашей, марийцев, удмуртов Поволжья и Приуралья они начали еще в 1883 году и продолжали вплоть до 1885 года. Иллюстративный и этнографический материал собирался в Козьмодемьянском, Казанском, Яранском, Уржумском, Малмыжском и Бирском уездах Казанской, Вятской и Уфимской губерний. Населенными пунктами работы финских исследователей были села Пертнуры Козьмодемьянского, Кучка Яранского, Старый Торъял Уржумского, Чураево Бирского уездов и деревня Китяк Малмыжского уезда. Находясь в Казани, А.Хейкель и А. Рейнхольм выезжали к марийцам Казанского и

Деревня Малый Сундырь. Б., тушь. 1884.

Царевококшайского уездов, побывав в деревнях Пуланур, Яшково Арбанской волости и в селе Морки.

Экспедиция по Марийскому краю начала свою работу с посещения горномарийских сел Пертнуры и Малый Сундырь. Это запечатлено во многих графических произведениях художника. Одно из них выполнено пером и черной тушью. Этот рисунок автобиографичен: график изображает себя и ученого-этнографа, расположившихся на крестьянской усадьбе среди густой травы возле марийского традиционного жердевого овина-шпша (марла ӓн) как объекта наблюдения. Под рисунком помещена надпись на финском языке: «А.Хейкель и А. Рейнхольм в Марийском крае в 1884 году», а на самом рисунке — инициалы художника «A.R.», которыми подписано большинство его авторских произведений. В этом листе график создал панорамный охват местного пейзажа со стаффажными фигурами людей. Большую помощь в сборе материала в Пертнурах оказывали местные жители А.Афанасьев и учитель И.Моляров.

Живописные холмы на берегу Волги, вид марийских деревень, национальный наряд горных мари и другие впечатления легли в основу других акварелей и рисунков. В маленьком акварельном пейзаже «Пертнуры», скомпанованном в вытянутый по горизонтали формат, изображен восход солнца над деревней, когда в легком утреннем тумане просматриваются прозрачные очертания деревьев и домов. Оранжево-

охристые, зеленовато-желтые и холодные голубые тона способствуют здесь передаче прохлады утра. Разные по техническому исполнению черно-белые графические листы «Село Пертнуры» и «Деревня Малый Сундырь» отмечают созерцание красотой природного ландшафта, утопающих в зелени садов горномарийских деревень и пытливое изучение деревянного зодчества марийцев в тени под кронами деревьев. Под первым рисунком Рейнхольм сделал надпись: «Марийцы любят дерево и лес. Вокруг их домов стоят высокие ели и березы. Марийские деревни выглядят как большие сады». Один из листов, исполненный пером и тушью, — «Женщина, играющая на гуслях» — имеет жанровый характер. Многочисленными аналитическими зарисовками костюмных комплексов горных мари завершается работа экспедиции в Пертнурах.

Далее маршрут экспедиции пролегал на северо-восток: через Мадары — Царевококшайск — Кучка — Старый Торъял; затем в юго-восточном направлении: Параньга — Китяк — Чураево. Акварели А.Рейнхольма, выполненные в 1884 году в левобережной части Марийского края, посвящены женским костюмам луговых мариек. Насыщенной цветовой палитрой изображены царевококшайские и северо-восточные костюмные комплексы, где тщательно прорисован орнамент, скрупулезно точно выявлены этнографические детали и украшения. Наблюдаемая статичность поз и движений фигур во многих листах оправдана целью художника достоверно воспроизвести этнографические подробности. В мерцании серебристой тональности выдержан рисунок пером и тушью «Тошто Торъял» («Старый Торъял»), где изображена сидящая во дворе сельской усадьбы женщина, занимающаяся рукоделием. Архитектурные детали хозяйственных построек, внутренняя среда крестьянской усадьбы со своим уютом, теплом солнечного спокойного дня создают гармоничный образ этого произведения. Монохромная акварель «Боронование на лошадях» посвящена весенне-летним полевым работам марийских крестьян.

В работах 1885 года Рейнхольм больше изображает увиденные в деревне Китяк обрядовые действия, которые произвели на него неизгладимые впечатления. Это прежде всего сцены из жизни марийцев-язычников. Графически выразительны листы «Обработка туши жертвенного животного», «Черемис керемет», «Кочмо жап» («Время обеда»), «Сорта иолым ямдылат» («Приготовление подсвечника») и другие.

Марийское язычество впервые отражается в изобразительном искусстве, и первопроходцем в изображении этой темы стал финский мастер А.Рейнхольм, проложив дорогу для дальнейшего художественного воспроизведения традиционной культуры марийцев. Многофигурные композиции по языческим обрядам находили у него строгую построенность и завершенность, они могли бы стать эскизами больших

Луговая марийка в головном уборе шымакш. Б., акв. 1884.

Луговая марийка в головном уборе сорока. Б., акв., 1884.

тематических полотен. Хоровое многофигурное начало, успешно представленное А.Рейнхольмом в его произведениях на языческие темы, нашло продолжение с дистанцией полвека в творчестве марийского живописца К.Ф.Егорова (1897-1937) — картины «Ага пайрем», «Тризна», «Древний марийский поселок». В настоящее время марийское язычество стало ориентиром в творчестве многих молодых художников.

Стремление А.Рейнхольма понять и прочувствовать миропонимание и систему эстетических взглядов марийского населения передано в строгой реалистической манере. Этому предшествовала терпеливая натурная работа по зарисовке этнографических предметов быта. Понять психологию народа было возможно в результате долгого пребывания в экспедиции по Марийскому краю. Поэтому с большим пониманием и проникновенностью в марийское язычество наделены традиционные обряды и обычаи на фоне тихой лесной природы в произведениях художника. Высоко следует оценить творчество финского мастера, фактически открывшего дорогу художественному изучению корней родственных финно-угорских народов.

Особую ценность в изучении народного орнамента и костюма марийцев представляет иллюстративный материал А.Рейнхольма в виде рисунков, акварелей, таблиц, опубликованный в книге А.Хейкеля (3). В этих графических работах на примере праздничной и будничной женской и мужской одежды, головных уборов разных этнографических групп марийцев детально рассматриваются основные конструкции, формы и элементы художественной декорировки. Научно систематизированный и наглядно представленный здесь этнографический и изобразительный материал приобретает качество своеобразной энциклопедии марийской традиционной культуры.

Графические произведения малоизвестного финского художника 2 половины XIX века А.Рейнхольма из коллекции Финского национального музея в Хельсинки являются ценным источником в изучении материальной и духовной культуры марийского и других финно-угорских народов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Музейного ведомства Финляндии. SUK 21 : 100 — 300; 325 : 109 — 110.

2. *Геннадий Сепеев*. Финские этнографы на марийской земле // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1994. № 2. С. 77.

3. Die Stickmuster der Tscheremissen von Axel O. Heikel. Helsingfors, 1910-1915.

4. Museomiehen päiväkirjasta. A.O.Heikelin lehtikirjoituksia Toimittanut Ildiko Lehtinen. Helsinki, 1989.

5. *Ildiko Lehtinen.* The Finno-Ugric Collections at the National Museum of Finland. Forssa, 1990.

6. *Салме Сарайс-Корте.* Национальный реализм и романтизм. 1880-1900 // Финская живопись. 1750-1900. Москва-Хельсинки. 1979. С. 61.

Vladimir Kudryavtsev

THE MARI SUBJECT-MATTER IN THE PICTORIAL WORKS BY THE FINNISH PAINTER AGATHON REINHOLM

The article offers information about the creative work of Agathon Reinholm (1857-1887), a little-known Finnish artist of the second half of the 19th century, whose works are kept in the National Museum of Finland. In the paper the attention is focused on the materials gathered by the ethnographer O. Heikel and the painter A. Reinholm during their expedition to the Mari krai in 1884-1885. The expedition was aimed at researching various ethnographic groups of the Mari population as well as the Mari wooden architecture (dwelling-houses, settlements), the national costumes and embroidery. The pictorial material made and collected by A. Reinholm during the expedition and used afterwards both to illustrate the scientific editions and as independent graphic works gives every reason to estimate the contribution of the art-researcher into the development of Finno-Ugric studies and cultural ties among kindred nations which he promoted greatly. Due to A. Reinholm the Mari paganism was represented in fine arts. The Finnish master pioneered the way for further artistic reproduction of the traditional culture of the Maris.

The works by A. Reinholm are of great importance for studying the spiritual and material culture of the Maris and other Finno-Ugric peoples.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Андрей Леонтьев
Москва

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ МЕРИ НА БЕРЕГАХ ОЗЕР НЕРО И ПЛЕЩЕЕВО

Согласно принятой точке зрения, меря была автономным населением обширной области, охватывающей западную часть Волго-Окского междуречья и, отчасти, Верхнее Поволжье (8). Напомним, что в летописи земля мери очерчена в более скромных пределах побережья озер Ростовского (Неро) и Клещина (Плещеево) (3, с. 5). Современные археологические данные указывают на серьезные изменения, происшедшие здесь в VII в. (об этом далее), которые заставляют обратиться к единственному упоминанию мери в источнике более раннем, чем «Повесть временных лет». Речь идет об относящемся к середине VI в. сочинении византийского автора Иордана «О происхождении и деяниях гетов» («Getica»).

«После того, как король готов, Геберих, отошел от дел человеческих, через некоторое время наследовал королевство Германарих, благороднейший из Амалов, который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим. Покорил же он племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадаанс, атаул, навего, бубегенов, колдов» (1, с.89). Среди названий племен отчетливо различимы этнонимы «меря» (Merens) и «мордва» (Mordens).

Приведенный Иорданом перечень племен обычно сопоставляется с данными ПВЛ о неславянских племенах Руси. Еще С.М.Соловьев полагал, что помимо мери и мордвы у Иордана перечислены и другие племена, известные русской летописи: чудь, весь, черемись, пермь (22, с.109). С некоторыми уточнениями и комментариями исследователей точка зрения о частичном соответствии этнонимии и географии Иордана и ПВЛ общепринята.

В настоящее время никто не связывает сведения Иордана с эпохой Германариха: передвижения готов в Восточной Европе происходили

значительно западнее бассейна Волги. По мнению Е.Ч.Скржинской, возможным источником для Иордана мог послужить итенерарий-дорожник, описывавший торговый путь от Балтики на Волгу (1, с. 265-266). В разных вариантах эта гипотеза рассматривалась многими исследователями (22; 17; 15; 21), причем реконструируемый маршрут дорожника охватывал тысячекилометровые расстояния от Балтики до Каспия и Северного Причерноморья в III-IV вв. (17), или от Вислы до Колхиды в VI в. (21).

Однако нет решительно никаких исторических и археологических свидетельств существования в середине I тыс. н.э. столь протяженного и стабильного, что позволило создать такой дорожник, торгового пути. Отнюдь не безупречны и доказательства в пользу традиционного прочтения Иордана. Сравнение данных двух исторически и хронологически не связанных друг с другом источников (разрыв во времени — около 500 лет !) заставляет учитывать возможность ошибки даже при кажущемся совпадении названий.

Казалось бы, наиболее отчетливо у Иордана определяется этноним «чудь». Но «Thiudos» соответствует готскому слову «народ» (26, с. 378), что не исключает ошибки Иордана, принявшего его за особый этноним. Комментируя текст, Е.Ч.Скржинская отмечала, что список этнических названий был несомненно чужд автору (1, с. 265).

С другой стороны, в истории чудь известна только благодаря древнерусским источникам. Нет достоверных данных о том, что этот этноним является самоназванием или принятым у соседних народов именем некогда существовавшего племени (5, с. 194-203; 6, с. 86-114; 19, с. 69-72), отчего знакомство Иордана с этнонимом задолго до появления русской летописи кажется нереальным.

Нет ясности и с толкованием других этнонимов списка племен. Следующее слово перечня «Inaunxis», будучи разделено, воспринимается как указание на местопребывание чуди где-то между Ладожским и Онежским озерами (in Aunxis) (8, с. 255; 1, с. 265). Аналогичным образом «Vasinabroncas» может означать «весь» в области Абронкас, а «Imniscaris» — испорченное автором или переписчиком указание на положение земли мордвы (1, с. 265. Прим. Е.Ч.Скржинской). Такие расшифровки основаны лишь на созвучии разноязычных этнонимов, другими источниками не подтверждаются и поэтому сомнительны.

Предлагаемые идентификации других названий подкрепляются, как правило, общеисторическими соображениями, зависят от концепции исследователя, но, так или иначе,восходя к идее того же трансконтинентального торгового пути (7, с. 13; 21, с. 34-35). Однако, как следует из изложенного, эта версия не бесспорна. Тем более, что предполагаемый поиск источника не учитывает одно существенное обстоятельство: для

того, чтобы меря и мордва оказались в списке **северных** племен, источник информации должен был иметь **южное** происхождение. В связи с этим гипотетическая цепочка народов по направлению с Северо-Запада на Юг не объяснима. Нельзя всерьез полагать, что источником Иордану послужил дошедший через не сохранившийся труд Аблавия стихотворный текст о походе на Восток скандинавского конунга IV в. (15, с. 24-32).

В обширной, преимущественно языковедческой литературе, посвященной Иордану, приведенные точки зрения о происхождении и идентификации этнонимов не являются единственными. Их рассмотрение в рамках достаточно локальной проблемы не представляется необходимым: в силу специфики источника выводы авторов сохраняют характер предположений (4, с. 151; 18, с. 38-40). В этом отношении не является исключением и позиция автора данной статьи, обусловленная убеждением, что факт упоминания Иорданом мери и мордвы бесспорен: слишком прозрачны оба названия в латинской транскрипции, данные к тому же в последовательности, отразившей действительную историко-географическую и языковую близость народов.

Каким же образом известия о финских племенах Поволжья могли попасть в Византию, обратившись по воле Иордана в сведения о покоренных Германарихом народах? Находки византийских монет и вещей «готского стиля» на Средней Волге и в бассейне Оки указывают на возможность включения южной окраины финских земель в сферу черноморской торговли (14, рис. 1-3). Сведения о торговых маршрутах в Поволжье могли составить источник, которым воспользовался Иордан. Такая версия означает обращение к той же идее «дорожника», но отражавшего не гипотетический Балтийско-Волжский путь, а реально существовавшие Днепровско-Окский или Донской пути (7). О знакомстве Византии с областью Средней Волги свидетельствует более позднее упоминание земель мордвы (Мордии) Константином Багрянородным (2, с. 298).

Но если подразумевать определенную последовательность в перечне этнонимов, то появление в списке «мери» перед «мордвой» означает обитание мери в середине I тыс. н.э. южнее той области, в которой застала ее летопись, поблизости от земель мордвы, скорее всего, в Окском правобережье. Эта мысль не нова: похожая идея была высказана Ю.В.Готье, отметившего, что «во времена Эрманариха «меря и мордва составляли крайний юго-западный финский выступ», не уточнив, однако, какая именно территория имеется в виду (10, с. 146).

В V-VII вв. в Поочье происходили серьезные изменения. Отголоски Великого переселения народов привели в движение племена лесостепи и лесной полосы. Прослеживается инфильтрация балтов на Среднюю

Оку в область рязано-окских племен (23, с. 93-97), новое финское население появляется в окском левобережье (12, с. 39-56; 25, с. 220; 13). В VII в. в результате появления нового населения оформилась территория муромы в тех пределах, в которых застала ее летопись (11). В сложившихся исторических обстоятельствах было вполне возможным и переселение мери из прежде освоенной области.

В летописном районе озер Неро и Плещеево серьезные исторические изменения произошли более 100 лет спустя после создания «Гетики» — в конце VII в. Увеличившаяся плотность населения, изменившийся уклад хозяйственной деятельности (16, с. 6-32) невозможно объяснить эволюцией местной культуры железного века. Основание крупных поселений на наиболее удобных для земледелия местах, стремление к определенной упорядоченности в размещении этих поселений, что не в традициях населения лесной зоны в эпоху железа, наконец, возникновение единого племенного центра, Сарского городища, на специально выбранном месте вне связи с укрепленными поселениями предшествующего времени, — свидетельствуют о появлении на побережье озер нового населения — мери. О ее родстве с окскими финнами свидетельствуют археологические данные. Могильник Сарского городища VII-X вв., сопоставимый по основным чертам погребальной обрядности с могильниками окских финнов, — единственный на территории к северо-западу от земель муромы и родственных ей племен, оставивших Холуйский, Кочкинский и Хотимльский могильники в правобережье р. Клязьмы (реки Теза и Лух). Какое-то время тому назад выявленная ситуация могла быть объяснена слабой археологической изученностью Волго-Клязьминского междуречья, но после разведок последних десятилетий стало очевидным, что особое положение Сарского могильника отражает историческую реальность своего времени.

Материальная культура мери VII-VIII вв. в улавливаемых археологией элементах тождественна культуре финских племен Поочья. Это наблюдение касается украшений, орудий труда, бытовых предметов, керамики. Отдельные находки предметов окского происхождения известны на других памятниках второй половины I тыс. н.э. Волго-Окского междуречья и Верхнего Поволжья (20), но для культуры позднедьяковских племен они не были определяющими.

Таким образом, археологические источники подтверждают возможность переселения в VII в. мери и какой-то части племени, сохранившей прежний этноним , в Волго-Клязьминское междуречье со стороны Оки. Следует помнить, что речь может идти только о мере летописного района озер Неро и Плещеево, одной из групп населения, освоивших обширную мерянскую, в современном понимании, область.

Передвижение пусть даже немалой по численности группы населе-

ния — явление отнюдь не исторического масштаба и для своей эпохи обычное. Это обстоятельство затрудняет поиск возможной «прародины» мери, так как в сопоставлении с летописным районом речь может идти о территории размером всего 60х60 км или менее того. Кажется, что перспективной для поиска может быть область рязано-окских могильников.

Предлагаемая версия истории мери не может считаться полностью доказанной и требует специальных, в первую очередь, археологических изысканий. Но, как представляется, имеющиеся источники позволяют прийти к изложенным выводам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Вступ. статья, пер. коммент. Е.Ч.Скржинской. М., 1960.

2. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей (Пер. Г.Г.Литаврина) //Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.

3. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т.I. Лаврентьевская летопись. СПб., 1846.

4. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I. (I-VI вв). Коммент. А.Н.Анфертьева. М.. 1991.

5. *Агеева Р.А.* Об этнониме «чудь» («чухна», «чухарь») // Этнонимы. М., 1970.

6. *Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.

7. *Булкин В.А.,Мачинский Д.А.* Русь конца VIII - начала X в. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986.

8. *Браун Ф.К.* Разыскания в области гото-славянских отношений, 1. Готы и их соседи до V в. СПб, 1899.

9. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. // МИА № 94. М., 1961.

10. *Готье Ю.В.* Железный век в Восточной Европе. М., 1930.

11. *Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А.* Мурома VII-XI вв. Йошкар-Ола, 1990.

12. *Ефименко П.П.* К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н.э. по археологическим данным // СА, II. 1937.

13. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник. М., 1980.

14. *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР // САИ, вып. Е4-4. М., 1962.

15. *Лебедев Г.С.* Северо-Восток европейской части России в середине

I тыс. н.э. (Состояние письменных и археологических данных) // Материалы к этнической истории Северо-Востока РСФСР. Сыктывкар, 1985.

16. *Леонтьев А.Е.* Археологические памятники ростовской мери. // Проблемы изучения древнерусской культуры (Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988.

17. *Мачинский Д.А.* О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности. // Археологические изучения Новгородской земли. Л.. 1984.

18. *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX-XI вв. Тексты, переводы, комментарий. // Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1993.

19. *Попов А.И.* Названия народов СССР. Л., 1973.

20. *Розенфельдт И.Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., 1982.

21. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1988.

22. *Седов В.В.* Этногеография Восточной Европы середины I тыс.н.э. по данным археологии и Иордана. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

23. *Седов В.В.* Племена культуры рязано-окских могильников. // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.

24. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. I, т. 1-2. М., 1988.

25. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966.

26. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973.

Andrey Leontyev

ON THE TIME OF THE MERYA MIGRATION TO THE NERO AND PLESHCHEYEVO LAKES AREAS

According to the generally accepted point of view the Merya was the autochthonal population of a vast area covering the western part of the territory between the Volga and Oka rivers and partially the upper Volga basin. According to the annals, however, the Merya occupied a far too smaller area of the Rostovskoye (Nero) and Kleshchino (Pleshcheyevo) lakes basins.

Yet, the new archaeological data can testify to the fact that in the 7th century the Merya tribe or, probably, a small part of it might have migrated from the Oka area to the territory between the Volga and Klyazma rivers. But this fact can be only applied to the Merya mentioned in the annals as the inhabitants of the Nero and Pleshcheyevo lakes areas, that is to the Merya that opened up and populated the vast present-day Merya oblast.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Евгений Рябинин
Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ (ЛЕТОПИСНЫЕ ВОДЬ И ИЖОРА)

В процессе расширения границ Северо-Западной Руси в ее состав были включены прибалтийско-финские племена корела, водь и ижора, области расселения которых образовали особые «земли» в пределах новгородских владений (рис. 1). Некоторым аспектам историко-археологического изучения двух последних из перечисленных древних народов и посвящена настоящая публикация (более подробно об этом см.: 1, с. 114-131).

В течение около двух столетий не ослабевает пристальный интерес к этнической истории в о д и. В определенной степени он объясняется важным положением этого средневекового образования на северо-западной окраине новгородской территории. Его этноним отразился в названии Вотской (Водской) земли Великого Новгорода, а позднее был перенесен на одну из новгородских пятин. Скудные письменные известия о води, впервые упомянутой в 1069 г., позволяют заключить, что в XI в. это население охраняло свою политическую автономию, предпринимая даже враждебные действия по отношению к Новгороду. К середине XII в. предположительно относится его переход в вассальную зависимость от Руси. В уставе князя Ярослава «о мостех» (60-е гг. XIII в.) среди девяти основных территориальных подразделений Новгородской земли впервые названа «Вочьскаа сотня», а под 1338 г. летописью зафиксирован и сам термин «Вотская земля».

Территория Водской земли, реконструированная по средневековым историко-географическим источникам, охватывала плодородную для своего времени Ижорскую возвышенность в западной части Ленинградской области. Низменные и заболоченные участки к северо-западу и западу от плато в Водскую землю не входили: в XV в. они составляли особые в этническом отношении погосты «в Чуди», а ретроспективно, предположительно, и самостоятельную Чудскую землю.

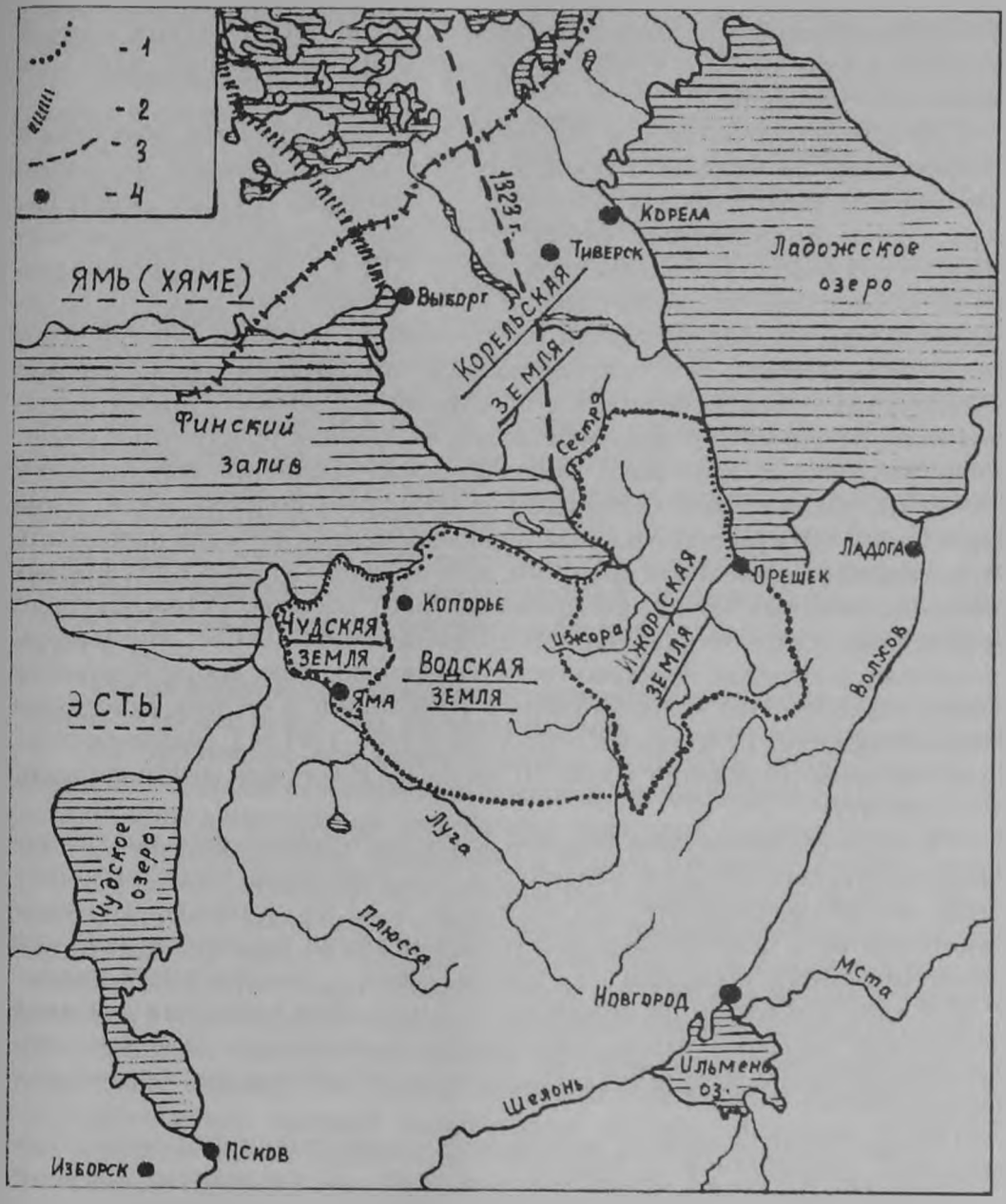

Рис. 1. **Финно-угорские «земли» в составе Северо-Западной Руси.**
1 — границы «земель»;
2 — западная граница племенной области корелы;
3 — шведско-новгородское порубежье по Ореховецкому договору 1323 г.;
4 — средневековые городские центры.

Политико-административным центром Водской земли являлся старый новгородский погост Копорье, превращенный в конце XIII в. в каменную крепость.

Пристальный интерес к истории средневековой води обусловлен сохранением до недавнего прошлого на южном побережье Финского залива и в окрестностях Копорья компактной группы деревень, заселенных прибалтийско-финской водской народностью (самоназвание vatjalaiset). По данным середины XIX в., здесь насчитывалось 5148 человек, причислявших себя к води, в настоящее время их количество не превышает, по самым максимальным оценкам, 100-200 человек. По языковым и этнографическим показателям это население обнаруживает тесную близость с соседними северо-восточными и восточными эстонцами, подразумевающую их древние родственные связи. Этнографическая зона води включает ареал средневековых погостов «в Чуди», располагаясь в основном за пределами Водской земли, ныне входящей в зону русского расселения. Современная финская народность представляет лишь сколок крупного, исчезнувшего в результате сложных ассимиляционных процессов древневодского массива. Ретроспективно в нем намечаются три племенных подразделения: южное, занимавшее восточное побережье Чудского озера; северо-западное, соответствующее обитателям погостов «в Чуди» (первое упоминание о «чудине», проживавшем по соседству от Копорья, относится к 1240-1241 гг.); северо-восточное, центром расселения которого являлась Ижорская возвышенность (2, с. 63-67).

В пределах летописной Водской земли достоверные финские памятники дорусского времени неизвестны. По некоторым косвенным данным можно предполагать, что вплоть до X-XI вв. и южная, и северо-восточная водь практиковала бескурганный обряд трупосожжения, при котором остатки кремации на стороне вместе с погребальным инвентарем либо рассыпали на поверхности земли, либо помещали в мелких грунтовых ямах без каких-либо внешних признаков. Понятно, что памятники такого рода могут быть обнаружены лишь в исключительных случаях.

Фонд археологических источников, привлекающийся исследователями для изучения средневековой води, до последнего времени ограничивался материалами курганно-жальничных могильников, в массовом количестве распространившихся с начала II тыс. н.э. на территории Северо-Восточного Причудья и Водской земли. Грандиозными по размаху являлись раскопки таких памятников, осуществленные в 70-80 гг. прошлого века Л.К.Ивановским (вскрыто свыше 5 500 погребений на Ижореком плато). Эти исследования велись на низком методическом уровне, почти без фиксации погребального обряда, сведения об

основном пласте изученных захоронений ограничены лишь происходящим из них инвентарем, введенным в научный оборот А.А.Спицыным (3). Более полные данные о характере средневековых кладбищ содержатся в отчетах Н.К.Рериха, В.Н.Глазова и некоторых других авторов, в конце XIX — начале XX в. изучавших курганы и жальничные могилы на северо-западе Новгородской земли. Всего в указанный период было раскопано свыше 7 000 погребальных комплексов.

Распространение в районах древневодского обитания качественно нового типа захоронений под курганными насыпями прямо или опосредовано отражало начало земледельческого освоения славянами северных территорий. Осваивая плодородную для этого времени Ижорскую возвышенность и побережье Чудского озера, новопоселенцы неизбежно должны были вступить в тесные контакты с обитавшими здесь финно-язычными группировками. Еще дореволюционные исследователи поставили вопрос о связи части курганно-жальничных погребений с водью, воспринявшей у славян курганный обряд захоронения. Оценки роли этого этнического компонента до сих пор весьма различны — от признания водской основы средневековых обитателей края до почти полного их исключения из состава населения, оставившего могильники XI-XV вв.

Чем же вызвано сохраняющееся разнообразие в диагностике памятников? Прежде всего тем обстоятельством, что сам курганный обряд — при признании его заимствования местными коллективами — представлял собой качественную новацию, наложившую сильный отпечаток на предшествующие ритуальные традиции. Следует учитывать и слабые информативные возможности старых раскопок, дающие лишь суммарное представление об особенностях погребального обряда. Наконец, сложность заключается в изначальной ориентации сельских обитателей Водской земли и сопредельных районов на мощный торгово-ремесленный центр Северо-Западной Руси — Новгород Великий. Из метрополии в новгородские владения массовым потоком поступала продукция городских мастеров (украшения, бытовые вещи, производственный инвентарь, оружие). На основе привозных образцов и заимствования технологических приемов складывалась общерегиональная культура, по ведущим своим признакам связанная с Новгородом. Прежние племенные различия нивелировались, а постепенно и вовсе стирались.

О характере этого процесса можно судить по материалам вскрытого автором широкой площадью могильника у дер.Бегуницы на Ижорском плато (4, с. 28-34). В конце XI — начале XII в. здесь появляются первые курганные насыпи, под которыми погребались умершие с необычной для славян восточной ориентировкой и прибалтийско-финским набором инвентаря. В XII в. рядом с водским коллективом оседают

славянские поселенцы, насыпи которых образуют обособленную группу в составе могильника. В XII-XIII вв. наблюдается постепенная культурная интеграция обитателей двухобщинного поселка, выражающаяся в повсеместном распространении новгородских изделий и резком уменьшении финских элементов. Но местное население при этом не растворилось полностью в древнерусской среде. Оно продолжало сохранять племенные традиции в характере погребальной обрядности (восточная ориентировка умерших и другие специфические детали ритуала). На фоне постепенной нивелировки культурных различий здесь более стойкими и консервативными выступают элементы культового порядка, лишь в слабой степени документированные материалами дореволюционных массовых раскопок.

По-видимому, приведенный пример достаточно типичен для зон чересполосного славяно-финского расселения. Межэтнический синтез, сопровождавшийся завязыванием брачных связей между пришельцами и местными группами, выразился в сложении своеобразной «вотландской» культуры конца XII-XIV в. — новгородской по основным своим признакам, но обладающей, вместе с тем, яркими локальными особенностями. Некоторые категории материала и элементы погребальной обрядности, коррелирующиеся с палеоантропологическими данными, свидетельствуют о возможном сохранении в этот период еще не утративших племенной самобытности групп води (об этом см.: 5, с. 190-229).

Конечный итог встречи славян и финнов на путях массовой земледельческой колонизации в целом сомнений не вызывает: в XV-XVI вв. основная часть рассматриваемой территории была уже занята русским или сильно смешанным водско-русским населением. Славянизация води протекала в условиях развернувшейся при Александре Невском и его преемниках христианизации края, создания здесь сети погостских центров с православными церквями и бескурганными кладбищами (6, с. 20-31). Следы былого присутствия прибалтийских финнов в Водской земле и Северо-Восточном Причудье запечатлены в некоторых гидронимах и названиях населенных пунктов эпохи составления переписных книг конца XV-XVI в. Становится очевидным, что ни один из рассматриваемых районов не мог стать очагом формирования современной водской народности. Где же располагался этот искомый ареал?

Работы предшествующих лет проводились в основном за пределами зоны этнографического расселения води, характеризующейся почти полным отсутствием курганных могильников. В 1980-х гг. автором было предпринято планомерное обследование территории средневекового погоста «в Чуди» в районе Котлов — старого водского прихода Каттила. Здесь у целого ряда деревень, заселенных в прошлом водью, были

обнаружены древние бескурганные кладбища, известные у современных жителей под общим названием «чудские могилы». Вскрытие сплошной площадью нескольких таких памятников принесло качественно новую информацию о ранних этапах этнической истории местной «чуди» — предков води.

Древнейший тип погребальных сооружений представлен поверхностными каменными вымостками с оградками площадью 40-45 м², содержащими остатки кремированных умерших и датирующими материал I-II вв. н.э. (7, с. 93-97; 8, с. 23-29). По своему характеру такие объекты сближаются с каменными могильниками, получившими широкое распространение в финно-угорских областях Прибалтики и на юго-западе Финляндии. Значительна концентрация таких памятников на северо-востоке Эстонии, преимущественно вдоль побережья Финского залива. Самые восточные из них отдалены от водского региона не более чем на 40-45 км.

По единодушному мнению исследователей, каменные могильники с оградками можно с полным правом считать «национальными» памятниками западных прибалтийских финнов, отделяющих их от восточной группы прибалтийско-финских племен. Независимо от причин появления в ареале води погребальных сооружений, сходных с могильниками эстонских племен, их открытие свидетельствует о включении этого региона с начала I тыс. н.э. в западно-финскую культурную область или, по меньшей мере, его освоении отдельными группами западно-финского населения. Возможно, именно в данную эпоху и закладывались основы этноязыкового родства современной води с северо-восточными эстонцами.

Древности второй половины I — начала II тыс. н.э. здесь пока не выявлены. Лишь с переходом «чудских» обитателей края к погребениям несожженных трупов в могильных ямах возникают крупные средневековые кладбища, доступные для широкого изучения.

Исследование свыше 200 трупоположений, наиболее ранние из которых датируются XII-XIII вв., а позднейшие относятся к концу XVIII в., позволило восстановить целостную типохронологическую колонку развития местной культуры, начиная с включения предков води в орбиту древнерусской государственности и до XIX-XX вв. (9, с. 87-104; 10, с. 143-151).

Своеобразие местных традиций наиболее ярко проявилось в женском погребальном уборе XII-XV вв. Для него типично использование парных нагрудных булавок и цепочек с разнообразными привесками, орнаментация верхней части одежды бронзовыми и оловянными колечками, нашивными оловянными бляшками. Специфическую деталь женского костюма составляли передники и спускавшиеся от пояса боко-

вые полотенца (набедренники), которые окаймлялись по краю бронзовыми спиральками и оловянными колечками. Ряд украшений имеет аналогии в древностях Эстонии, однако в местной среде фиксируется как необычайно длительное их сохранение (по крайней мере до XVI в. включительно), так и появление дериватов, заметно отличающихся от ранних прототипов. В «чудской» культуре представлена серия специфических элементов убора, неизвестных на других территориях и явно связанных с древневодскими традициями. Славяно-русское влияние, документированное присутствием на памятниках хозяйственного инвентаря древнерусских типов, почти не отразилось в местном этнографическом комплексе. Таким образом, археология дает достаточно полное представление о проживании в Чудской земле самобытного западно-финского образования, сближающегося в культурном отношении с древними эстонцами, но прошедшего длительный и самостоятельный путь развития.

Особый интерес представляет поздняя группа погребений (XVI-XVII вв.), позволяющая проследить трансформацию племенной культуры в культуру водской народности, этнографически засвидетельствованную с конца XVIII в. Этот переходный период характеризуется постепенной утратой прежнего функционального назначения нагрудных булавок при сохранении их традиционных форм, а затем и полном их исчезновении; появлением в декоре раковин каури и желтого бисера — типичных элементов водского убора XVIII-XIX вв.; широким распространением специфического типа височных колец, бытовавших у води до последнего времени. Качественно новые детали убранства вытесняли архаические элементы племенного костюма, однако преемственность самого комплекса одежды сохранялась.

Существование самобытного «чудского» образования и формирование на его основе общности надплеменного порядка определялось особым положением региона в структуре Русского государства. В отношениях с Новгородом доминирующее место занимали не этнические, а социально-политические и экономические связи. Обилие на территории края богатых железом болотных руд способствовало раннему развитию здесь железоделательного и железообрабатывающего производств, продукция которых находила широкий спрос в русских землях. Сложившийся в эпоху средневековья экономический уклад, сочетавший в себе промышленную и сельскохозяйственную деятельность, в несколько видоизмененном виде сохранялся в водской среде еще в прошлом столетии.

Значительно менее изучена в археологическом отношении ижора, впервые упомянутая в летописи под 1228 г. (об этом см.: 11, с. 31-41). Это племя являлось постоянным и верным союзником Новгорода в обороне порубежных владений. Согласно историческому рассказу о

Невской битве 1240 г., ижора держала стражу в устье Невы, первой оповестив князя Александра о вторжении шведов. В этом повествовании она выступает в качестве федерата Новгорода, сохранявшего племенную автономию, имевшего собственную военную организацию и управлявшегося «старейшиной земли Ижерстей». Во второй половине XIII в. завершилось включение Ижорской земли в состав основной территории Новгородского государства.

Территория раннего расселения ижоры, реконструируемая по историческим данным XIII-XV вв., включала бассейны рек Невы и Ижоры, а также южную часть Карельского перешейка. Военно-административным центром Ижорской земли являлся город-крепость Орехов (Орешек), построенный в 1323 г. новгородцами на острове в истоке Невы.

Проблема происхождения и этнической истории средневековой ижоры имеет непосредственное отношение к формированию современной ижорской народности, заселявшей в XVIII-XIX вв. обширные участки вдоль южного побережья Финского залива от Наровы до Невы и, частично, Карельский перешеек; кроме того, компактная группа сохранялась в тот период в верхнем течении Оредежа. По данным академика П.Кеппена, в середине XIX в. насчитывалось свыше 18 000 ижор (по уточненным сведениям, их численность еще во второй половине того же столетия превышала 20 000 человек). Согласно последней переписи населения 1989 г., к этой народности себя относит 820 человек.

Язык ижоры близкородствен карельскому и обнаруживает значительное сходство с восточными диалектами финского языка. Причины такой близости пока не получили, однако, однозначной оценки.

По мнению Х.А. и А.Х.Моора, летописная ижора формировалась на базе местного населения, освоившего бассейн Невы еще в неолитическую эпоху и принадлежавшего к предкам прибалтийских финнов; при этом не исключается возможное участие в этногенезе этой группировки переселенцев из Карелии, оказавших известное воздействие на древнейший субстрат (2, с. 69-70). Большинство же исследователей склонно связывать происхождение ижоры с относительно поздним продви-жением на юг части древних карельских племен и их последующим обособлением. Согласно лингвистическим разработкам А.Х.Лаанеста, выделение ижоры из недр еще не распавшейся древнекарельской языковой общности произошло в первые века II тыс. н.э. Обособлению ижорской группировки от близкородственного населения западной части Карельского перешейка (не исключено даже, что на начальном этапе существования древнеижорского образования предки современных жителей Юго-Восточной Финляндии — эвримейсет — составляли с ижорой единую этническую группу) способствовали и политические события XIV в. (12; 13).

Археологические находки в пределах собственно Ижорской земли малочисленны и в основном обнаружены при случайных обстоятельствах. Проживание здесь финноязычного населения в XII-XIV вв. документировано единичными грунтовыми захоронениями. Происходящие из них украшения в целом типичны для древнекарельского одежного комплекса, хорошо известного по раскопкам грунтовых могильников Северо-Западного Приладожья, хотя и наблюдается присутствие в некоторых комплексах вещей новгородского облика.

Особый интерес представляет серия финно-угорских изделий, обнаруженная в ходе последних исследований города-крепости Орешек. Здесь в слоях XIV-XV вв. встречены овально-выпуклые фибулы и цеперазделитель корельских типов, а также «чудские» зооморфные подвески. Эти материалы не оставляют сомнения в том, что уже с самого начала существования крепости в истоке Невы здесь наряду с новгородцами проживало и финно-угорское население, культура которого имела древнекарельский характер. Исторические и историко-географические данные указывают на его принадлежность к представителям ижорского племени, несшего с XIII в. стражу на Неве.

Показательно появление в рассматриваемый период древнекарельских украшений и бытовых вещей в курганно-жальничных могильниках Ижорской возвышенности. Основная часть таких предметов происходит из погребальных комплексов, относящихся к самобытной культуре Водской земли. Можно говорить и о творческой переработке чужеродных образцов, приспособлении их к традициям славяно-водского населения. Концентрация таких вещей на востоке плато, на границе с Ижорской землей, прямо указывает на источник их заимствования. При всей фрагментарности археологических свидетельств они позволяют предполагать существование в XII-XIV вв. в Невско-Ижорском бассейне еще не дифференцированной ижорско-карельской культуры, что согласуется с мнением о сравнительно позднем выделении ижорского племени из древнекарельской общности.

С XIV в. на территорию Ижорской земли начинают продвигаться группы русских земледельцев. Последствия этого процесса отражены в материалах писцовых книг 1500 г. К концу XV в. на некоторых участках (можно указать, в частности, на уже существовавшее в это время название южного притока Невы — Словенка, ныне Славянка) сложилась сеть ижорских и русских селений, хозяйство которых носило земледельческо-промысловый характер при значительной роли в нем рыболовства.

Во многом неясным остается вопрос о времени и характере сложения западных групп ижоры, заселяющих южное побережье Финского залива вплоть до Лужско-Нарвского междуречья. Известные памятники

этого обширного участка представлены грунтовыми кладбищами, серийно выявленными в бассейне р.Коваши, на Курголовском и Сойкинском полуостровах и в нижнем течении р. Луги. Начало их изучения связано с именем А.М.Раевской, предпринявшей в 1866 г. раскопки Усть-Рудицкого могильника. В 1970-х гг. автором произведено исследование могильника у д.Извоз в низовьях Луги, с начала 1980-х гг. активное исследование грунтовых кладбищ производится О.И.Коньковой (14, с. 74-77; 15, с. 31-35). Особенностью этих работ является их приуроченность к зонам распространения ныне существующих ижорских диалектов — хэваского (бассейн р.Коваши), сойкинского и нижнелужского.

Погребения, совершенные по обряду трупоположения, занимают склоны холмов или возвышенные берега рек. Поверхностные каменные конструкции над ними, за единичными исключениями, отсутствуют. Инвентарь погребений беден и представлен в основном вещами русских типов. Лишь некоторые ритуальные особенности и элементы металлического убора указывают на их неславянскую принадлежность. Основная часть исследованных комплексов относится к XIV-XVII вв., хотя имеются данные о наличии здесь захоронений XII-XIII вв. По характеру культуры этот пласт древностей существенно отличается от материалов Невско-Ижорского региона. В определенной степени это объясняется поздним временем самих могильников, в рамках которого развернулась активная христианизация ижоры и происходила утрата древних этнографических особенностей. Следует, однако, учитывать еще один возможный фактор, наложивший глубокий отпечаток на культурную дифференциацию ижорских групп — участие в этногенезе западных ижорцев каких-то пока археологически не выявленных автохтонных родоплеменных образований. Косвенным подтверждением последнего предположения служат лингвистические данные о наличии в западных диалектах ряда весьма древних языковых черт, не представленных в восточно-ижорских диалектах.

Поздняя этническая история ижоры прослеживается прежде всего в западной зоне ее обитания. В собственно ижорской земле относительно рано началось обрусение коренных жителей края. Разорительные войны XVI — начала XVII в. и последствия Столбовского мира 1617 г., закрепившего почти на сто лет новообразованную провинцию Ингерманландию за Швецией, сильно сказались на изменении состава населения Невско-Ижорского бассейна. Сопоставление письменных материалов рубежа XVI-XVII вв. с данными XVI в. свидетельствует о запустении многих ранее существовавших деревень и появлении новых, связанных с переселенцами из Финляндии. Однако даже в конце XVII в. на южном побережье Невы в Городенском погосте насчитывалось около 500 дворов, принадлежавших православной ижоре. Еще до того, как

Ингерманландия при Петре I была возвращена России, «об ону сторону Невы реки» проживали «земледелатели Ижоры, нашея христи-анския веры» (16, с. 268-269).

***

В данной статье затронуты лишь некоторые аспекты сложной и многогранной проблемы, связанной с историко-археологическим изучением прибалтийско-финских народностей Ленинградской области. В настоящее время эта тема активно разрабатывается созданной в 1992 г. Санкт-Петербургской ассоциацией финно-угроведов, объединившей в своем составе представителей свыше двадцати научных, научно-педагогических, музейных и иных учреждений и общественных организаций Петербурга и области. Не вызывает сомнения, что лишь комплексный подход к существующим видам источников наряду с их дальнейшим накоплением позволит в последующем восстановить целостную картину протекавших в этом обширном регионе процессов, оказавших непосредственное воздействие на формирование его современного населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993.

2. *Моора Х.А., Моора А.Х.* Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллинн, 1965.

3. *Спицын А.А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К.Ивановского // Материалы по археологии России. № 20. СПб., 1896.

4. *Рябинин Е.А.* Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам Ижорской экспедиции) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. № 166. М., 1981.

5. *Седов В.В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX-XIV вв.) // Советская археология, XVIII. 1953.

6. *Рябинин Е.А.* От язычества к двоеверию (По археологическим материалам Северной Руси) // Православие в Древней Руси. Л., 1989.

7. *Ryabinin E.A.* New Data on the Ancient Vod Culture // Fenno-ugri et slavi 1988: ISKOS 9. Helsinki, 1990.

8. *Рябинин Е.А.* К проблеме этногенеза води // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб., 1994.

9. *Ryabinin E.A.* The Chud of the Vodskaya Pyatina in the Light of New Discoveries // Fennoscandia archaeologica IV. Helsinki, 1987.

10. *Рябинин Е.А.* Чудь Водской пятины // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.

11. *Рябинин Е.А.* Ижора // Финны в Европе. VI-XV вв. Вып. 2. Л., 1990.

12. *Лаанест А.Х.* Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллинн, 1966.

13. *Лаанест А.Х.* Историческая фонетика и морфология ижорского языка // Автореф. дисс... д-ра филолог. наук. Тарту, 1978.

14. *Конькова О.И.* Ижорские могильники // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.

15. *Конькова О.И.* Исследования ижорских средневековых могильников: Итоги и перспективы // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990.

16. *Афанасий,* архиепископ Холмогорский. Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 г. // Журн. Мин-ва внутренних дел. XXXI. СПб., 1838.

Yevgeny Ryabinin

SOME INFERENCES FROM STUDYING THE FINNO-UGRIC TRIBES OF THE NORTH-WESTERN RUSSIA (the Annalistic Vod and Izhora)

As the territory of the North-Western Russia expanded it comprised the Baltic-Finnic tribes, such as the Karelians, Vod and Izhora. The areas of their location became peculiar "lands" within the Novgorod possessions. This article is devoted to the historico-archaeological research of the two of the nations: the Vod and Izhora.

The work only touches upon some aspects of this complicated and many-sided problem. At present this subject is being researched by the Finno-Ugric Association of St. Petersburg founded in 1992 and including the representatives of more than twenty scientific and research pedagogical institutions, museums and public organizations of St. Petersburg and the Leningrad region.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Лидия Васикова
Йошкар-Ола

МАРИЙСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В последнее время в марийском языкознании несколько оживилась работа по составлению словарей. Вышли из печати три тома «Словаря марийского языка», два тома «Этимологического словаря» Ф.И.Гордеева, синонимический словарь И.Г.Иванова и Е.Н.Мустаева, синонимический словарь Е.Н.Мустаева, «Словарь северо-западного наречия марийского языка» И.Г.Иванова и Г.М.Тужарова, «Словарь горного наречия марийского языка» А.А.Саватковой, фразеологический словарь Ф.Т.Грачевой, словарь поговорок и пословиц А.Е.Китикова, словари биологических терминов Х.Ф.Балдаева, словарь названий растений, зверей и птиц А.А.Ермакова, словари татарских и башкирских заимствований Н.И.Исанбаева, марийско-финский словарь Арто Мойсио, переиздание «Марийско-русского словаря» 1956 года и другие (см. «Источники и литература»).

Основным недостатком современных исследований в целом является то, что два марийских литературных языка именуются общим названием «марийский язык», под которым многие, в том числе составители словарей, разумеют лугомарийский литературный язык. В самом названии нет ничего предосудительного (оба литературных языка марийские), если бы не последствия. А они таковы: научно исследуется только лугомарийский язык. Горномарийский же литературный язык, за исключением 20-х — 30-х годов, можно сказать, не изучался вовсе, если не считать попутных упоминаний частного характера как о наречии марийского языка.

Язык — слово многозначное, обозначающее сложные явления. Любые споры о том, что такое язык (в Толковом словаре русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой даны три омонима: язык[1] — 1. мышечный орган в полости рта..; язык[2] — ... 2. система звуковых, словарных, грамматических средств..; язык[3] — народ, нация) в решении

вопроса о количестве марийских языков уведут нас в сторону. В данной дискуссии следует выделить то, что под языком народа (нации, этноса) прежде всего понимается *литературный* язык.

История распорядилась так, что у народа мари два литературных языка: лугомарийский литературный язык, которым пользуется бо́льшая часть марийского народа (в том числе и восточные марийцы), и горномарийский литературный язык, на котором говорят мари, живущие в Горномарийском, Килемарском, Юринском районах, Нижегородской области и на юго-востоке Кировской области. Точного количества говорящих на горномарийском и лугомарийском языках никто не может назвать, поскольку при переписях населения в графе «язык» писалось «марийский» без разграничения на лугомарийский и горномарийский литературные языки.

Два марийских литературных языка равноправно функционируют по регионам распространения: языком обучения и воспитания в детских садах, начальных и средних школах являются горномарийский и лугомарийский языки. Газеты и журналы выходят на двух марийских литературных языках. В последнее время работает театр на горномарийском языке (в г.Козьмодемьянске). Поэты и писатели пишут на двух марийских литературных языках. Более того, произведения горномарийских писателей переводятся на лугомарийский язык (в 10-11 номерах за 1994 год журнала «Ончыко» роман горномарийского писателя В.Петухова «Ӓкрӓм» переведен на лугомарийский язык) и, наоборот, произведения лугомарийских писателей — на горномарийский язык (в номере 4 за 1994 год журнала «У сем» повесть Ю.Артамонова «Чодыра юзо» переведена с лугомарийского на горномарийский язык). Два литературных языка основываются на двух орфографических нормах — орфографических словарях.

Ущемлению научного изучения горномарийского языка способствовали необоснованное стремление к созданию единого литературного языка без учета диалектных особенностей двух наречий (лугового и горного), пронизывающих все уровни, и практика составления словарей, придерживающаяся этой установки. После «Русско-марийского словаря» для учащихся горномарийских школ К.И.Беляева и П.П.Ромашкина (Козьмодемьянск, 1944) вся горномарийская лексикография за полвека представлена тремя названиями: орфографические словари для средней школы 1956 и 1978 гг. А.А.Саватковой, русско-марийский словарь для учащихся средних школ 1979 г. К.Г.Юадарова и «Словарь горного наречия марийского языка» 1981 г. А.А.Саватковой. В других же словарях, если и приводились отдельные горномарийские слова, то с пометой Г. (горное). Таковыми являются «Марийско-русский словарь»

1956 г. (переизданный в 1991 году); «Русско-марийский словарь» 1966 г.; ныне издаваемый многотомный «Словарь марийского языка» (вышло три тома) и другие.

В «Русско-марийском словаре» 1991 г. (переиздание словаря 1956 г.) к недостаткам словаря 1956 г. прибавились новые. В предисловии (о пользовании словарем) сказано: «В словарь включается вся лексика марийского литературного (письменного) языка, в основе которого лежит луговой диалект. Слова горного и восточного диалектов снабжены пометой Г и В» (19, с. 6). Вся лексика включена в 20 тысяч слов? Авторы подразумевают какой-то «общемарийский язык», о котором можно было бы говорить по истории языка.

В «Русско-марийском словаре» 1991 г. даются единичные слова из горномарийского литературного языка с пометой Г. Но как они даются? Каковы принципы составления словника? Напр., даны два омонима *аяр*: один — из лугомарийского языка со значением «злой, опасный; ретивый, усердный; яд, ядовитый»; другой — из горномарийского *аяр* Г. со значениями «ясный, ясно (о погоде)», ср. *ояр*. В горномарийском языке нет слова *аяр*, но есть *а́яр*, которое по семантике можно соотнести с лугомарийским *ояр*. Если уж включать в словарь горномарийское *а́яр* «солнечный свет» и лугомарийское *аяр* «яд, ядовитый, ретивый» как омографы для разумеющих «общемарийский язык» (конечно, омографами не могут быть слова из разных литературных норм), то должно быть указано по крайней мере правильное ударение. Кстати, в словаре 1956 г. в горномарийском слове *а́яр* ударение было поставлено правильно. Ошибки или небрежность ученых-лингвистов могут спровоцировать нежелательный (если не сказать, трагикомический) социальный эффект: название банка «А*я*р» (когда должно быть «А́яр»).

Другой пример. Из горномарийского литературного языка даны два многозначных омонима *яраш: яраш* Г. I 1) замешивать ... 2) мешать ... с чем-л.; ср. *вараш* II. *Яраш* Г II 1) годиться, подходить ... 2) угождать ... ср. *йӧраш* (19, с. 461). А лексической единицы *ярал ли́ӓш* «быть годным, подходящим», по значению сопоставимой с лугомарийским *йӧра́ш*, нет в словаре. В то же время включено: *не́гыц* Г. см. *негыз*. Если в основу словаря кладется принцип узнаваемости-неузнаваемости горномарийских слов по фонетическому облику, то слово *ярал* (или *ярал ли́ӓш*) не могло быть не включенным.

Встречаются теоретические недоразумения, вроде «Сложное предложение марийского языка по своей конструкции мало чем отличается от сложного предложения в русском языке» (19, с. 507), что так же без критической оценки предыдущего издания перенесено в Словарь 1991 г. (Много ли схожего с русским в структуре марийского сложного пред-

ложения, кроме заимствованных союзов?). В Словаре 1991 г., как и в Словаре 1956 г., не определен круг подачи деривационных форм.

Кроме основополагающих недостатков, одним из которых является путаница в подаче лексических единиц из словарного фонда горномарийского литературного языка, допускаются ошибки небрежности. У некоторых глаголов в издании 1956 г. не было указано спряжение (шергешташ, шергышташ, шуаралташ и др.), оно так и осталось; из трех омонимов *шуаш* в словаре 1956 года только у третьего омонима было указано спряжение, это перенесено и в переиздание 1991 г.

Русско-марийский словарь 1966 г. основан на том же принципе смешения двух марийских литературных языков. Называется он «Русско-марийский словарь», а горномарийских слов там буквально единицы. Точнее, это русско-лугомарийский словарь с некоторыми вроде «случайно представленными» горномарийскими словами. И мой раздел грешит тем же.

С 1991 года в Марийском книжном издательстве находится рукопись, недоделанная, по переизданию русско-марийского словаря 1966 г. Тогда, в 1991 году, все авторы согласились с предложением при переиздании назвать словарь «русско-лугомарийским», поскольку примитивная «добавочная» подача горномарийских слов снижает лексикографические качества словаря.

Издающийся в настоящее время многотомный «Словарь марийского языка» является двуязычным словарем толкового типа. В предисловии к I тому сказано: «Словарь отражает лексику обеих литературных норм современного марийского языка. Однако горномарийская лексика включена лишь в том случае, когда она имеет фонетические, семантические и, особенно, лексические расхождения (луг. *сай*, гор. *яжо* 'хороший'). Из северо-западного наречия, говоров восточного и лугового наречий в словарь включены только те слова, которые не встречаются в других диалектах ...» (1, с. 8). Прежде всего напрашиваются два замечания. Первое, что это за принцип подачи лексических единиц? Из обеих литературных норм, т.е. обоих литературных (лугомарийского и горномарийского) языков, наречий, говоров. Не многовато ли? Второе, не совсем ясно, что же понимают под фонетическими, семантическими и лексическими расхождениями составители словаря.

В словаре даются три группы словарных статей: без всякой пометы (слова из лугомарийского литературного языка), с пометой *Г.* (из горномарийского литературного языка) и с пометой *диал.* (без пояснения, из какого диалекта). Если горномарийские слова имеют знак *Г.*, то у луговых должно быть *Л.*, а у восточных — графема *В.* Диалектные слова — это особая группа лексики.

Недостатки «Словаря марийского языка» (тома I-III) принципи-

ального характера: крайне обеднена подача лексических единиц из горномарийского литературного языка; написание не отражает фонетической структуры слова (буквенное обозначение фонем а, ы дано только в первом слоге, не всегда ставится ударение); нередко дается неверная трактовка значений лексических единиц и искусственный их подгон к словарной статье лугомарийского слова. Когда есть что-то близкое в звучании, горномарийские слова даются в словарной статье лугомарийского слова, рядом, напр.: *вела́ш* I, Г. *вилаш*-ам 1. разливаться, проливаться ...; *ленӹ́ж*, Г. *ла́нгыш* кадка-дублянка; *кутыра́ш* Г. *хытӹ́раш*-ем 1. говорить, беседовать ...; (значения *кутыра́ш* более соотносимы с горномарийским словом *попаш*); *лопка́*, Г. *лапта́ка* 1. широкий, большой в поперечнике ... (здесь горномарийское *лапта́ка* вообще не соотносится с лугомарийским *лопка́*, за исключением переносного значения «широкий, приплюснутый нос») (1, с. 206-207). К сожалению, таких погрешностей слишком много. Как искать и находить в словаре горномарийские слова не владеющему обоими марийскими языками при такой форме подачи лексического материала? Короче, не могут быть представлены в одной и той же словарной статье лексические единицы двух, хотя и близкородственных, литературных языков, лугомарийского и горномарийского.

О полном смешении и неразличении двух марийских литературных языков говорит включение в названный словарь раздела на букву «Ӓ». В лугомарийском литературном языке нет фонемы [ӓ], и в его алфавите нет буквы, обозначающей эту фонему (в алфавите лугомарийского литературного языка — 35 букв, горномарийского литературного языка — 37). Значит, в одном из последующих томов настоящего словаря надо будет включать словарные статьи, начинающиеся с буквы «Ы», которой тоже нет в алфавите лугомарийского литературного языка.

Включение разделов со словами, начинающимися с буквы Ӓ и Ы, придает словарю характер диалектного.

К орфографическому словарю лугомарийского языка «Марий орфографий мутер» (1992 г.) учителя, ученые, пишущие предъявляют много претензий. Основные из них — по вопросам правописания заимствованных слов и разграничения сложных слов и словосочетаний. На ноябрьском (1994 г.) заседании терминологической комиссии он признан не отвечающим требованиям орфографических словарей.

Орфографический словарь горномарийского литературного языка (с принципиальными изменениями по сравнению со словарем 1978 г.) вышел из печати совсем недавно. Надо думать, и он не без недостатков, хотя начиная с 1989 года он рассматривался и обсуждался на специальных конференциях и в печати очень широко.

С 1953 года составление словарей подгонялось к основной установке языковой конференции 1953 года — распространение лугомарийского языка как единой литературной нормы для всех, в том числе горных мари. Было решено: начиная с 5-го класса в горномарийских школах вести преподавание на лугомарийском языке. С этой целью были изданы орфографические словари горномарийского языка в 1956 и 1978 гг., в которых нарушались основные произносительные нормы горномарийского литературного языка. Социальный эффект, результат получился обратный ожидаемому: носители горномарийского языка не только не перешли на лугомарийский литературный язык, а началась стремительная ассимиляция горномарийского языка (повальный переход на русскую речь), особенно в школах и детских садах, где почти не стало горномарийской речи.

Процессы в сложных системах происходят объективно. Язык — сложнейшая система, развивающаяся по своим внутренним законам. Могут ли ученые научно руководить объективными языковыми процессами? Да, в какой-то степени: с учетом социально-исторических факторов, при формировании национально-государственной среды и целенаправленной государственной поддержке.

Что касается перспектив развития марийской лексикографии, следует сказать, что при составлении двуязычных и толковых (пока они у нас все двуязычные) словарей, прежде всего нужно отказаться от порочной практики смешения двух марийских литературных языков, т.е. совмещения лексических единиц из двух марийских литературных языков в одной словарной статье. Если уж представлять оба марийских литературных языка в одном словаре, то это должен быть словарь двуязычного (переводного) или сравнительно-сопоставительного типа. А то, как это делается сейчас в вышеупомянутых словарях (кроме орфографических), иначе не назовешь, как словарями пиджин-мари.

В составлении словарей можно перенять положительный опыт мордовских лексикографов (какой «Эрзянско-русский словарь» издан в 1993 году!). Кроме диалектных, все типы словарей создаются на основе литературного языка. Они пишутся с соблюдением норм орфографии (их у нас две: для лугомарийского литературного языка и горномарийского литературного языка). Не включаются же в орфографический словарь лугомарийского языка слова из орфографического словаря горномарийского языка. Так почему же в практике составления других типов словарей не соблюдаются принципы научной лексикографии?

Направление работы над составлением словарей прежде всего должно начинаться с обозначения их точных наименований: словарь (или толковый словарь) лугомарийского (литературного) языка; словарь (или толковый словарь) горномарийского (литературного) языка; русско-лугомарийский словарь; лугомарийско-русский словарь; русско-

горномарийский словарь; горномарийско-русский словарь; фразеологический словарь лугомарийского языка; словарь синонимов горномарийского языка и т.д. Кстати, в 30-е годы в этом отношении некоторые авторы работали грамотнее нас (см. С.Г.Энин. Горномарийско-русский словарь. Козьмодемьянск, 1935).

В марийской лексикографии огромное поле деятельности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь марийского языка. Т. I. А — З. Йошкар-Ола, 1990.
2. Словарь марийского языка. Т. II. И — К (кабак-коса). Йошкар-Ола, 1992.
3. Словарь марийского языка. Т. III. (косараш-ляпкыме). Йошкар-Ола, 1994.
4. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. I. А — Б. Йошкар-Ола, 1979.
5. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т.2. В— Д. Йошкар-Ола, 1983.
6. *Иванов И.Г., Мустаев Е.Н.* Марий синоним мутер. Йошкар-Ола, 1975.
7. *Мустаев Е.Н.* Марий синоним мутер. Йошкар-Ола, 1986.
8. *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971.
9. *Грачева Ф.Т.* Марий фразеологий мутер. Йошкар-Ола, 1989.
10. *Китиков А.Е.* Марий калыкмут мутер (Словарь марийских пословиц и поговорок). Йошкар-Ола, 1991.
11. *Балдаев Х.Ф.* Марийско-русский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола, 1992.
12. *Балдаев Х.Ф.* Русско-марийский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола, 1983.
13. *Ермаков А.А.* Кушкыл, яшык, кайык ... (Растения, звери, птицы ...). Йошкар-Ола, 1991.
14. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Часть первая. Йошкар-Ола, 1989.
15. *Исанбаев Н.И.* Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола, 1994.
16. *Мойсио Арто.* Марла-финнла мутер. Йошкар-Ола, 1994.
17. Марий орфографий мутер // Научный ред. И.Г.Иванов. Йошкар-Ола, 1992.
18. *Васикова Л.П.* Кырык марла орфографи лымдер. Йошкар-Ола, 1994.
19. *Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В.* Марла-рушла мутер (Марийско-русский словарь). Йошкар-Ола, 1991.

20. Марийско-русский словарь // Отв. ред. Б.А.Серебренников. М., 1956.

21. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М.: «Азъ», 1994.

22. *Беляев К.И., Ромашкин П.П.* Русско-марийский словарь. Козьмодемьянск, 1944.

23. *Саваткова А.А.* Мары орфографический словарь (кырык марла). Йошкар-Ола, 1956.

24. *Саваткова А.А.* Мары орфографический словарь. Йошкар-Ола, 1978.

25. *Юадаров К.Г.* Русско-марийский словарь для учащихся горномарийских школ. Йошкар-Ола, 1979.

26. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.

27. Русско-марийский словарь. М., 1966.

28. *Эпин С.Г.* Горномарийско-русский словарь. Кырык марла да рушла сирым шамак книга. Козьмодемьянск, 1935.

Lydia Vasikova

MARI LEXICOGRAPHY: PRESENT-DAY STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

There is a grave shortcoming in the scientific researches by modern Mari linguists. It lies in the fact that two Mari dialects (the Meadow dialect and the Hill dialect) which are bases for distinct literary languages have been merged into one language, called Mari, the latter being often implied as the Meadow Mari language. During the last fifty years the Hill Mari language has not been a subject of scientific research and it is still taken for as only a dialect of the Mari language.

Ignoring a scientific approach to studying the Hill Mari language resulted in a fallacious way of compiling dictionaries. So, isolated words of the Hill Mari language were adjusted to those of the Meadow Mari language and inserted into the same entries with the headwords. Thus, the two Mari literary languages were fused together. The above-mentioned way of compiling bilingual and defining (bilingual as well) dictionaries misrepresents the picture of how the two Mari literary languages function, besides it produces a Pidgin-Mari effect.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Геннадий Тужаров
Йошкар-Ола

К ПРОБЛЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Чем более развита в языке система различных средств и способов, грамматических форм, тем полнее его возможности выражения тончайших нюансов, оттенков и специфических особенностей различных явлений, процессов, предметов, их признаков и качеств. Слова и словоформы не только обозначают предметы и явления действительности, но и выражают отношение говорящего к предметам и явлениям. Оценочный момент создает у слова ту или иную эмоционально-экспрессивную окраску. Использование приемов, способов и средств языка обусловливается той сферой и ситуацией, в которой развертывается языковое общение. Цели, которые ставит перед собой говорящий или пишущий, заставляют его отбирать из общенародного языка такие средства и способы, которые были бы наиболее действенными, выразительными и пригодными для решения поставленной задачи. К таким средствам и способам в марийском языке относятся и формы компаратива, или формы степени сравнения, имени существительного. Формы степени сравнения имени существительного дают возможность выразить самые тонкие оттенки мысли, разнообразить речь.

Однако правомерно ли утверждать о категории степени сравнения у имени существительного? Как доказать статус-кво степени сравнения имени существительного?

В семантической структуре одного и того же имени или словоформ может быть определенным образом объединено несколько различных значений,смысловых оттенков. В языке, в потоке речи в процессе коммуникации происходят смысловые передвижения отдельных слов и словоформ, изменения в объеме и содержании соотнесенных со словами представлений — расширение и обогащение значения или сужение объема содержания: например: *лук* 'угол', *лукышкырак* 'подальше в угол', *эн лукышко* 'в самый угол, в самый дальний угол'. В соответствии с данными изменениями в марийском языке имена существительные и

субстантивированные слова образуют особые парадигматические ряды, основанные на неравномерном распределении дифференциальных признаков, смысловых оттенков. Парадигматические противопоставления могут быть обусловлены неодинаковым распределением каких-то определенных признаков (типа «больше-меньше») или соотношением «наличие-отсутствие» подобных признаков предметов и явлений. Так формируется категория степени сравнения имени существительного и субстантивированных слов. Она образуется рядами противопоставленных друг другу форм с разными значениями. Формы степени сравнения делают язык более живым, действенным и выразительным. Классики марийской литературы и современные писатели в своих произведениях умело и уместно используют имена существительные в форме степени сравнения: *Эн кӱчемдышыже тый улат* (1, с. 48) 'Самый задира — это ты'; *Элнет пӱнчер —моторет, Чодыражын эн рӱдет* (2, с.112) 'Красивый сосновый бор на берегу реки Элнет, это как раз середина леса (букв.: самая середина леса)'; *Шкенжым эн интеллигентлан веле огыл, кӱшыл общество гыч улшылан шотлышо ӱдыр мыйын эн неле жапем годым, тудын ончылно титакем уке ыле гынат, мыйым оскорбитлен кодыш* (1, с. 387). 'Девушка, считающая себя не только самым интеллигентным человеком, но и представительницей высшего общества, в самое трудное мое -время оскорбила меня, хотя и перед ней не было вины моей'; ... *ме пужен ыштымашын эн тӱналтышыштыже гына улына* ... (3, 17. 07. 1986) '... мы находимся только в самом начале перестройки...'; *Изижын пикшыже волен мемнан изи коремланрак мотор мландышке* (1, с. 41) 'Стрела младшего опустилась на красивую землю ближе к нашему оврагу'.

Имена существительные и субстантивированные слова употребляются в сравнительной и превосходной степени. Форма сравнительной степени образуется, как и у имен прилагательных и наречий, при помощи суффикса *-рак*. Это синтетическая (простая) форма: ... *госпитальым тылышкырак кусареныт* (4, с. 308) '... госпиталь перевели ближе к тылу'. Возможна аналитическая (сложная) форма сравнительной степени.

Значение превосходной степени выражается лишь аналитически (описательно) сочетанием словоформ *эн* 'самый, очень'; *самой* 'самый, очень', *сек* 'самый, очень' и имен существительных: *Эн шучкылыкшо теве кушеч тӱналеш* (3, 18.05. 1986) 'Самая большая опасность вот откуда начинается'. ... *кымшывлӓжы — самой кулаквлӓ* (5, с. 323) 'третья группа — самые (богатые) кулаки...'. *Сек начыштыжок — тьотявлӓ, папавлӓ, ӓзан ыдрамашвлӓ* (5, с. 49) 'В самом хвосте (конце) — дедушки, бабушки, женщины с детьми'.

Форма превосходной степени образуется также сочетанием послелога с именем существительным по следующим моделям: сущ. И.п. +

послелог *деч* + сущ. в других п. в лугово-восточном литературном языке, сущ. И.п. + послелог *гыц* + сущ. в других п. в горном литературном языке: ... *тиде йӧратымашна тендам ... онар дечат онарым ышта* (6, V, 1985) '... наша любовь сделает вас ... самыми (сильными) богатырями'.

Степени сравнения имеют не все имена существительные. Показателями степени сравнения оформляются имена существительные, субстантивированные имена прилагательные и причастия, категориально недифференцированные слова, послеложные конструкции и послелоги, указывающие на: а) пространство, место, б) время, в) качественно-определительные отношения, г) морально-нравственные, морально-этические отношения, д) абстрактные и переносные значения, е) некоторые из них могут обозначать также должность, возраст и т.д. Приведем предложения: «*Тудо Западный Двина энерым арала*», — *шинчышырак-влак умылтарат* (47, с. 59) «Он защищает реку Западную Двину», — объясняют более осведомленные». *Тачат ме поро улына эн поро-шамыч дене* (6, III, 1985) «И сегодня у нас дружественные отношения с самыми добрыми». *Эн тӱплатыш годым нуно окса пайым, кажне член деч налын, иктыш чумырат* (9, с. 101) «В самом начале они, с каждого члена собрав денежный пай, объединяют финансы». *Сандене эн тӱҥ годымак айдеме вес айдеме дене ныр̆ля илаш тӱпланеш* (1, с. 29) «Поэтому человек уже в самый начальный период стал жить, объединившись с другими людьми». *Ти ... марым кычымыжы доно молы ... сек вуйлатышывлӓжымок тиды кычаш шанен шӹнден* (5, с. 143) «С разоблачением ... этого мужика он решил арестовать ... и других самых больших руководителей». *Тыланда ме, тунемшырак, палышырак-влак, керек могай йодмашланат раш каласен пуэна* (9, с. 38) «Мы более обученные, более знающие, ясно ответим на любой ваш вопрос». ... *йочаракше але шонгыжо толеш ыле* (10, с. 79) «более младшие или старики приходили». ... *а южышт, йӹдвелышытырак илышышт, ... ӹденыт* (11, с. 48) «... а некоторые, проживающие ближе к северу, сеяли». ... *варажым, ола кӧргышкырак пурымо семын* ... (11, с. 97) « ... потом, когда стали приближаться к центру города ...». ...*кок шоҥгырак мутланат* (8, с. 455) «двое постарше беседуют». *Чарла вокгенракше лышташан пушеҥгат уло, умбакыже эртак пӹнчер кая* (1, с. 348) «Ближе к Царевококшайску растут и лиственные деревья, а дальше повсюду встречается сосновый бор». *Мый эн тӱрышто, окна вокген, кием* (8, с. 171) «Я лежу на самом краю, возле окна». *Тӹвеш оголыштырак ик эдем шынза* (5, с. 30) «Вот поближе к углу один человек сидит». *Олицӓ тиды хала кӓташтырак лиаш кедеш, векат* (12, с. 56) «Эта улица должна быть ближе к окраине города, должно быть». *Сек лапыштыжок ... имнивлӓм выжалат* (5, с. 31) «На самом низком месте ... продают

лошадей». *Эдемвлăжы гынь, самой сек ... цаткыдывлăжок, вырсыкы кен колтеныт* (5, с. 382) «Люди, самые крепкие, ушли на фронт».

Как видно из приведенных языковых фактов, имена существительные и субстантивированные слова, оформленные показателем *-рак*, обозначают, что той семантикой, которую имеет корневое слово или основа слова, они обладают в большей степени, чем словоформы без форманта *-рак*; если же они имеют показатель *эн* и т.д., то семантика и значение основы слова характерны в наивысшей степени. Имена и другие словоформы с показателем *-рак* могут выражать и неполноту того значения, что названо корневым словом, определенную, известную близость к тому значению: *Пел аркашкырак мунчалтен волыш* ... (1, с. 157) «Он скатился на лыжах примерно до половины холма...» *Ик жапыштырак шочыныт* (13, с. 21) «Примерно в одно время родились». *Смольыжы пел ведраат уке, лач пындашешрак веле... кодын* (5, с. 11) «Смолы-то и половины ведра нет, осталась, примерно, только на дне». Имена существительные с показателями *эн, самый, сек* обозначают самую высокую степень умения, мастерства, навыков человека в каком-либо деле или в определенной деятельности: *Темит — мемнан ялыште эн йомакзе*... (8, с. 253) «Темит — в нашей деревне самый (главный) сказочник». *Йолташ коклаште эн ... мыскараче ... Анукак веле лийын* (8, с. 80) «Среди подруг самым большим юмористом была только Анук».

Учет эмоциональных моментов в слове весьма важен. Форма степени сравнения придает именам существительным эмоционально-экспрессивную, стилистическую значимость, и употребляется она в определенных функциональных стилях речи, стилях художественной литературы. Это особенно отчетливо видно при метафорических, метонимических переносах наименований. Метафорическое употребление слова, как и метонимическое, передвигает его значение из сферы конкретного в сферу абстрактного. А абстрактные имена могут иметь, как уже было сказано, формы степени сравнения: *Эн маска эн лукышкет шуым — тендан деке* (14, с. 69) «Я пришел в (самый) медвежий край — к вам». *Каче-влак коклаште эн вуй*... (9, с. 276) «Среди женихов — самый (главный) предводитель...». *Эн шонгылык рвезештын угычын тышан*... (15, с. 92) «Самые старшие снова помолодели здесь...» *Чӱкталте шӱмыштӧ у йолкын чонемын эн кепеж рӱдеш* (15, с. 126) «Новое пламя в сердце зажглось в середине самого лета моей души». *Тоймаксолаште илымыж годым эн сайлыкеш, эн йыгыралыкеш чиен* (16, с. 120) «При жизни в Тоймаксоле надевала как самое красивое, самое опрятное (в самые праздничные дни)».

Имена существительные и субстантивированные слова в форме степени сравнения функционируют в разных падежах: *Эн тӱп-вожшо*

садыгак экономика шот гыч лектеш (8, с. 498) «Главная основа все равно связана с экономикой». *Тольо мо эн инан?* (17, с. 45) «Пришла ли самая главная вера?» *Кажне айдеме шкенжын йӧсӧ жапшым... эн орлыклан шотла* (8, с. 215) «Каждый человек свое трудное время считает ... самой большой мукой» ... *мый шкемын эн тушманемым колтынем...* (8, с. 57) «... я хочу направить самого главного своего врага». *Йӱшаш вӱдан бак корпусын эн мучаштыже шога* (1, с. 42) «бак с питьевой водой стоит в самом конце 'корпуса». *Пульывла тыкнен керддымы лапышкырак ялдашыжым шыпшын валтышат, Васли тыдын шушыржым анжаш тынгальы* (5, с. 348) «Васли увел своего товарища подальше в низину, чтобы пули не могли достать, и начал осматривать его рану». *Михала вуйжым сылыкын камыкрак сакенат, йал гыц пачыштырак ашкедеш* (5, с. 331) «Михала, грустный, повесив голову, шагает в хвосте, отстав от людей». *Ӱдырамаш-влак уна-шамычым верандылаш пижыч, чыланат тӧрыш шинчыч, лач Эврем кугызай гына, ватыж воктеч коранын, эн туреш пызныш* (6, V, 1985) «Женщины начали размещать гостей, все сели за столы, только дед Эврем, отстранившись от жены, пристроился на самом краю». ... *шыле содор гына эн пундашеш* (14, с. 63) «...мгновенно спрятался на самом дне».

Основным и главным условием функционирования имени существительного и субстантивированного слова в форме степени сравнения является тот или иной контекст при коммуникации. Имя существительное с показателем степени сравнения в предложении может употребляться, как видно из примеров, в любом падеже, в том числе и в номинативе.

Имена существительные и субстантивированные слова в предложении могут выполнять синтаксическую функцию любого члена предложения: подлежащего, именной части сказуемого, дополнения, определения, различных обстоятельств.

Итак, данные марийского языка в целом показывают, что статус-кво категории степени сравнения имени существительного не вызывает сомнений. Классики марийской литературы С.Чавайн, М.Шкетан, Н.Игнатьев и многие современные писатели видели и видят, что в компаративных формах имени существительного и субстантивированных слов марийского языка заложены большие возможности функционального и стилистического аспектов. Поэтому они умело и уместно употребляли в своих произведениях формы степени сравнения имен существительных, послеложных конструкций и послелогов, а также субстантивированных и категориально недифференцированных слов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Чавайн С.* Возымыжо кум том дене лукталтеш I, II. Йошкар-Ола, 1980; 1981.
2. Сылнымут памаш. Йошкар-Ола, 1982.
3. Марий коммуна.
4. *Иванов В.* Тӱтан. Йошкар-Ола, 1965.
5. *Игнатьев Н.* Айырен погымы произведенийвлӓ I, II, III. Йошкар-Ола, 1969, 1970, 1971.
6. Ончыко.
7. *Майн М.* Салтакын ужмыжо. Йошкар-Ола, 1967.
8. *Шкетан М.* Роман, пьеса, ойлымаш, очерк да статья-влак I, II, III, IV. Йошкар-Ола, 1962.
9. М.Шкетанын публицистикыже. Йошкар-Ола, 1966.
10. *Косоротов В.* Илыш ӱшан. Йошкар-Ола, 1980.
11. *Васин К.* Ушнымаш. Йошкар-Ола, 1984.
12. *Ильяков Н.* Эдемвлӓ дӓ ивлӓ I, II. Йошкар-Ола, 1969, 1970.
13. *Орай Д.* Тӱтыра вошт. Йошкар-Ола, 1978.
14. *Колумб В.* Толза муро памашем воктек. Йошкар-Ола, 1984.
15. *Гадиатов Г.* Онгыран оргамак. Йошкар-Ола, 1975.
16. *Элексейн Я.* Тоймак тукым. Йошкар-Ола, 1963.
17. *Якимов М.* Чылалан эн лишыл. Йошкар-Ола, 1985.

Gennady Tuzharov

ON THE PROBLEM OF GRAMMAR CATEGORIES OF NOUNS IN THE MARI LANGUAGE

The article focuses on the problem of the category of the degree of comparison of nouns, postpositional constructions and substantivized words. In the Mari language the markers of the degrees of comparison may be applied to nouns, substantivized adjectives and participles, non-category words, postpositions and postpositional constructions, all pointing to:

a) space or place,
b) time,
c) qualitative-attributive relations,
d) moral and ethic relations,
e) abstract and transferred meanings.

Some of the words may also indicate post, age, etc.

Nouns may have two degrees of comparison: comparative and superlative.

«Финно-угроведение», 1995, № 1.

Николай Исанбаев
Йошкар-Ола

ТЮРКСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, в процессе взаимодействия контактирующих языков влияние одного языка на другой проявляется в разных формах и имеет своим последствием, во-первых, заимствование слов и других материальных элементов языка, во-вторых, калькирование различных типов, в-третьих, явления интерференции и трансференции, в-четвертых, конвергентное развитие языков и, в-пятых, возникновение двуязычия.

В процессе изучения результатов марийско-тюркских языковых контактов нами выявлены и исследованы главным образом заимствование слов и других материальных элементов языка — фонем, словообразующих и формообразующих суффиксов и лишь отчасти некоторых случаев калькирования слов и грамматических форм. Вообще следует признать, что проблема калькирования в марийском языке остается одним из наименее изученных вопросов языкознания. Имеются лишь две опубликованные научные работы, посвященные рассмотрению русских лексических калек в марийском литературном языке. Это работы А.А.Саватковой «О калькировании в марийском языке» (1) и З.В.Учаева «Калькирование в марийском языке и его отношение к русским заимствованиям» (2). Кальки тюркских языков в марийском языке, как, впрочем, и в других родственных языках (мордовских, удмуртском и др.), до сих пор не были предметом специального изучения, хотя некоторые примеры калькирования татарских слов, словосочетаний и фразеологизмов содержатся в монографии известного удмуртского языковеда профессора И.В.Тараканова «Заимствованная лексика в удмуртском языке» (3). В более широком плане (в смысле охвата языков) этот вопрос рассматривается в статье казанского тюрколога доктора филологических наук Р.Г.Ахметьянова «О калькировании в языках Волго-Камского языкового союза» (4). Но вряд ли можно сказать, что эти работы являются специальными исследованиями назван-

ной темы, поскольку привлекаемый в них языковой материал весьма скуден. Скорее всего их следует считать началом последующих, более глубоких исследований.

Настоящее сообщение тоже является лишь первой попыткой такого рассмотрения. В задачи нашего выступления не входит обсуждение спорных теоретических вопросов калькирования, таких, как, например, вопрос о разграничении результатов перевода иноязычного слова от случаев калькирования, вопрос о семантических кальках и т.п. Свою главную задачу мы видим в выявлении лексических и фразеологических калек тюркского происхождения, в их классификации по структурно-семантическим и лексико-тематическим признакам.

Фактические данные собраны нами не только из марийского литературного языка, но и из диалектов, расположенных в контактных зонах.

Под языковыми кальками обычно понимают слова или выражения, образованные путем буквального перевода иноязычных слов или выражений по составляющим их частям.

Существуют и другие определения. Например, Д.Н.Шмелев в книге «Современный русский язык. Лексика» пишет: «Сущность калькирования состоит в том, что для выражения понятия, **неизвестного** в том или ином языке, используется иноязычное слово как образец: либо при помощи присущих данному языку создается производное слово, повторяющее словообразовательную структуру образца (словообразовательно-семантическая калька), либо уже существующему в данном языке слову придается **новое значение** в соответствии с тем, какое значение присуще в другом языке семантически тождественному или близкому по основному значению слову. Иначе говоря, как бы копируется (обычно не полностью, а частично) семантическая структура этого слова» (5, с. 255). Это, по существу, **узкое** понимание калек. Но как определить, новое ли данное понятие в этом языке или не новое? Трудно ответить на этот вопрос. Для этого требуется глубокое историко-этимологическое исследование с привлечением данных многих языков и ряда научных дисциплин.

Проф. И.Г.Добродомов дает несколько другое определение: «К. — слово или выражение, созданное из исконных языковых элементов, но по образцу иноязычных слов и выражений» (6, с. 108). Это определение дает основание для более широкого толкования языковых явлений, подводимых под понятие калек и калькирования.

Таким образом, в понимании языковых калек нет единого, тождественного мнения. Есть узкое понимание этого термина и есть более широкое понимание. Мы в своем сообщении придерживаемся традиционного, более широкого понимания калек. Основным

признаком калек мы, как и многие языковеды, считаем структурно-семантическое сходство слов или выражений, а не обозначение новых, ранее неизвестных понятий и предметов.

Обычно различают кальки лексические, фразеологические и синтаксические. Среди лексических калек выделяются словообразовательные (или структурно-семантические) и семантические кальки, при этом словообразовательные кальки в свою очередь подразделяются на полные и частичные (неполные, гибридные) кальки.

Наши материалы по тюркским (татарским, башкирским и чувашским) лексическим калькам в марийском языке позволяют выделить следующие типы: словообразовательные и семантические кальки.

Словообразовательными кальками мы вслед за другими учеными считаем такие слова, которые возникают в результате буквального (поморфемного и пословного) перевода отдельных значащих частей иноязычного слова или словосочетания. Среди тюркских словообразовательных калек выделяются в первую очередь сложные слова и составные термины, созданные по образцу тюркских сложных слов и составных терминов; например: *вуйгандра* 'передний аркан на телеге для зацепки гнета' — тат. *баш бау*, чув. пуҫпăяв 'тж' (досл. головная веревка), *арнягече* 'пятница' — чув. *эрнекун*, тат. *атнакөн* 'тж' (досл. недельный день), *вӱргече* 'среда' — тат. урал. *кан көн*, чув. *юнкун* 'тж' (досл. кровь + день), *изарня* 'четверг' — тат. *кече атна*, чув. *кĕҫнерни* 'тж' (досл. малая неделя), *икече* 'на днях, недавно' — тат. *бер көн*, башк. *бер көн*, чув. *пĕр кун* 'тж' (досл. один день), *кечыгут* 'весь день, в продолжение всего дня' — тат. *кен озон*, чув. *кун каҫа* 'тж', *кечылекмаш* 'восток' — тат. *кен чыгыш*, башк. *сыҒыш*, чув. *хĕвел тухăҫ* 'тж' (досл. солнца восход), *вӱргаяш* ' кровоточить' — тат. *кан китӱ*, башк. *кан китү*, чув. *юн кай* 'тж' и др. Всего таких полных словообразовательных калек в нашем списке около сотни. Но это, по всей вероятности, неполный список. Фактически их гораздо больше.

Немало словообразовательных калек представляют собой частичные (или неполные, гибридные) кальки, в которых одна из составных частей заимствована из калькируемого иноязычного слова или словосочетания, а вторая часть является исконно марийским словом; например: *азу пӱй* 'клык' — тат. *азау теш* 'коренной зуб', башк. *аЗау теш*, чув. *асав ора*; *калаклу* 'лопатка (кость)' — тат. *калак сөяге*, башк. *калак һөяге*, ср. чув. *хул калакки* 'тж', *янаклу* 'скулы' — тат. *яҢак сөяге*, башк. *яҢак һөяге*, чув. *янах шăмми* 'тж', *омраулу* В 'ключица' — тат. *умрау сөяге*, башк. *умрау һөяге* 'тж', *вий-куат* 'сила, мощь' — тат. *кочкүҗ* 'тж', *вӱдкузан* 'водяной хомяк' — тат. *су көзҗе* 'тж', ср. башк. *көзҗ*

'хорь, хорек', *мӱйгалак* 'чайная ложка' — тат. *бал калагы*, чув. *пыл калакĕ* 'тж' (досл. ложка для меда), *ӱярня* 'масленица' — чув. *Çăварни* 'тж' и т.д.

Кальки (полные и частичные), создаваемые в марийском языке способом словосложения, составляют основную часть словообразовательных калек и подтверждают ту мысль, что этот способ словообразования в современном марийском языке является наиболее продуктивным способом.

Другую разновидность словообразовательных калек представляют собой кальки, образованные с помощью суффиксов. Следует сказать, что среди тюркских калек, в отличие от калек русского языка, очень мало бесспорных калек, созданных суффиксальным способом. Полных калек нами выявлено только несколько единиц, а большинство является частичной калькой. Примерами полных суффиксальных калек могут служить лишь слова: *куртньызӧ* В 'кузнец', воспроизводящее тат. *тимерче* 'кузнец', *улан* 'зажиточный, состоятельный, имущий', созданное, по нашему мнению, по типу татарского *бар+лы* с тем же значением. С известной осторожностью к ним можно причислить некоторые существительные с суффиксами *-лык, -зе (-зо, -зӧ), -че (-чо, -чӧ)*, заимствованными из тюркских языков еще в древнемарийский период и получившими в современном марийском языке способность образовывать новые слова от исконно марийских основ. Например: *авалык* 'матка (анатомический термин)' — тат. *аналык*, чув. *амалăх* 'тж' (ср. башк. *инәлек* бот. 'завязь'), *вуйлык* 'главарь, вожак, предводитель' — тат. *башлык*, башк. *башлык*, чув. *пуÇлăх* 'тж'; *нерлык* 'намордник' — тат. *борынлык*, башк. *морондок*, чув. *сăмсалăх* 'тж', *шинчалык* 'очки' — тат. *кузлек*, башк. *куҙлек*, чув. *куÇлăх* 'тж'; *сатузо* 'продавец, торговец' — тат. *сатучы*, чув. *сутуÇă* 'тж'; *аламазе* Вблб. 'старьевщик' — тат. *аламачы* 'тж', *мыскараче* 'шутник, комик' — чув. *мыскараÇă* 'тж', *оролчо* В 'сторож, караульщик' — чув. *хуралÇă*, тат. *каравылчы* 'тж'. В последних двух словообразовательных типах заимствованной частью является корень слова, вошедший из татарского или чувашского языка, а суффикс заимствован из чувашского (*сатузо, аламазе*) или, наоборот, корень слова вошел из чувашского, о чем свидетельствует его фонетический облик, а суффикс имеет татарское происхождение (*мыскара+че, орол+чо*).

Несколько чаще встречаются суффиксальные полукальки, в которых заимствованной частью является корень, а исконно марийским — суффикс, например: *сайлымаш* 'выборы' — тат. *сайлау* 'тж', *урлыкаш* 'семена, семенной' — тат. *орлыклык*, башк. *орлоКлоК*, чув. *вăрлăхлăх* 'тж', *акылан* 'умный, разумный' — тат. *акыллы*, башк. *акыллы* 'тж', *акылдыме* 'неумный, глупый, безумец' — тат. *акылсыз*, башк. *аКылһыЗ* 'тж', *рыскалан*

'счастливый' — тат. *рыскаллы*, чув. *ӑраскалла* 'тж', *котыран* 'чесоточный, покрытый коростой' — тат. *кутырлы*, башк. *Кутырлы*, ср. чув. *кӑрчанкаллӑ* 'тж', *языкан* 'грешный, греховный' — тат. *языклы*, башк. *яЗыклы*, чув. *Çылӑхлӑ* 'тж' *шекылдыме* В 'непривлекательный, безобразный' — тат. *шикелсез* и др.

Такие полукальки имеются и среди глаголов: *йорлешташ* 'беднеть, обеднеть, обнищать' тат. *ярлылану*, башк. *ярлыланыу*, чув. *юрлӑлан* 'тж', *моторешташ* 'хорошеть, похорошеть' — тат. *матурлану*, башк. *матурланыу*, чув. *маттурлан* 'становиться красивым, хорошим, прекрасным', *начарешташ* 'ухудшаться, ухудшиться' — тат. *начарлану*, башк. *насарланыу*, чув. *начарлан* 'тж', *ярланаш* Г 'обрушиваться, обрушиться (о береге)' — тат. *ярылу* 'трескаться, растрескаться', чув. *Çурӑл* 'трескаться, лопаться, раскалываться', *атыланаш* 'развиваться, развиться, расти буйно' — тат. *атылу* 'кидаться, кинуться, ринуться (ср. *чәчәк ату* 'цвести, зацветать, расцветать')', башк. *атылып тороу* 'рваться, стремиться к кому-чему'. Ср. еще в восточномарийских говорах: *окыкташ* 'обучать, преподавать' — тат. *укыту*, башк. *укытыу* 'тж', *саргайтараш* 'опечаливать' — тат. *саргайту*, башк. *һаргайтыу* 'вызвать глубокую печаль, тоску', *шавайтарӓш* 'убыстрять, усиливать' — тат. *шәбәйту*, башк. *шәбәйтеү* 'тж', *йыксыланаш* 'приедаться' — тат. *Жиксену*, башк. *екһенеү* 'приедаться, приесться; чувствовать отвращение к чему-л.', *ясаланаш* 'наряжаться, принаряжаться' — тат. *ясану*, башк. *яһаныу* 'наряжаться, нарядиться', *чыркынланаш* 'испытывать неприятное ощущение' — тат. *чиркәну*, башк. *сиркәнеү* 'тж', *кӱпурланаш* 'зазнаваться, зазнаться; разг. пузыриться' — тат. *күпереню* 'взбиться, топорщиться (о волосах); пузыриться (о коже)' и др.

Количество суффиксальных калек с учетом данных восточномарийского наречия достигает полусотни слов.

Следующим типом лексических калек являются семантические кальки. Семантическими кальками считаются слова, «в которых иноязычным по происхождению элементом является семантика, лексическое значение; само слово в своем звучании, материальном составе и словообразовательной структуре является исконным, одно же из присущих ему значений обязано иноязычному происхождению» (7, с. 42).

Среди тюркских лексических калек семантические кальки в марийском языке имеют значительный удельный вес. Их количество достигает, по нашим предварительным данным, четырех десятков слов.

Семантические кальки встречаются как среди именных частей речи, так и среди глаголов. Приведем примеры из именных частей речи.

Вуй 'голова, часть тела человека или животного'. Во многих языках

соответствующее слово имеет ряд других значений, в том числе — переходных. Например, в русском языке Словарь Ожегова дает семь значений: кроме указанного, еще следующие значения: 2. Единица счета скота. *Стадо в 200 голов.* 3. перен. Ум, рассудок. *Человек с головой.* 4. перен. Человек как носитель каких-нибудь способностей, свойств. *Горячая голова.* 5. перен. Руководитель, начальник. *Городской голова.* 6. перен. Передовой отряд, передняя часть. *Голова колонны.* 7. перен. Пищевой продукт в форме шара, конуса. *Голова сахара. Голова сыру.*

В марийском, татарском и чувашском языках многие из указанных значений имеют и соответствующие слова: *вӱй*, тат. *баш*, башк. *баш*, чув. *пуҫ*. Кроме того, они употребляются и с другими дополнительными значениями. Например, мар. *вӱй* по Словарю марийского языка имеет 14 значений, тат. *баш* — 12, чув. *пуҫ* — 11. Некоторые из них являются сходными, общими для контактирующих языков. Так, для марийского *вӱй* и татарского *баш* общим является, в частности, значение 'верх, верхушка, вершина, макушка', ср. мар. *пушеҥге вӱй* 'верхушка дерева' — тат. *агач башы* 'верхушка, макушка дерева', мар. *курык вӱй* 'вершина горы' — тат. *тау башы* 'тж'; для марийского и чувашского языков общими для указанных слов являются значения 'колос, початок' (мар. *ӱржа вӱй* 'колос ржи', *шыдаҥ вӱй* 'колос пшеницы', ср. чув. *ыраш пуҫӗ* 'колос ржи', *кукуруза пуҫӗ* 'початок кукурузы'), 'конец, край, оконечность' (мар. *ял вӱй* 'край деревни', *йыраҥ вӱй* 'конец или начало грядки' — чув. *ял пуҫӗ* 'край деревни', чув. *йӑран пуҫӗ* 'конец грядки'), 'передний конец, головка обуви или чулка' (мар. *йыдал вӱй* 'носок лаптя', *кем вӱй* 'носок сапога', *чулка вӱй* 'носок чулка' — чув. *пушмак пуҫӗ* 'головка ботинка'). Для марийского и башкирского языков общим является и значение 'закваска' (для теста, браги). Думается, что для возникновения сходных или общих значений у этих слов свою роль сыграло взаимовлияние языков, семантическое калькирование.

Общие значения, появившиеся, как мы полагаем, в результате семантического калькирования, наблюдаются у целого ряда марийских и татарских имен существительных, например, мар. *шӱкө* 'клин, крюк', 'вешалка' — тат. *чөй* 'клин, шпонка', разг. 'вешалка', мар. *йылме* 'язык', диал. 'клавиши, лады гармони', 'маятник' — тат. *тел* 'язык', 'клавиши, лады (*гармун теле*)', 'маятник', (*сәгат теле*), мар. *коля* 'мышь', 'колики, мыт (у лошадей)' — тат. *тычкан* 'мышь', 'колики, мыт' (у лошадей), мар. В *кылмыйол* 'незваный гость, приставший к основной массе гостей с целью выпить' — тат. (перм.) *тулаяк* 'тж', мар. В *логар* 'горло', геогр. 'устье реки' — тат. *тамак* 'горло', 'устье реки' (*Идел тамак* 'устье Волги', букв. 'горло Волги').

Такая же картина наблюдается у имен прилагательных, глаголов, у

числительного 'один' (мар. *ик*, тат. *бер*, чув. *пĕр*). Например: 1. У прилагательных: мар. *ошо* 'белый', 'бельмо' (*шинчашкыже ошо возын* 'у него глаза покрылись бельмом') — тат. *ак* 'белый', 'бельмо', 'белок (глаза, яйца)', *сары* В 'желтый', 'желтуха', 'желток (яйца)' — тат. *сары* 'тж', *ончыл* 1) 'передняя часть чего-л., передняя часть строения, место перед чем-л.' (*пӧрт ончыл* 'место перед домом', *капка ончыл* 'место перед воротами', *мунча ончыл* 'предбанник'; *коткa ончыл* 'предпечье'), 2) диал. 'колено' (*ончылныжо шинчаш* 'сидеть у него (у нее) на коленях'), 3) диал. 'участок поля для обработки в один прием; пóстать (при жатве)' — тат. *алды* 1)'передняя часть чего-л.' (*мунча алды* 'предбанник', *мич алды* 'предпечье')' 2) колено, 3) постать; *шӱман* В 'смелый' (досл. 'имеющий сердце, с сердцем') — тат. *йөрәкле* 'смелый, отважный', башк. *йөрәкле* 'тж'. Примеры можно дополнить.

2. У глаголов: *шыкылаш* 1) 'забивать (забить) клин, заклинивать, заклинить'; 2) перен. 'одурачивать, одурачить; обманывать, обмануть' — тат. *чәйләү* 1) 'заклинивать, заклинить'; 2) перен. 'умасливать, умаслить, льстить'; мар. *кыраш*, *шияш* 1) 'бить, побить кого-что', 2) 'молотить что-л.' — тат. *сугу* 'бить', 'молотить'; мар. *шуташ* 1) 'тянуть, протягивать', 2) 'курить (табак)' — тат. *тарту* 'тж' и др.

В связи с вышерассмотренным возникает вполне закономерный вопрос: не является ли чисто случайным структурно-семантическое совпадение приведенных и им подобных слов и составных терминов, можно ли здесь говорить о калькировании, или это результат конвергентного развития территориально близких языков? Если это калькирование, то какой из контактирующих языков послужил источником калькирования, образцом создания структурно и семантически однотипных образований?

Касаясь этого вопроса, казанский тюрколог д.ф.н. Р.Г. Ахметьянов в своей работе «О калькировании в языках Волго-Камского языкового союза» (4) дает на него в целом утвердительный ответ. Исключение, по его мнению, составляют лишь некоторые структурно однотипные образования типа тат. **терлекчелек** и рус. **животноводство**, тат. **кар тоту** и рус. **снегозадержание** и т.п. Мы полностью разделяем эту точку зрения ученого.

Относительно второго вопроса наш коллега выражается очень осторожно, не давая, по существу, прямого ответа. Действительно, структурно-типологическое сходство марийского и соседних тюркских языков чрезвычайно осложняет решение вопроса о происхождении многих однотипных образований: то ли это результат калькирования, то ли они возникли вследствие самостоятельного развития территориально близких языков. Учитывая сравнительно массовый характер

марийско-татарского и марийско-чувашского двуязычия и большое количество прямых татарских и чувашских лексических заимствований в марийском языке, мы осмеливаемся говорить более ясно, хотя допускаем спорность трактовки некоторых калек в марийском языке. Особенно смело можно говорить об источниках калькирования частичных (или неполных) калек, в частности серийных калек типа *сокыр карме* 'мошкара' — тат. *сукыр чебен* 'тж' (досл. 'слепая муха'), *сокыр коля* 'крот, землеройка' — тат. *сукыр тычкан* 'тж' ('слепая мышь'), *сокыр лампе* 'коптилка' — тат. *сукыр лампа* 'тж' ('слепая лампа'), *сокыр нуж* 'жгучая крапива' — тат. *сукыр кысыткан* 'тж' ('слепая крапива'), *сокыр пормо* 'слепень' — тат. *сукыр кигэвен* 'тж' ('слепой овод'), *сокыр тага* 'жмурки' — тат. *сукыр тәкә* 'тж' ('слепой баран') и др.

Вместе с тем следует признать, что определить точно конкретный язык-источник калькирования слов и выражений довольно сложно, иногда даже невозможно, поскольку подавляющее большинство лексических калек среди сложных слов и составных терминов, встречающихся в луговом и восточном наречиях, находит сходные параллели как в татарском и башкирском языках, так и в чувашском языке. Поэтому мы называем эти кальки тюркскими кальками.

Но иногда параллельные лексические образования наличествуют лишь в татарском и башкирском языках. Такие кальки можно рассматривать как татарские кальки. Они встречаются, в основном, только в восточномарийских говорах. С другой стороны, имеются параллельные образования, находящие свои эквиваленты только в чувашском языке. В таких случаях можно говорить о кальках из чувашского языка.

Примеры на татарские лексические кальки: *вӱдчыве* 'водяная курица' — тат. *су тавыгы* 'тж', *калаклу* 'лопатка (кость)' — тат. *калак сөяге* 'тж', ср. чув. *хул калакки*, *кишкыйыляме* бот. 'острец, лук-острец' — тат. *елан теле*, башк. *йылан теле* 'тж', *колятул* 'светлячок' — тат. *тычкан уты* 'тж', ср. чув. *сутă хурт*; *кочмыпод* В 'желудок' — тат.*ашказан*, башк. *ашКаЗан* 'тж', ср. чув. *вар. хырăм*; *ошвулно* 'олово' — тат. *ак кургаш* 'тж', ср. чув. *тăхлан* 'олово'; *пиҥсоло* 'мышиный горошек' — тат. *эт ичәге* 'тж', ср. чув. *тăрна пăрÇи*; *чодыра ушкал* В 'лось' — тат. *урман сыеры* 'тж'.

Примеры на чувашские лексические кальки: *вӱдвара* 'коромысло' — чув. *шыв кĕвенти* 'тж', *вӱдкорка* 'ковш' чув. *шыв курки* 'тж', *вӱшерге* 'гребень для волос' — чув. *пуÇ турă* 'тж', ср. тат. *тарак*; *вӱдшор* 'половодье' — чув. *шывшур* 'воды, распутица', ср. тат. *язгы ташкын* 'весеннее половодье'; *вӱдушкыж* зоол. 'выпь' — чув. *шыв вăхăрĕ* 'тж', ср. тат. *су угезе* 'буйвол' и др.

Вышеприведенные тюркские лексические кальки ясно указывают на то, что марийско-тюркские языковые контакты не ограничивались

заимствованием лишь лексических единиц. Они охватывают и разные типы калькирования слов и грамматических форм, сыграли большую роль в возникновении специфических особенностей марийского языка в процессе его исторического развития после периода волжско-финской языковой общности.

В заключение отметим, что лексические кальки разных типов, как и лексические заимствования, способствуют развитию и обогащению словарного состава языка. Тюркские лексические кальки имеются почти во всех сорока семи лексико-тематических группах слов, выделенных нами при изучении татарских заимствований.

Сокращения языков и диалектов: башк. — башкирский, мар. — марийский, мар. В — восточное наречие марийского языка, тат. — татарский, тат. перм. — пермский говор татарского языка, тат. урал. — уральский говор татарского языка, рус. — русский, чув. — чувашский.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Саваткова А.А.* О калькировании в марийском языке // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1964.

2. *Учаев З.В.* Калькирование в марийском языке и его отношение к русским заимствованиям // Проблемы русско-финно-угорского двуязычия. Йошкар-Ола, 1982.

3. *Тараканов И.В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке. Ижевск, 1982.

4. *Ахметьянов Р.Г.* О калькировании в языках Волго-Камского языкового союза // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1992.

5. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., Просвещение, 1977.

6. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

7. *Шанский Н.М., Иванов В.В.* Современный русский язык. Ч. I. М., Просвещение, 1981.

Nikolay Isanbayev

TURKIC LEXICAL CALQUES IN THE MARI LANGUAGE

It is for the first time in Mari Linguistics that Turkic lexical calques and their types have been researched. Among the examples of the Turkic (Tatar, Bashkir and Chuvash) calques taken by the author from the literary language and the dialects of the contact zones we can distinguish between the word-building and semantic types of translation loan-words. The major part of the word-building calques comprises the compound words and group-word terms. The suffixal type of the Turkic translation loan-words numbers comparatively few examples, most of them being incomplete, i. e. hybrid. Some words, chiefly of the eastern Mari dialects influenced by the Tatar and Bashkir languages got quite new meanings and now they are considered to belong to the semantic type of translation loan-words.

The lexical Turkic calques in the Mari language are diverse in meaning. They can be found almost in all the lexical and topical groups of words pointed out by the author in the course of studying the Tatar lexical borrowings.

АКАДЕМИК ПАУЛЬ АРИСТЭ
(к 90-летию со дня рождения)

Пауль Аристэ был одним из ведущих финно-угроведов всего мира, основоположником Тартуской школы финно-угроведения, одним из главных организаторов исследования, обучения и подготовки научных специалистов финно-угорских языков в бывшем Советском Союзе, а также координатором в международных связях финно-угроведения.

Пауль Аристэ родился 3 февраля 1905 года в волости Горма в Тартумааском уезде в семье кузнеца. В 1929 г. он окончил Тартуский университет, работал в университетской библиотеке Эстонского национального музея, в Эстонском архиве фольклора. В 1932-33 учебном году, будучи стипендиатом Тартуского университета, совершенствовал свои знания в университетах гг. Хельсинки, Упсала и Гамбурга. С 1933 г. работал преподавателем Тартуского университета, где в 1939 г. защитил докторскую диссертацию. С 1944 по 1977 г. профессор Пауль Аристэ заведовал кафедрой Тартуского университета, а с 1977 года до конца своей жизни работал профессором кафедры финно-угорских языков. В 1957 году по его инициативе в Институте языка и литературы было создано финно-угорское отделение, которым он руководил до 1961 года.

Пауль Аристэ организовал более 30 языковых экспедиций ко всем прибалтийско-финским народам, собрал там богатейший лингвистический и фольклорный материал, который был опубликован. Он опубликовал более 1000 трудов, среди которых десятки монографий, которые переиздавались несколько раз, например, «Фонетика эстонского языка», «Грамматика водского языка», многотомная серия водского материала, «Языковые контакты. Контакты эстонского языка с другими». В своих монографиях и многочисленных статьях академик

П. Аристэ исследовал разнообразные проблемы языка, фольклора и этнологии, относящиеся как к прибалтийско-финским, так и к другим финно-угорским народам, существенно обогатил всё уральское языкознание, установил мосты от уральского языкознания к ряду смежных наук и внес свой вклад в индоевропеистику и интерлингвистику.

Пауль Аристэ создал школу по финно-угроведению, которая стала международно признанной. Под его руководством многие успешно защитили кандидатские и докторские диссертации по финно-угроведению. Он часто выступал официальным оппонентом при защите диссертаций. Наряду с этим он проводил консультации, писал рецензии на диссертации, публикации и научные работы студентов. Многие научные работники, прошедшие его школу, в настоящее время успешно занимаются финно-угроведением в своих республиках и работают в вузах в Сыктывкаре, Йошкар-Оле, Ижевске, Саранске и других местах.

Благодаря П.Аристэ Тартуский университет стал одним из известнейших центров финно-угроведения. Кафедра финно-угорских языков Тартуского университета, которой он руководил десятки лет, является сегодня центром высококвалифицированных специалистов, проводит огромную и успешную научную и учебную деятельность, поддерживает тесные связи со всеми основными центрами финно-угроведения мира и продолжает работу по подготовке молодых одаренных специалистов для Эстонии и России. Подобный исследовательский центр был создан также при активном участии Аристэ и его учеников в Институте эстонского языка Академии наук Эстонии.

Пауль Аристэ лично дал образование, помог стать высококвалифицированными специалистами национальным кадрам мари, коми, удмуртов и других малых финно-угорских народностей. Важность этого обстоятельства в деле укрепления национального самосознания народов, сохранения и развития финно-угорских языков трудно переоценить.

Существенно следует заметить, что Пауль Аристэ содействовал прогрессу финно-угорской науки не только как ученый и преподаватель, но и как личность. Для него были характерны простота, способность по-родственному быть близким, взаимопонимание. Необычное понимание человека, исключительная способность к контакту, заразительный юмор способствовали тесным, широким связям между людьми. Поэтому он в глобальном масштабе являлся связующим, объединяющим центром финно-угристики.

Пауль Аристэ не терпел скуки, серости, растяжки и мудрствования. Явно с нетерпением устремлялся он к достижению своих целей. У него была удивительная способность схватывать всё налету, всегда быть

в курсе новых достижений в науке, непосредственно ввести их в свое исследование. У него было много предметов внимания и всё же при этом он умел углубляться в каждый из них. В этом помогала ему способность проникнуть в соответствующую культуру в целом, основательно чувствовать манеры, привычки, верования исследуемого народа, настраиваться на них. Для него не нужно было долгого объяснения, что является существенным в исследовании, от чего следует избавиться, как проникнуть в сущность объекта исследования.

Пауль Аристэ был прежде всего исследователем прошлого и настоящего, но он всегда смотрел в будущее. Поэтому для него существенным было воспитание молодого поколения и предначертание задач будущего. Он обращался к молодым устно и письменно, во всех своих трудах мысленно находился в завтрашнем дне молодых.

Разностороннее творчество Пауля Аристэ получило высокую оценку. В 1954 г. он стал членом Эстонской Академии наук, а в 1974 г. Почетным членом Общества родного языка.

Многочисленные зарубежные учреждения и организации приняли его в Почетные члены: Финно-угорское общество, Венгерская Академия наук, Лингвистическое общество Америки, Общество Калевала, Общество трезвенников, Общество родного языка, Международное общество венгерской филологии, Венгерское лингвистическое общество, Урало-Алтайское общество в Гамбурге.

П. Аристэ был Почетным доктором следующих университетов: Хельсинки (1969), Сегеда (1971), Тампере (1975), Латвии (1989), а также иностранным членом Финского литературного общества, Финской Академии наук, Общества Портан и Финской Академии.

В течение многих лет Пауль Аристэ выполнял общественные работы большого масштаба. Он был председателем Международного комитета финно-угроведов, Почетным Президентом VI Международного Конгресса финно-угроведов (Сыктывкар, 1985), председателем Советского Комитета финно-угроведов, главным редактором журнала «Советское финно-угроведение» и журналов Общества родного языка, председателем редакционной коллегии научной серии Тартуского университета, членом редакционной коллегии ряда научных журналов, членом Совета Тартуского университета, Института языка и литературы (Таллинн) и Литературного музея (Тарту). П. Аристэ хорошо знал людей и был тонким психологом, авторитетным главой семьи, сердечным, добрым, чутким человеком с чувством юмора, в то же время строгим и требовательным учителем и исследователем, большим патриотом своего народа, своей Родины, своего родного языка, творцом, для которого единственным отдыхом всегда была работа. Неустанная деятельность академика Пауля Аристэ продолжалась вплоть до его кончины, наступившей 2 февраля 1990 года.

По-современному звучит сейчас один его афоризм, высказанный несколько лет назад: «Африканские карлики долго думали о том, что они между собой будут общаться только жестами. У них был свой язык, как и у других народов. Но они не смели беседовать между собой на своем языке, боясь, что чужие могут перенять прелесть их языка. У нас язык красивый, и мы не боимся представить его посторонним. Мы говорим на своем языке везде и всюду, пусть услышат его нынешнее и будущее поколения, если этот язык красив».

Говорящие на этом красивом языке никогда не забудут Пауля Аристэ.

Аго Кюннап
Тарту

«Финно-угроведение», 1995, №1.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ К.Н.САНУКОВА ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ (к 60-летию со дня рождения)

1. Венгерский ученый о марийской музыке // Марийская правда, 1963, 22 сентября.

2. У историков Марийской АССР // История СССР. 1964, №6. С. 217-221.

3. Присоединение Марийского края к Русскому государству // Очерки истории Марийской АССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Йошкар-Ола, 1965. С. 75-95.

4. Первые сведения письменных исторических источников о древних марийцах // Научная сессия по этногенезу марийского народа. Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола, 1965. С. 38-39.

5. Изучение истории Марийской АССР // Ученые записки Марийского пединститута, т. XXVII. Йошкар-Ола, 1965. С. 3-39 (в соавторстве с В.Ф.Пашуковым).

6. «Вашу музыку знают во всем мире»: венгерские ученые о своей поездке по марийской земле // Марийская правда, 1966, 20 сентября.

7. Uudet laulut Marimaa kohal / Rahva hääl, 1970, december 18.

8. Культурные и научные связи (марийско-венгерские) // Политическая информация. Йошкар-Ола, 1971, №17. С. 10-14.

9. Москва — Карелия — Эстония // Марийская правда, 1971, 26 января.

10. A Mari ASZSZK a Szovjetunió Népeinek testvéri szövetségében // Vasi propagandista, 1983, №X, 2-S. 24-34.

11. К этимологии топонима *Арда* // Вопросы марийской ономастики. Вып. 4. Йошкар-Ола, 1983. С. 136-138.

12. К характеристике современных этнических процессов у марийцев // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982-1983 годов. Ч. I. Черновцы, 1984. С. 43-44.

13. К этимологии гидронима Ветлуга // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1984. С. 114-118.

14. Экономическое и культурное развитие Марийской АССР: доклад на VI

Международном конгрессе финно-угроведов. Сыктывкар. Июль 1985 г. Йошкар-Ола, 1985. 16 с.

15. Modern ethnic processes of the Volga Finno-Ugric Peoples / VI Международный конгресс финно-угроведов. Т. IV. Сыктывкар, 1985.

16. Все такое близкое, знакомое... // Сервус, Савария. Йошкар-Ола, 1985. С. 59-62.

17. Просветитель-демократ, видный ученый // В.М.Васильев: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения ученого. Йошкар-Ола, 1985. С. 5-12.

18. Международный конгресс финно-угроведов // Политическая агитация. Йошкар-Ола. 1985, №22. С. 11-14.

19. Актуальные проблемы изучения истории Марийской АССР // Вопросы историографии истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1986. С. 3-22.

20. Некоторые итоги и проблемы изучения изобразительного искусства Марийской АССР // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 5. Йошкар-Ола. 1986. С. 56-68 (в соавторстве с Г.И.Соловьевой).

21. Присоединение Марийского края к Российскому государству // История Марийской АССР. Т.1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Йошкар-Ола. 1986. С. 52-65.

22. Взаимосвязь социальных и этнических процессов в современном советском обществе // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984-1985 гг. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986. С. 57-58.

23. Дружбе крепнуть // Политическая агитация. 1986. — №6. — с. 6-9.

24. К вопросу о формировании марийской социалистической нации // XVII Всесоюзная конференция финно-угроведов. Тезисы докладов. Т.2. Устинов, 1987. С. 193-195.

25. К вопросу о формировании социалистических наций Волго-Уральской историко-этнографической зоны // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986-1987 гг. Сухуми, 1988.

26. Национальные традиции и интернационализация культуры // Традиционное и современное в музыке народов Поволжья (Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 6). Йошкар-Ола, 1988. С. 14-21.

27. Национальные традиции и развитие интернациональных черт в марийском народном искусстве // Народные художественные промыслы Марийской АССР. Материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития народных художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства

Марийской АССР». Йошкар-Ола, 1988. С. 3-13.

28. Келче кыша [Глубокий след]: о В.М.Васильеве // Ончыко. 1989, №4. С. 69-87.

29. Некоторые вопросы этнического развития марийского народа // Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР (Археология и этнография Марийского края. Вып. 16). Йошкар-Ола, 1990. С. 24-38.

30. Марий сылнымутын шем кечылаже. [Черные дни марийской литературы] // Ончыко. 1990, №6. С. 71-87.

31. Mareillekin paikka uudistuvassa maailmassa / Maailma ja me. Helsinki. 1994. № 4. S. 67-75.

32. The Fate of the Mari People: Anxieties and Hopes / The Monthly Survey of Baltic and Soviet Politics. — 1991, September-october. Tallinn Panor-Press. P. 31-34.

33. Этнокультурные процессы у финно-угорских народов // Развитие советских финно-угорских народов: история и современность. Тезисы Всесоюзной научной конференции. Сыктывкар. 1991. С. 65.

34. Народ из Красной книги. Судьба марийцев: тревоги и надежды // Волга-Урал. Уфа. 1991, №19. С. 8-9.

35. Не стать бы Иванами, родства не помнящими // Республика, 1991, 15 ноября.

36. Встанем ли мы с колен? // Республика, 1991, 13 декабря.

37. Эстон шпион семын репрессироватлыме [Репрессирован как эстонский шпион] [А.Ф.Сайн] //Марий коммуна, 1992, 2 февраля.

38. «Финский шпион» [Т.Е.Евсеев] // Марийская правда, 1992, 7 и 10 марта.

39. Родо-тукым калык-влак [Родственные народы] // Марий коммуна, 1992, 13 марта.

40. Политэмигранты из страны Суоми // Марийская правда, 1992, 29 мая.

41. Вийнен шогалме неле корныштo [На трудном пути возрождения] // Марий коммуна,1992, 8 июля.

42. Российмсе тыгыде калык: тудын пурымашыже да праваже [Малочисленные народы России: их судьбы и права] // Кугарня, 1992, 23 октября.

43. Приказано выжить [о III съезде народа мари] // Молодежный курьер, 1992, 18 ноября.

44. Финно-угры: тревоги и надежды // Марийская правда, 1992, 25 ноября.

45. Проблемы этнокультурного возрождения народов России // Традиционное и новое в культуре народов России. Тезисы докладов и выступлений на Всероссийской конференции. Саранск. 1992. С. 163-165.

46. Марийцы: прошлое, настоящее и будущее. Йошкар-Ола. 1992. — 30 с.

47. Выступление на I съезде финно-угорских народов России // Парма. М.,

1992, №3. С. 47-48.

48. The Finno-Ugric Peoples: Apprehensions and Hopes. / The monthly Survey of Baltic and Post-Soviet politics. 1992, March. — P. 25-27.

49. Problems of the ethnic and cultural Revival among Finno-Ugric Peoples of Russia. / Specimina Sibirica. Supplementum 1. Thesen des Simposiums. Sombathey, 1992. P. 37-38.

50. Suomalais — Ugrilaiset kansat elävät ahdingossa Venäjällä. / Iltalehti. — Helsinki. 27.05.1992. — S.7.

51. Human Rights of Fenno-Ugric Peoples. / The monthly Survey of Baltic and Post-Soviet politics. 1992. November-Desember. Tallinn Panor-Press. P. 47-48.

52. Zur Situation der kleiner Völker in Russland. / Menschenrechte. 1992. September/October. Frankfurt/Main. P. 12-13.

53. Тернистый путь возрождения // Федерация. М., 1993, № 11, с. 2.

54. Тернистый путь возрождения // Белый журавль: вестник финно-угорских народов. СПб. 1993, №1. С.5.

55. On the Human Rights of Small Nations and National Minorities in the Russian Federation. / International conference of Human Rights. Helsinki, 1993. P. 51-54.

56. Marilen kansallisen liikkeen nykytila. / Elias. — Helsinki. — 1993, №3. S.10-11.

57. Из истории просветительского движения в Марийском крае // Из истории развития народного образования и просветительства в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 1993. С. 68-80.

58. Второй Всероссийский съезд мари (к 75-летию) // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. Йошкар-Ола, 1993, №2-3. С. 116-120.

59. Problems of the Ethnic and Cultural Revival among Finno-Ugric Peoples of Russia. / Specimina Sibirica. Tomus VIII. Die Wege der finnisch-ugrischen Volker zur politischen, kulturellen und sprachlichen Autonomie. Materialien eines Internationalen Symposions 15-17. Oktober 1992 in Szombathey. Savariae, 1993. P. 133-143.

60. 710/43 №ан дела: В.М.Васильевын илышыже гыч [Дело № 710/43: из жизни В.М.Васильева] // Марий Эл, 1993, 20 января.

61. Иду к живому брату: финно-угорский мир // Марийская правда, 1993, 15 сентября.

62. Марий калык да тудын сылнымутшо. The Mari People and its Literature. Народ мари и его литература // Council of Finno-Ugric Writers. INF. №1. 1992-1993. Tallinn. P. 39-55.

63. Финно-угорские народы России: исторический опыт и современность// Тарасовские чтения. 15-16 марта 1994 г. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Йошкар-Ола, 1994. С. 4-5.

64. Этнический идентитет финно-угров России // Памятники истории, культуры и природы Европейской России. Тезисы докладов V Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород, 1994.

65. Eastern Finno-Ugrians: National History and Identity. / Identity and the writing of National Histories in the North-East Baltic Region 19th and 20th Centuries. Helsinki. 1994.

66. Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты // Финно-угроведение. Йошкар-Ола. 1994, №1. С. 1-16.

67. Проблемы культурно-языкового выживания малых народов и этнических меньшинств в полиэтническом обществе. // Livonians and Their Culture: Preservation of Small Ethnic Group Language and Culture in Theory and reality. Mazirbe. Riga, 1994. P. 56-58.

68. Права национальных меньшинств // Белая Книга России. Internationale Gesellschaft für Menschenrechte. Frankfurt / Main, 1994. P. 145-157. (Co-op).

69. Национальная государственность финно-угорских народов России: исторический опыт и уроки // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Сыктывкар, 1994. С. 35-36.

70. Политическое положение финно-угорских народов Российской Федерации // Финно-угорские народы и Россия. Сборник материалов международных конференций 1992-1993. Таллинн. 1994. С. 14-25.

71. Идентитет и национальная историография // Финно-угроведение. 1994, №2. С. 128-130.

72. Первый Всероссийский съезд народа мари // Марийский археографический вестник. 1994, №4. С. 42-50.

73. Андрей Сайн — «эстон шпион» // Ончыко, 1994, №7. С. 42-50.

74. Историк лийше священникын пурымашыже [Судьба священника, ставшего историком] (о Ф.Е.Егорове) // Ончыко, 1994, №12. С. 121-137.

75. Проблемы истории и возрождения финно-угорских народов России. Материал по спецкурсу «История финно-угорских народов». Йошкар-Ола, 1994. 48 с.

76. Культура и национальное самосознание в полиэтническом регионе // Актуальные проблемы полиэтнического региона и перспективы народов России. Материалы постоянно действующего регионального научного семинара. — Йошкар-Ола, 1995. С. 5-7.

Хроника

ФИННО-УГОРСКАЯ ХРОНИКА
за 1994 год

14-16 апреля
Йошкар-Ола
Слет молодых журналистов финно-угорских народов.

Апрель
г.Мурманск
Конференция по проблемам развития малочисленных народов на примере саамов.

20-24 апреля
г.Упсала
(Швеция)
Международный юбилейный симпозиум, посвященный 100-летию кафедры финно-угроведения университета г.Упсала.

5-9 мая
г.Тарту
Семинар финно-угорской молодежи по этнофутуризму, где проведена выставка молодых художников и решено издать сборник произведений футуристов.

Май
г.Ижевск
Вышел первый номер финно-угорской молодежной общественно-художественной газеты «Родство», учрежденной Госкомитетом Удмуртской республики по молодежной политике, Удмуртской молодежной общественной организацией «Шунды» и трудовым коллективом редакции.

16 мая
г.Йошкар-Ола
Вручение диплома Почетного доктора Марийского государственного университета Алхо Алхониеми, профессору университета г.Турку.

17-19 мая
г.Сыктывкар
Первая Международная финно-угорская студенческая научно-практическая конференция по проблемам финно-угорских языков, литературы и истории.

Июнь
г.Каусала
(Финляндия)
Международная научная конференция «Идентитет и национальная историография в Северо-Восточном Балтийском регионе в 19-20 веках», посвященная 200-летию со дня рождения А.И.Шёгрена.

12 июня *г.Ханты-Мансийск*	Выпуск десятого номера тележурнала-викторины «Финно-угорский мир» (первая передача состоялась в г.Сыктывкаре в январе 1993 года).
1-5 июля *г.Сыктывкар*	Международный молодежный форум финно-угорской творческой интеллигенции. Приняты обращения к финно-угорской молодежи, к органам государственной власти Российской Федерации. Организаторы: Российский Союз молодежи, Молодежная ассоциация финно-угорских народов (МАФУН).
3-4 июля *г. Чонград* (Венгрия)	Заседание Международного Консультативного Комитета финно-угорских народов.
15-24 июля *г.Нурмес* (Финляндия)	Фестиваль национальных театров финно-угорских народов «Маятули».
4-6 августа *с.Мазирбе* (Латвия)	Международная научная конференция «Ливы и их культура: проблемы сохранения языка и культуры малых народов и этнических меньшинств в многонациональном обществе».
19 сентября *г.Соуменссалми* (Финляндия)	Открытие памятника «Сынам Отечества — скорбящая Россия», посвященного памяти наших соотечественников, погибших в Зимней войне 1939 г.
26-30 сентября *г.Саранск*	Четвертый международный фестиваль телепрограмм и телефильмов «Финно-угорский мир».
Сентябрь *г.Йошкар-Ола*	Вышел первый номер журнала «Финно-угроведение».
15 октября	День финно-угорских народов.
14-16 октября *г.Хельсинки*	Совещание работников национальных библиотек финно-угорских территорий.
26 октября *г.Ижевск*	Научно-практическая конференция МАФУН «Молодежь и финно-угорский мир».
27-31 октября *г. Лохусаалу* (Эстония)	Заседание Международного Консультативного Комитета финно-угорских народов.

Октябрь *г.Таллинн*	Издана книга «Финно-угорские народы и Россия» по материалам международных конференций.
15-17 ноября *г.Йошкар-Ола*	Первая Всероссийская научная конференция финно-угроведов. Представлено более 250 докладов. Участвовало 369 человек из России, Финляндии, Эстонии и США.
Ноябрь *г.Сыктывкар*	Открылась передвижная выставка молодых финно-угорских художников. Проведен семинар.
28-29 ноября *г.Лохусаалу* (Эстония)	Семинар по сотрудничеству финно-угорских теле-организаций, работников телекомпаний. Создание координационного совета, куда вошли представители Венгрии, Марий Эл,Удмуртии, Финляндии, Эстонии.
1 декабря *г.Ижевск*	Совещание учредителей телепрограммы «Финно-угорский мир». В состав учредителей вошла Карелия.

Составил **Игорь Садовин**
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Никитина Татьяна Багишевна — директор Научного центра финно-угроведения, кандидат исторических наук. Специалист в области средневековой истории культуры марийцев.

Андуганов Юрий Владимирович — заведующий кафедрой марийской и финно-угорской филологии Марийского университета, профессор, доктор филологических наук. Специалист в области синтаксиса финно-угорских языков.

Голдина Римма Дмитриевна — директор Института истории и культуры народов Приуралья при Удмуртском университете, доктор исторических наук, профессор. Специалист в области этногенеза и этнической истории народов Волго-Камья.

Архипов Геннадий Андреевич — директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, доктор исторических наук. Специалист по проблемам этногенеза и ранней этнической истории марийцев.

Сануков Ксенофонт Никанорович — заведующий кафедрой региональной истории Марийского университета, профессор, доктор исторических наук, действительный член Академии гуманитарных наук, главный редактор журнала «Финно-угроведение». Занимается изучением истории, культуры, этнических процессов у финно-угорских народов.

Сеппо Лаллукка — старший научный сотрудник Института России и Восточной Европы в Хельсинки, доктор философии. Специалист в области этнодемографии финно-угорских народов.

Васильев Иван Федорович — директор Центра анализа и прогноза социально-экономических процессов, кандидат экономических наук, специалист по демографии и экономике.

Колмаков Александр Глебович — начальник отдела финно-угорских и монгольских народов Департамента по делам национальностей Министерства Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике, специалист в области национальной политики.

Алексеев Сергей Викторович — главный специалист отдела финно-угорских и монгольских народов Департамента по делам национальностей Министерства Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике, кандидат технических наук. Специалист в области информатики и системного анализа.

Мокшин Николай Федорович — заведующий кафедрой археологии, этнографии и дореволюционной отечественной истории Мордовского университета, профессор, доктор исторических наук. Специалист в области этнографии мордовского народа.

Айтуганова Людмила Дмитриевна — научный сотрудник Удмуртского НИИ истории, языка, литературы Уральского отделения РАН.

Кудрявцев Владимир Геннадьевич — заведующий отделом фольклора и искусств Марийского НИИ языка, литературы и истории, кандидат искусствоведения. Занимается проблемами изобразительного искусства.

Леонтьев Андрей Евгеньевич — старший научный сотрудник Института археологии Российской АН, доктор исторических наук. Специалист в области этнической истории финно-угров Поволжья.

Рябинин Евгений Александрович — старший научный сотрудник Института истории материальной культуры (г. С-Петербург), доктор исторических наук. Специалист в области древней культуры финно-угров России и славянских народов.

Васикова Лидия Петровна — профессор кафедры русского и общего языкознания Марийского университета, доктор филологических наук. Специалист в области грамматики и лексикографии марийского языка.

Тужаров Геннадий Матвеевич — доцент кафедры общего языкознания Марпединститута, кандидат филологических наук. Специалист в области морфологии марийского языка.

Исанбаев Николай Исанбаевич — ведущий научный сотрудник отдела языка Марийского НИИ языка, литературы и истории, доктор филологических наук. Специалист в области контактов марийского и тюркских языков.

Кюннап Аго — заведующий кафедрой уральских языков Тартуского университета, профессор, доктор филологических наук. Специалист в области финно-угорских и самодийских языков.

Садовин Игорь Геннадьевич — аспирант кафедры политической истории и культурологии Казанского инженерно-строительного института.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, опубликованными в журнале «Финно-угроведение» №№ 1-2 за 1994 г.

Не забывайте, что объем рукописей статей не должен превышать 22 машинописные страницы, для сообщений — не более 11 страниц. К рукописи должно быть приложено резюме статьи объемом не более одной машинописной страницы на английском или русском языке.

Желательно прилагать основные сведения об авторе статьи (где и кем работает, ученое звание и степень, сфера научных интересов).

CONTENTS

THE MATERIALS OF THE 1ST ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE OF FINNO-UGRISTS

T. Nikitina. The 1st All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugrists. 3

The Resolution of the 1st All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugrists. 9

Y. Anduganov. The Present-Day State and Prospects of Finno-Ugric Linguistics in Russia. 13

R. Goldina. The Finno-Permic and Neighbouring Tribes: the Main Stages of Interaction. 23

G. Arkhipov. Ethnogeny of the Finno-Ugric Nations of the Volga Region: Present-Day State and Tasks of Studying the Problem. 30

K. Sanukov. The Problems of Studying the Ethnic History of the Finno-Ugrians of Russia. 42

S. Lallukka. Academician Sjögren's Heritage and Some Problems of Finno-Ugric Studies. 55

I. Vasilyev, A. Kolmakov, S. Alekseyev. On the State Programme of the National Revival and Development of the Finno-Ugric Nations of Russia. 62

N. Mokshin. Current Ethnoconfessional Situation in Mordovia. 74

L. Aituganova. Song Verses of the Finno-Ugric Nations of the Volga and Ural Areas. 87

V. Kudryavtsev. The Mari Subject-Matter in the Pictorial Works by the Finnish Painter Agathon Reinholm. 96

A. Leontyev. On the Time of the Merya Migration to the Nero and Pleshcheyevo Lakes Areas. 105

Y. Ryabinin. Some Inferences from Studying the Finno-Ugric Tribes of the North-Western Russia (the Annalistic Vod and Izhora). 112

L. Vasikova. Mari Lexicography: Present-Day State and Prospects of Development. 124

G. Tuzharov. On the Problem of Grammar Categories of Nouns in the Mari Language. 132

N. Isanbayev. Turkic Lexical Calques in the Mari language. 139

A. Künnap. Academician Paul Ariste (For the 90th Birth Anniversary). 149

The List of Scientific Works on Finno-Ugristics by K.N. Sanukov (For the 60th Birth Anniversary). 153

CURRENT EVENTS

The Finno-Ugric Chronicle of 1994. Recorded by *I. Sadovin*. 158

List of Authors. 161

«Финно-угроведение», 1995 г., № 1.

Научный журнал
основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Тел.: 5-37-34

Редактор *Т.А.Товашова*
Обложка художника *Ю.П.Клюкина*
Английский текст *Л.В.Куликовой*

Оригинал-макет подготовлен фирмой «Page»
Компьютерный набор и верстка *В.В.Безденежных*

Формат 60 x84 $^1/_{16}$ Объем 10,25 п.л.
Тираж 500 экз. Бумага книжно-журнальная. Заказ № 5205
Отпечатано в фирме «Page», бул. Свердлова, 5

Научный центр
финно-угроведения подготовил
к изданию

«Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов»

объемом 37 п.л.

Книга выйдет из печати
в апреле-мае 1995 г.

Ориентировочная
цена — 20 000 руб.

Заявки можно направлять по
адресу: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.

Научный центр
финно-угроведения